ФАНТАСТИКА
ЛЕГЕНДЫ
ГРУСТНЫЙ ЛЕВ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Дебют в фантастике Александра Маркова — «Апсу», фантастическая повесть по мотивам мифов разных народов в сборнике «Легенды грустный плен» (1991).

- Александр Марков
  - Глава 1
  - Глава 2
  - Глава 3
  - Глава 4
  - Глава 5
  - Глава 6
  - Глава 7
  - Глава 8
  - Глава 9
  - Глава 10
  - Глава 11
  - Глава 12
  - Глава 13
  - Глава 14
  - Глава 15
  - Глава 16
  - Глава 17
  - Глава 18
  - Глава 19
  - Глава 20
  - Глава 21
  - Глава 22
  - Глава 23
- notes
  - 1
  - 2

Александр Марков
АПСУ [1]

1. Чрез семь дней воды потопа пришли на землю… в сей день разверзлись все источники великой бездны, и окна небесные отворились… И усилилась вода на землю чрезвычайно, так что покрылись все высокие горы.

Бытие, 6, 10 — 19

2. Сурт едет с юга
с губящим ветви, солнце блестит на мечах богов; рушатся горы, мрут великанши; в Хель идут люди, расколото небо.
Солнце померкло, земля тонет в море, срываются с неба светлые звезды, пламя бушует питателя жизни, жар нестерпимый до неба доходит.

Прорицание Вельвы, 52-57

3. Едва занялось сияние утра,
С основанья небес встала черная туча,
Адду гремит в ее середине…
Из-за Адду цепенеет небо.
Вся земля раскололась, как чаша.
Ходит ветер шесть дней, семь ночей,
Потопом буря покрывает землю…
Я открыл отдушину — свет упал на лицо мне,
Я взглянул на море — тишь настала,
И все человечество стало глиной!

«О все видавшем», эпос о Гильгамеше.

4. Из храма небесного от престола раздался громкий голос, говорящий: свершилось! И сделалось великое землетрясение, какого не бывало с тех пор, как люди на земле. И город великий распался на три части, и города языческие пали… И всякий остров убежал, и гор не стало.

Апокалипсис, 16, 17-20

Глава 1
НЕОБЫЧАЙНОЕ ПРОИСШЕСТВИЕ В ТРАКТИРЕ СТАРОГО БАЛГА

Теплым майским вечером по дороге из Элора в Тетагир ехал молодой человек на серой лошади. На вид ему было лет двадцать. Темные глаза и волосы, нос с горбинкой и небольшой рост сразу выдавали в нем уроженца здешних мест. Низкое солнце било ему в глаза, он отводил взгляд; при этом лицо его сохраняло добродушное, мечтательно-задумчивое выражение. Как и большинство жителей Эн-Гел-а-Сина — «Страны у Лунной реки», — наш всадник любил предаваться размышлениям о жизни, любви и красоте и тайно сочинял стихи. Полное имя всадника было Шем-ха-Гил, но друзья звали его просто Гилом. Сейчас он ехал домой и гнал перед собой толстую неповоротливую овцу. Овца эта потерялась два дня назад, и Гил потратил немало времени на ее поиски. Процессия двигалась медленно — овца явно не торопилась, то и дело останавливалась отдохнуть или пощипать травки у обочины. Да и не в обычаях Гила было спешить. Но вот овца, а вслед за ней и лошадь со всадником, спустились в небольшую ложбинку. Солнце скрылось из виду, потянуло сыростью, и Гил поплотнее закутался в тонкий серый плащ с застежкой в виде лунного серпа.

— Слушай, подружка, давай-ка прибавим ходу, — обратился Гил к овце. Смотри, вечер уже, а мне еще надо заглянуть к старому Балгу. Ну, пошла, пошла, — добавил он более строго, увидев, что овца не реагирует.

Они двинулись чуть быстрее. Теперь дорога шла вверх, взбираясь на пригорок.

Трактир Балга находился как раз на вершине, в двух шагах от дороги. Вот уже показалось невысокое строение с черепичной крышей и круглыми окнами. За задней стеной рос могучий дуб, прикрывавший своими ветвями почти весь дом. Этот дуб, казалось, вышел на своих старых корнях из темной стены леса, тянувшегося к югу от дороги, и остановился в раздумье на вершине пригорка. Место для трактира Балг выбрал удачно — отсюда была видна вся округа: от невысоких гор Ио-Син на северо-востоке и леса на юге почти до самого Эллила — большой реки на западе. Все это пространство было занято пастбищами и виноградниками, рощами, холмами и овражками. Виднелись аккуратные домики из желтых кирпичей — жилье местных хуторян, паслись кое-где овцы. Жители хуторов, выпив в кабачке

у Балга кружку-другую доброго пива, любили выйти на крыльцо и, усевшись на ступеньках, любоваться окрестностями. Такое занятие было для них неисчерпаемым источником радости и душевного равновесия.

Сегодня, однако, на широком крыльце не было ни души. Спешившись, Гил обнаружил еще более невероятную вещь — стекло в одном из круглых окошек было выбито, и трава внизу была усыпана осколками. Гил нетерпеливо взбежал по ступенькам и вошел в дом. Внутри было темно — солнце зашло, а Балг еще не зажигал свечей. Гил почувствовал знакомый с детства густой запах пива и бараньего жаркого. Послышался скрип половиц и глухое ворчанье, затем в дальнем углу осветился дверной проем, который тут же был заполнен массивной фигурой трактирщика. Балг держал перед собой две горящие свечки — при этом сам он был хорошо освещен, но ничего не видел.

— Ну и темнотища, гуллы бы меня забрали, — проворчал он.

Гил заметил, что трактирщик как-то странно выглядит: лицо его выражало растерянность и тревогу — чувства, редко испытываемые жителями Эн-Гел-а-Сина.

— Это я, Гил, — нерешительно сказал Гил, по-прежнему стоящий на пороге. Круглое лицо Балга расплылось в улыбке, и он засуетился, зажигая одну за другой свечи на стенах. Отблески свечных огоньков заплясали у него на лысине.

— А, господин Гилли, здорово, дружок! Славно, что ты зашел ко мне. А я уж думал, не увижу тебя больше. Проходи, проходи, да не стесняйся, садись. Пивка? Бесплатно сегодня. Да ты не смотри, что я в таком виде — собираюсь в дорогу, вот и не встретил тебя. Ну вот, — Балг поставил на стол две большие глиняные кружки и уселся напротив Гила. — Посидим, поговорим. В последний раз ведь, дружок, да! Вот уж не думал, что так оно обернется. Ах, знали бы вы, сударь, как это мне тяжело! А выхода-то нет! — трактирщик сморщил нос, казалось, он вот-вот заплачет.

Гил с удивлением смотрел на Балга, слушал его бессвязную болтовню и ничего не понимал.

— Да что с тобой сегодня, старина? Что это на тебя нашло? — спросил наконец Гил, в то время как трактирщик сопел, обхватив голову руками.

— Ах, и не спрашивай, дружок. Вот ведь дожили до чего! Ты только погляди! — Он показал на пустые столы и разбитое окно.

— Ну-ну, успокойся! Лучше расскажи по порядку, что тут у тебя стряслось. И что это ты заговорил вдруг такое: больше не увижу! да в последний раз! да не могу!.. Вот стекло у тебя разбили — это да! Это правда, шутка нехорошая. Но все равно —

так расстраиваться…

На лице Балга отразилась происходившая в нем внутренняя борьба — ему, видно, и хотелось поделиться с Гилом своими переживаниями, и что-то его останавливало. Пока он кряхтел и строил рожи, страшная догадка пронзила Гила.

— Признайся, старина, — сказал он. — У тебя завелись клопы?!

— Что, что?

— Клопы! Помнишь, когда в Горячем Ключе завелись клопы — ну, такие маленькие твари, которые кусаются по ночам и сосут кровь, — так все тамошние такой крик подняли, и тоже все клялись, что уедут и не могут этого вынести. Неужели…

— Нет-нет, господин Гилли, что ты, такой гадости у меня нету, Не дошло еще до этого, слава дэвам! А, ладно! — Балг хлопнул ладонью по столу. Расскажу! Все равно уж вся округа знает. — Лицо Балга приняло решительное выражение, и он отхлебнул пива. — Нидхаги, сударь! Сегодня утром, вот как уехал ты свою овцу искать, не больше часу прошло, слышу на дороге шум, топот, рычит кто-то, ну прямо как медведь, — голоса грубые, а слов не понять. Потом вваливаются два мужика — сразу видно, что не наши коренастые, кривоногие, морды — вот такие, бороды всклокоченные, глаза горят, а у одного еще желтые клыки торчат, как у собаки. Ну, я за стойкой ни жив, ни мертв, а они прямо ко мне и тот, что с клыками, как зарычит: а ну, говорит, тащи сюда пива да баранью ногу! А я прямо оцепенел весь, только смотрю на них и рот открываю. Тут тот, что без клыков, как выхватит свой меч — кривой такой, короткий, как рубанет им по стойке — вот, две доски разрубил, — и как заорет: «Пошевеливайся, гулл плешивый, а не то мы тебя спалим с твоей конурой вместе, и будет у нас вместо барана жареная свинья!»… Это я-то гулл! — Балг сморщил нос, чуть не плача от такого оскорбления.

— Постой, Балг, что ты говоришь! Да как же это? Нидхаки? Откуда они здесь? Ведь до гор пятнадцать миль, не меньше.

— В том-то и дело, сударь. Раз уж они сюда добрались, значит все — конец! Уезжаю я, дружок, вот соберусь и с рассветом в путь. Поеду на восток, поближе к городу и к нашему королю — и куда только он смотрит! Все равно полюбуйся! — ни одного посетителя! За целый день! Прознали, видно, что сюда нидхаги ходят, теперь доброго человека сюда ничем не заманишь. Дурные вести не стоят на месте, или как там говорится — Так что прощай, Гилли. И мой тебе совет: уезжай тоже! Всем нам надо бежать отсюда, да поскорее! — Балг встал и направился к задней двери — укладывать вещи.

— Эй, Балг, подожди, — окликнул его Гил. — Подожди! Ты же не рассказал, что было дальше. Как же так — сразу бежать! Не можем же мы все бросить наши дома, виноградники… Мы же здесь родились! Надо что-то придумать…

— Да что тут придумаешь! — угрюмо сказал Балг, возвращаясь к столу. Ничего мы сделать не можем. Когда нидхаги появились в Ахеле — что мы сделали? Ушли оттуда, вот и все. Перебрались на этот берег Эллила и даже мертвых перестали отвозить на запад. Они вырубили весь лес, и теперь там пустыня. А когда они вдруг объявились в наших горах — ты тоща только родился, — что мы стали делать? Собрались все вместе и выставили их оттуда? Или, может быть, отряд светлоликих дэвов прибыл из Асгарда, чтобы помочь нам в беде?.. А теперь нидхаги пришли сюда, в мой трактир, и, значит, старому Балгу надо собирать вещички и сматываться, пока цел. Видно, такая уж у нас судьба — уходить, отступать, оставлять нидхагам наши дома и земли. А против судьбы не пойдешь.

Балг задумался. Взгляд его стал отсутствующим… Вряд ли он скажет что-нибудь еще. Потрясенный Гил смотрел на него широко раскрытыми глазами. Его переполняли противоречивые чувства. Впервые в жизни он начал понимать, что в мире происходят события более значительные, чем женитьба и даже более страшные, чем смерть прадедушки Халина.

— Балг! Эй, Балг! — негромко позвал он. — А что дальше-то было? Ты же не рассказал, чем все кончилось. Ну, очнись, Балг! Балг нехотя перевел взгляд с потолка на Гила.

— Дальше? Да ничего. Принес я им пива и жаркого, они все сожрали и ушли.

— Ну, а окно?

— Что окно? А, это они кружкой. Зубастый швырнул. Ужасное воспоминание вывело Балга из состояния задумчивости, и он заговорил с прежним воодушевлением:

— А уж как жрали-то, сударь, вы себе и не представляете! Точно голодные собаки, даже кости разгрызали. Противно было смотреть. Хотя смотреть-то они мне запретили. Как я им все принес, так они мне: пшел отсюда, мол, чтоб духу твоего здесь не было. Я за дверь, но далеко, конечно, не пошел — там ведь замочная скважина, в двери-то.

— Ах ты хитрюга! Так ты слышал, о чем они говорили?

— Слышать-то слышал, да только мало что понял. Сам знаешь, язык-то у них не человечий, все слова перекорежены. Разобрал только, что, вроде, ищут они кого-то.

— Кого?

— Кого-то, кому они хотят отомстить. А если так, то,

конечно, понятно, кто им нужен. — Лицо Балга приняло значительное выражение.

— Ну, Балг, не тяни же! Говори, кто им нужен?

— А кто же, как не твой сосед, господин Ки-Энду! Ведь это он позавчера у Крайнего Пригорка пришиб одного нидхага, который пытался его ограбить.

— Ки-Энду!.. Он такой несдержанный! Сколько раз я ему говорил, что так нельзя! С улицы донесся стук копыт. Кто-то подъезжал к трактиру с севера.

— Кто бы это мог быть в такое время?

Видно было, как он напрягся, вслушиваясь. Дверь распахнулась, и в трактир бодрым шагом вошел высокий мужчина лет двадцати восьми — темноволосый, голубоглазый — не обошлось без прабабушек с севера, — в темном плаще и в берете с гусиным пером, придававшим ему решительный вид. Лицо его, помимо неистребимого Эн-Гел-а-Синского добродушия, выражало твердость. Вошедший окинул взглядом Гила и Балга.

— Что приуныли, друзья? — сказал он весело, подходя к столу.

Балг заулыбался и, бормоча слова приветствия, побежал за третьей кружкой.

— Ну что, Балг, не понравились тебе нидхаги! — посмеивался вошедший.

Гил улыбнулся. Балг, возившийся у пивной бочки, посмотрел на них укоризненно.

— Вам бы все шутить, господин Ки-Энду! Мне вот не до шуток, — в словах Балга слышалось уважение, хоть он и притворялся обиженным. Все в округе знали и любили Ки-Энду, хоть он и удивлял их своей решительностью и прямотой. Качества эти были врожденные, но некоторые считали, что он приобрел их на севере, в Асор-Гире, где в течение семи лет обучался искусствам, истории и ремеслу кузнеца.

Ки-Энду перестал смеяться и сказал серьезно:

— Нет. Это не шутки. В том-то и дело, что мне тоже не нравятся нидхаги. Совсем не нравятся. И еще кое-что мне не нравится. Наш взгляд на жизнь. Наша беззаботность. Слишком уж мы привыкли, что за нас думают и решают другие.

Ки-Энду нахмурился. Балг принес пиво, и Гил предложил перейти на крыльцо. Они взяли кружки, вышли и уселись на верхней ступеньке. Ночь была теплая, тихая и ясная. На небе высыпали звезды, на западе, низко над горизонтом, блестел лунный серп. Все трое почувствовали, как красота и покой проникают в душу. Разгладились морщины на лице Балга; мягче стал взгляд Ки-Энду; Гил улыбаясь смотрел на небо, звезды

отражались в его глазах.

Молчали долго. Наконец Ки-Энду отвел взгляд от далеких горных вершин, посмотрел на свои стоптанные башмаки и сказал:

— Я еду в Элор, ребята. Хочу поговорить с королем. Что-нибудь вам привезти?

Гил вздрогнул и удивленно посмотрел на Ки-Энду.

— О чем же ты хочешь говорить с королем?

— О многом, Гилли. В последнее время я часто задумывался о том, как мы живем, и понял, что многое у нас неправильно. Взять тех же нидхагов. Почему они могут грабить нас, выгонять нас с наших земель, а мы только вздыхаем и отходим все дальше на восток? Неужели мы так привыкли во всем полагаться на дэвов, что сами не можем и пальцем пошевелить ради собственного спасения?

— Постой, Ки, что ты говоришь? Разве дэвы не любят нас, не заботятся о нас? Ведь мы их дети. Они, наверное, лучше знают, что правильно, а что нет. Раз мы не сопротивляемся нидхагам, значит, так надо. Воевать, творить насилие — это же гадко, это значит идти против дэвов и против самих себя. Скажи, вот ты, например, мог бы убить человека, или даже нидхага?

— Я ударил одного, ты знаешь, — Ки-Энду мрачно посмотрел на Гила. Крепко ударил. А что дэвы о нас заботятся — тут я не спорю, не думай, что я упрекаю их в чем-то. Но они далеко, и мне кажется, что они уже не могут за всем уследить. Их мало осталось, а людей становится все больше. И боюсь, что из Асгарда Эн-Гел-а-Син не виден даже в хорошую погоду. Подумай, что нас ждет. Нидхаги выгнали нас из Ахела, согнали с гор. Теперь они появились здесь и, похоже, скоро мы и отсюда уйдем. Пройдет лет десять — и они объявятся в Элоре. Когда же мы опомнимся? Когда нас загонят в море по шейку? Или и тогда будем надеяться на дэвов? Я скажу королю — пусть он соберет взрослых мужчин, человек двести, даст им оружие, и пусть они выгонят нидхагов хотя бы с восточного берега Эллила.

Гил напряженно думал. Он и сам смутно ощущал какую-то неправильность в поведении своих соплеменников, и теперь ему казалось, что Ки-Энду выразил словами его собственные невысказанные сомнения.

— Знаешь, Ки, мне кажется, ты прав. Действительно, пора что-то делать. Но, может, было бы лучше сначала съездить в Асгард и посоветоваться с дэвами? Надо же узнать, почему они не защищают нас от нидхагов, и вообще что происходит, что у них на уме, и что…

Балг, не принимавший участия в разговоре, внезапно поднял руку и показал на север:

— Взгляните-ка, господа! Что это там за огни?

Глава 2
НАБЕГ

Тягостно в мире, великий блуд,
как мечей и секир, треснут щиты, век
бурь и волков до погибели мира;
щадить человек человека не станет.

Прорицание Вельвы, 45

Перед ними расстилалась ночная долина. Луна заходила. Последние огни погасли в окнах. Земля лежала во мраке, покрытая тонким прозрачным туманом, серебристым, словно сотканным из звездного света. Силуэты гор, темные на фоне неба, окаймляли горизонт. Внизу, милях в пяти-шести к северо-востоку от трактира, горели два или три огонька — красноватые, они то почти пропадали из виду, то вспыхивали снова. Одна и та же мысль возникла одновременно у Гила и Ки-Энду. Они переглянулись.

— Пожар! — сказал Балг.

— Это нидхаги! — вырвалось у Гила. — Ки, они жгут твой дом! Где твои? Спят? Где Мирегал?

— Нет, это не в Желтом Ручье, — произнес Ки-Энду, всматриваясь. — Мирегал дома, но можешь о ней не беспокоиться. Похоже, это у тебя, в Белых Камнях.

— У меня? Нет, нет, ведь это тебе они хотят отомстить! И Белые Камни, по-моему, правее.

— Что мы сидим? — вскричал вдруг Гил, вскакивая. — Поехали, Ки! Секунды хватило Ки-Энду, чтобы собраться с мыслями.

— Балг, быстро в подвал, принеси два меча, лук, стрелы. Да не смотри на меня такими глазами! Я же знаю, что у тебя устроили склад эти, которые привезли оружие из Асор-Гира… Потом поговорим, быстрей.

Округлившиеся глаза Балга вдруг сузились, он вскочил, нелепо взмахнул руками и, издав воинственный клич, бросился в дом. Возбуждение трактирщика было легко понять: отважные люди, рвущиеся в битву с врагом, — такого в Эн-Гел-а-Сине еще не видели.

Гил, спотыкаясь, бежал к крыльцу, ведя двух лошадей. Мгновение спустя запыхавшийся Балг вышел с оружием — два широких кожаных пояса с длинными прямыми мечами в ножнах,

два круглых деревянных щита, белые с серебряной луной в центре, небольшой лук и колчан со стрелами.

— Щиты оставь! Держи! — Ки-Энду бросил Гилу меч с поясом, второй ловким движением застегнул у себя под плащом. Гил неумело пытался нацепить на себя меч, бормоча смущенно: «Зачем это, Ки? Как его надевают?»

— Ну, ты теленок, Гил, — сказал Ки-Энду. — Дай помогу!.. Чем здесь бездельничать, надо было тебе в Асор-Гир съездить поучиться. Ну, все! Поехали! — Они вскочили в седла.

— Счастливо, Балг! — сказал Гил, — Последи за моей овцой.

— Счастливого пути! — помахал рукой Балг, смутно осознавая, что сейчас это не самые подходящие слова.

Всадники поскакали на северо-восток, спускаясь с пригорка, и быстро скрылись в темноте. Балг смотрел им вслед; воодушевление постепенно сменилось в нем задумчивостью, и он еще долго стоял на крыльце, глядя во мрак невидящими глазами.

Спустившись с пригорка, всадники сразу потеряли из виду далекие огоньки. Теперь их окружала почти полная тьма. Спасало только то, что лошади прекрасно знали все местные тропы. Ки-Энду скакал впереди. Гил еле поспевал за ним. Левой рукой он боролся с мечом, который все время норовил ударить по лошадиному боку. В голове его мелькали обрывки мыслей: «Мирегал… что с ней? Что они с ней делают?.. Этот дурацкий меч… как его достают? А если придется драться? Я же не смогу… убийство, кровь — что с нами будет?»

Они миновали хутор Три Клена, пересекли неглубокий овраг, проехали яблоневый сад людей из Синего Клена. Теперь дорожка шла вдоль Желтого ручья — самого ручья почти не было видно, но Гил чувствовал знакомый запах серы. Этот ручей начинался в горах и тек через двор Ки-Энду. Вода в нем даже зимой была теплой, и Ки-Энду говорил, что в ней есть какие-то ценные соли, которые он использовал в своей таинственной работе.

Гил увидел, что Ки-Энду, ускакавший довольно далеко вперед, остановился и ждет его.

— Что? — спросил Гил, подъехав.

— Это развилка. Ты уверен, что горело у нас?

— Ну конечно! Ведь они тебя искали. Зачем им Белые Камни?

— Не знаю, мне показалось, что это у вас горит. Ну ладно, поехали.

Они поскакали дальше вдоль ручья, к дому Ки-Энду. Через несколько минут показались смутные очертания дома с высокой крышей, кузницы, нескольких низких сараев и хозяйственных строений. Все было тихо — ни огня, ни запаха дыма, ни людей, ни нидхагов. Подъехав к крыльцу, Ки-Энду спрыгнул на землю и

вбежал в дом. Через минуту он вернулся и вскочил в седло.

— Они ничего не видели и не слышали. Это у вас. Быстрей! Две мили от Желтого Ручья до Белых Камней показались Гилу бесконечными. «Опоздаем, думал он. — И все из-за меня!»

Безжалостно пришпоривая лошадей, они подъехали к дому с тыльной стороны. Все деревянные постройки, сараи, помещения для скота горели, по двору метались обезумевшие козы и овцы. Откуда-то выскочил петух с ярко пылавшими перьями, пронесся по двору и упал с хриплым кудахтаньем.

— Заходи справа, Гил! — крикнул Ки-Энду и поскакал через двор к дому. Его конь шарахнулся от бежавшего на него барана, Ки-Энду соскочил на землю и побежал. Гил поскакал направо, пригнувшись к самой шее лошади и пытаясь вытащить застрявший в ножнах меч. Выехав из-за угла, Гил увидел прямо перед собой сгорбленную фигуру нидхага с факелом в руке. Нидхаг ухмылялся, красноватые отблески плясали на его зубах. Он шагнул вперед и ткнул факелом в морду лошади. Та отпрянула, заржала и поднялась на дыбы. Гил не удержался в седле и полетел куда-то в темноту…

Очнувшись, он увидел вдали быстро удаляющиеся силуэты двух всадников и лошади, нагруженной какими-то тюками. У дальнего конца дома стоял Ки-Энду с натянутым луком. Он выстрелил и… безнадежно опустил руки: нидхаги были слишком далеко.

Только сейчас Гил начал осознавать, что между ним и Ки-Энду, на ярко освещенном крыльце, лежит что-то страшное — глаза отказывались увидеть это, а разум — понять. Нетвердой походкой, борясь с подступающей тошнотой, Гил подходил все ближе и ближе к крыльцу.

Там, на ступеньках, раскинув руки, лежало обезглавленное тело его отца…

Гил проснулся в своей комнате от того, что солнце, поднявшееся над горами, било ему прямо в глаза. Он лежал на спине, наслаждаясь покоем и тишиной, но смутное, давящее ощущение пережитого ужаса и горя уже шевелилось в дальних тайниках подсознания. Гил рассматривал картину, висящую перед ним. Его отец, Конгал, прекрасный художник, больше всего гордился именно этой картиной. Гил еще мальчиком настоял на том, чтобы ее повесили в его комнате. Картина называлась «Кулайн ведет дэвов и людей в битву за Ойтру». Как говорили сведущие люди — а их немало приезжало в Белые Камни взглянуть на картину, — это было одно из самых удачных изображений дэва, созданных человеческой рукой…

Равнина, залитая багровыми лучами заходящего солнца,

простиралась до горизонта. Вдали был виден город — зубчатые стены и белые башни, высокие дворцы с золотой сверкающей кровлей — древняя Ойтра. Посреди города, подавляя его и прижимая к земле, высилась громадная черная ступенчатая пирамида — магдел. «Дэвов и людей» на картине не было — они подразумевались вне полотна, на месте зрителей. В центре был изображен дэв на белом коне, в сверкающих доспехах. Конь смотрел на город, туда же указывала рука всадника, а лицо его было повернуло к людям, которых он звал в бой. Это и было главное в картине — лицо Кулайна. Оно было прекрасно, но в этой красоте было что-то неземное — она не принадлежала этому миру. В лице Кулайна была едва уловимая грусть, словно он навсегда утратил что-то безмерно любимое. Никто из людей, видевших дэвов, не мог описать их лица — так было и с картиной. Какого цвета глаза Кулайна? Никакого — и всех сразу, цвета переливались, сменяя друг друга, и в то же время — не менялись; глаза эти смотрели из вечности, и в них было все — глубокая мудрость и тайная боль, гнев и прощение, смирение и гордость, и надо всем, поверх всего — Любовь. Казалось, она заполняла весь мир, и небо и земля воспламенялись ею, и человек отступал, ослепленный и плачущий, и отводил взгляд.

Гил подумал об отце и вдруг вспомнил… Все образы прошедшей ночи всплыли в его памяти, он словно видел все воочию: рыдающая мать, безмолвные бледные сестры — Лингал и Залин; Ки-Энду поднимает голову отца; приезжают какие-то люди, появляется повозка; Гил помогает перенести тело в эту повозку, пытается утешить мать…

Ки-Энду, уезжая, обещал все подготовить к сожжению. И еще он сказал, что ни один нидхаг больше не посмеет ступить на эту землю.

Горестные раздумья Гила были прерваны стуком в дверь. Вошел Ки-Энду.

— Вставай, Гил. Уже полдень, а у нас много дел.

— Ки! Это я во всем виноват, — простонал Гил. — Если бы я послушался тебя, мы бы не опоздали! — Нет, Гилли, — серьезно сказал Ки-Энду. — Мы бы опоздали все равно. Я разговаривал с твоими племянниками и узнал, как все было. Нидхаги действительно искали меня, кто-то показал им направление, но они случайно попали к Белым Камням. Господин Конгал вышел на крыльцо — а они уже подожгли все, что могло гореть, — и спросил, что им нужно. Они сказали, что ищут одного долговязого гулла, который посмел поднять руку на их дружка. Твой отец понял, что речь обо мне, и сказал, что здесь таких нет. Тогда они бросились в дом. Он пытался задержать их, и они его

убили… После этого нидхаги еще минут десять рыскали по дому и хватали все, что попадалось золото, спички, гвозди, посуду — Когда мы подъехали, они уже вышли на улицу и собирались уезжать. Так что мы опоздали бы в любом случае, и твоей вины тут нет.

— Нет, нет, все равно… Никогда не прощу себе… — бормотал Гил, уже одетый. Он был погружен в свои мысли и почти не слушал Ки-Энду.

— Гил, я за ночь приготовил тело к сожжению, и нам с тобой нужно заняться теперь погребальным костром,

— Костром? — в глазах Гила пробежала какая-то тень, потом они гневно сверкнули. — Нет! Отец умер, как герой, и я похороню его по обычаям предков, в Тетагире!

Ки-Энду посмотрел на него, как на безумного.

— Ты что, Гил? Ты соображаешь, что говоришь? Там нидхаги, там пустыня, там лет двести не было ни одного человека.

Гил мрачно смотрел себе под ноги, взгляд его был непреклонен.

— Не отговаривай меня. Лучше помоги. Приготовь отца, как полагается. Ты говорил, что умеешь.

— Если ты хочешь таким образом искупить свою мнимую вину, то это глупо, сказал Ки-Энду.

Гил ничего не ответил, подошел к окну и выглянул во двор. Внезапно лицо его просветлело, он обернулся.

— Прекрасная Мирегал едет!

Ки-Энду неодобрительно взглянул на него — фраза прозвучала как дурацкий стишок, «Са лайн гал Мирегал».

— Никудышный ты поэт, Гилли. Пойдем, встретим сестренку.

Младшая сестра Ки-Энду — прекрасная Мирегал — была бойкая, веселая девушка с задорным блеском в глазах. Когда Ки-Энду и Гил спустились в гостиную, она была уже там.

— Привет, Ми, — сказал Гил. — Я очень рад, что ты приехала.

— Здравствуй, Гил. Я пришла немножко помочь… где ваши женщины? Еще спят?

— Ты уже знаешь, что случилось? Тебе рассказали?

— Это такой ужас, Гилли! Такое горе! Бедный господин Конгал, он был такой добрый. Я его ужасно любила! Ну, не расстраивайся, — она взяла Гилла за руку, — Ки сказал, что нидхаги. больше никогда не посмеют прийти сюда!

— Этот ненормальный хочет устроить похороны в Тетагире, сказал Ки-Энду.

— О! Это правда?

Гил кивнул. Мирегал сначала немножко испугалась, но

выражение страха на ее лице тут же сменилось восхищением и любопытством.

— Это ты замечательно придумал. Какой ты смелый! Я поеду с тобой!

— Только тебя там не хватало, — буркнул Ки-Энду. — Что вы все с ума посходили? Будь моя воля, запер бы вас в сарае, посидели бы, очухались, пока мы сожжем господина Конгала, как полагается.

— Ну, Ки, не сердись, — попросила Мирегал. — Почему ты так против этой идеи? Разве тебе самому не интересно побывать там, на западе, похоронить господина Конгала по старому обычаю, посмотреть на этот таинственный Тетагир?

Ки-Энду помолчал, вздохнул.

— Ладно. Делайте, что хотите. Я только хочу вас предупредить. Дэвы прилагают все силы, чтобы люди поменьше знали о существовании в мире зла. Они, так сказать, оберегают наш душевный покой, поэтому мы почти ничего и не знаем. Но на севере, в Асор-Гире, где я учился, людям кое-что известно. Ходят слухи, что пустыня Ахел — место нехорошее. Нидхаги там живут — или раньше жили — это раз. Второе — дэвы еще двести лет назад посоветовали перестать бальзамировать мертвых и отвозить их на запад. Тогда говорили, что это варварский обычай, и цивилизованные народы должны заменить его кремацией — это, мол, гигиенично и не давит на психику. Но я слышал, что дело не только в этом. Кое-кто в Асор-Гире считает — только это большой секрет, пожалуйста, не болтайте, — что, может быть, гуллы — не только сказочные чудовища. Может быть, они существуют на самом деле. И говорят, что как раз в Ахеле — их родина, их там полным-полно. Слухи, конечно. Но лезть туда я бы все равно остерегался. Есть гуллы или нет их — мне неохота с ними встречаться.

— Перестань, Ки! — сказала Мирегал. — Тоже придумал — гуллами нас пугать. Не хуже нас знаешь, что это просто дурацкая детская страшилка. Иди лучше баль… буль… делать мумию. А мы с Гиллом займемся всем остальным.

К середине дня вся долина от леса до гор уже знала о гибели Конгала и готовящихся похоронах. Вскоре Белые Камни стали похожи на гудящий пчелиный улей — все считали своим долгом выразить свое сочувствие и чем-нибудь помочь. Узнав, что тело находится в Желтом Ручье, люди шли туда проститься с покойным, но Ки-Энду никого не пускал в свою святая святых — кузницу. Обычно бальзамирование продолжалось сорок дней, но Ки-Энду обещал, что все будет готово и к завтрашнему вечеру. А люди, возвратившись домой, начинали укладывать веши.

Первыми уехали жители Горячего Ключа — те самые, у которых завелись клопы. Они выехали ранним утром следующего дня, заявив, что с радостью оставляют нидхагам все свои матрасы и подушки. Вскоре дорогу запрудили повозки и всадники, вдоль обочин потянулись стада овец. Все это медленно двигалось на восток — к Элору, к живописной долине Лунной реки Энсингела. Люди не сомневались, что тамошние жители помогут им на первых порах — так же, как сами они в свое время помогали переселенцам из Ахела и с гор Ио-Син.

Вечером Ки-Энду вышел из кузницы и поехал в Белые Камни сообщить, что мумия готова. Похороны были назначены на завтра.

Глава 3
ГОРОД МЕРТВЫХ

1. Иштар уста открыла и молвит,
вещает она отцу своему Ану…
«Проложу я путь в глубину преисподней,
Подниму я мертвых, чтоб живых пожирали,
Станет меньше тогда живых, чем мертвых!»

«О все видавшем, эпос о Гильгамеше, 6

2. Тогда отдало море мертвых, бывших в нем, и смерть и ад отдали мертвых, которые были в них.

Апокалипсис, 20, 13

Ранним утром похоронная процессия двинулась в путь из Желтого Ручья и выехала на дорогу у трактира старого Балга. Балг вышел на крыльцо попрощаться.

— Слушай, Балг, — сказал Ки-Энду, подъехав к крыльцу. — Мы с Гилом кое-что задумали, и у нас к тебе просьба. Когда мимо тебя будут проезжать переселенцы, будь добр, предлагай каждому мужчине взять у тебя какое-нибудь оружие. Скажи, что уезжаешь и не знаешь, куда все это девать. И пусть каждый, кто захочет, подождет нас у буковой рощи. Скажи, что мы с Гилом решили выгнать нидхагов из Ио-Сина.

— Нидхагов? Вы с Гилом? Ох, господин Ки-Энду, я всегда знал, что вы человек отчаянный, но такое! Да разве ж вы с ними справитесь? Убьют они вас, как господина Конгала, и все!

— Ну, драться-то мы с ними не будем. Постараемся как-нибудь перехитрить… А оружие — так, на всякий случай.

— Да уж, я думаю, никто из наших не захочет драться. Ладно, господин Ки-Энду, я все сделаю. Только к чему им в буковой роще-то сидеть? Пусть у меня подождут, у меня пива хватит. А я уж, так и быть, не поеду пока никуда, раз тут такие дела начинаются.

— Ну, спасибо тебе!

— Счастливо, господин Ки-Энду! — Балг помахал рукой ему вслед.

Похоронная процессия двигалась на запад. Первой ехала повозка с мумией. Гил правил лошадьми. Во второй повозке сидели мать Гила Нинсун и его сестры. Дайре — мать Мирегал и Ки-Энду, сама Мирегал и дедушка Эндор. Следом ехали всадники: восемнадцатилетние близнецы Гилдор и Хайр, племянники Гила, и их отец Ган-а-Ру, муж Лингал. Замыкали процессию Ки-Энду и его отец Син-Оглан. Они негромко разговаривали.

— Не нравится мне эта кутерьма, которую вы с Гилом затеваете, — говорил Син-Оглан, — мало того, что вы лезете в Ахел прямо в лапы к нидхагам, так вы еще собрались воевать. Я просто не узнаю тебя, Ки. Разве этому учили тебя в Асор-Гире? Добро никогда не рождается из крови и насилия. Зло плодит только зло, разве ты этого не знаешь?

— Я знаю это, отец. Но мы вовсе не собираемся воевать. И потом, разве ты не хочешь, чтобы все, кто сейчас уезжает, смогли вернуться? Разве тебе не жалко нашей долины? Она ведь скоро совсем опустеет. Смотри, вот еще едут. А, это из Серой Лошади! Здорово, Вайл! Загляни к Балгу, он хочет тебе что-то сказать.

Процессия продолжала двигаться на запад. По дороге им то и дело попадались встречные группы беженцев. Конечно, в другое время многие из них приняли бы участие в похоронах, но Гил настоял, чтобы поехали только ближайшие родственники и друзья. Через два часа они добрались до развилки. Меньше стало встречных групп — они подъезжали к малонаселенной приречной местности. Еще через час показалась серебристая лента Эллила, а вскоре они разглядели на берегу низкую бревенчатую хижину и рядом — небольшой плоскодонный корабль, стоящий на ровной прямоугольной площадке.

— Раньше здесь жили перевозчики, — сказал Син-Оглан. — Я думаю, нам надо здесь переночевать, а переправляться завтра с утра. Иначе мы не успеем засветло вернуться на этот берег. Насколько мне известно, до Тетагира ехать еще часа три-четыре.

— Здесь тоже место нехорошее, — возразил Ки-Энду. — Голый берег, мертвые ивы и ни одного человека вокруг. Вряд ли стоит тут останавливаться. Я думаю, пусть те, кто не поедет на тот берег, простятся с господином Конгалом и отправятся домой, а мы попробуем успеть засветло.

— Правильно, — согласился Ган-а-Ру. — Пусть женщины и господин Эндор возвращаются, а Гилдор и Хайр будут их сопровождать.

— Еще чего! — сказала Мирегал, незаметно пересевшая в повозку Гила. — Чтобы я поехала домой, когда начинается самое интересное?

— Великие дэвы! — воскликнул Ки-Энду. — Ладно, сестренка, я тебя предупреждал. Ты делаешь это на свою голову.

Ржавые механизмы, предназначенные для спуска и подъема корабля, еще работали, хоть и скрипели после двухсотлетнего бездействия. Спущенный на воду паром сидел очень высоко, и его плоская корма почти касалась берега. На корме не было бортика, и повозка с телом легко въехала на палубу. Следом, ведя лошадей, вошли Ки-Энду, Син-Оглан и Ган-а-Ру. Оттолкнув паром, они вместе с Гилом сели на весла. Мирегал, стоя в повозке, махала рукой оставшимся на берегу и не могла скрыть торжествующей улыбки. Четверо мужчин с трудом управлялись с паромом, рассчитанным на двадцать гребцов. Но течение было слабое, и вскоре им удалось развернуть корабль и пристать к западному берегу. Подъемных механизмов здесь не было — видимо, их уничтожили нидхаги, — и они оставили паром на воде, привязав его к большому камню. Повозка и трое всадников выехали на дорогу и продолжили свой путь на запад.

Ахел не был настоящей пустыней — но нидхаги вырубили его, часть вывезли, а остальное сожгли. И теперь это был огромный пустырь с чахлой, пыльной травой, выбивающейся из трещин в сухой земле.

Мирегал и четверо мужчин приуныли. Чем дальше они продвигались, тем безрадостней становилась местность. К тому же ехать было трудно — дорогу уже двести лет никто не ремонтировал, и землетрясения, частые в этих местах, сильно ее повредили. Повсюду торчали вывороченные каменные плиты, а кое-где дорогу перерезали глубокие овраги и трещины.

После двух часов изнурительного пути Син-Оглан, ехавший впереди, вдруг остановился и поднял руку. Он только что выехал из-за высокой черной скалы и, видимо, заметил впереди какую-то опасность. Когда остальные подъехали ближе, они разглядели за скалой, в полумиле от них, два длинных приземистых строения, стоящих по обе стороны дороги. Ряды крошечных узких окошек выглядели зловеще. В Эн-Гел-а-Сине таких домов не строили.

— Что это? — спросила Мирегал. — Кто здесь живет, в такой пылище?

— Пусть мой ученый и бесстрашный сын, затащивший нас сюда, ответит, что это такое, — мрачно сказал Син-Оглан.

— Неправда, это я всех затащил, — сказал Гил. — Ну, Ки, говори же.

Ки-Энду обвел взглядом своих спутников,

— Это нидхагир. Нидхаги живут не в хуторах, как мы, а в поселках из нескольких длинных домов. Эти дома не разделены на комнаты и в каждом может жить по сто-двести нидхагов.

— Выходит, мы направляемся в гости к четырем сотням нидхагов? — сказал Ган-а-Ру. — А удобно ли это? Ведь они нас не приглашали, а у нас даже подарков для них нет. Может, вернемся за подарками?

— Брось свои шуточки, Ру, — сказал Гил. — Если хочешь, можешь вернуться.

— А ты что же, предлагаешь ехать вперед? — спросил Син-Оглан.

— Я лично поеду, — сказал Гил. — Раз уж я в это дело встрял, надо довести его до конца.

— Может, они нас не тронут, — сказала Мирегал, — может, они не очень злые?..

Они двинулись дальше. Мирегал крепко держала Гила за руку. Нидхагир приближался, но его обитателей не было видно. Подъехав к одному из домов, Ки-Энду осторожно заглянул в окошко — незастекленную дырку под самой крышей. Он долго всматривался, потом повернулся к своим спутникам, притихшим в ожидании.

— Никого, — сказал он, и в его голосе слышалось недоумение и растерянность. — Совершенно пустой, брошенный нидхагир. Много лет назад брошенный…

— Ну и слава дэвам!! — сказал Син-Оглан.

— Ура! — обрадовалась Мирегал. — Чего ты такой мрачный, Ки, ведь это же здорово, что их нет!

— Боюсь, что это совсем не здорово, — пробормотал Ки-Энду, присоединившись к остальным, — лучше бы они были. Ладно, поехали. Зря ты затеял эти похороны, Гил.

— Почему? Что тебя так встревожило? По-моему, нам страшно повезло, что мы не наткнулись на нидхагов.

— Не к добру это. Подумай: сначала приходят нидхаги, и люди бегут на восток. А потом появляется нечто еще более страшное, чего сами нидхаги боятся, как огня. И они тоже бегут, бросив свои жилища. Выходит, это страшное нечто теперь безраздельно царствует здесь.

— Но, Ки, может быть, они ушли по другой причине, — сказал Гил, пытаясь побороть подступающий страх. — Ну, вырубили весь лес, и им стало нечего делать…

— Ладно, возвращаться все равно уже поздно. Гляди, вот он,

Тетагир, совсем близко.

Похоронная процессия поднялась на возвышенность, откуда было видно далеко вперед. До Тетагира оставалось не больше

двух миль. Древний Город Мертвых, когда-то стоявший посреди зеленого леса, теперь был окружен безжизненной сухой равниной, Весь город состоял из гробниц, между которыми петляли узкие улочки. Гробницы были разные: кубические, прямоугольные, бесформенные — в виде каменных глыб, некоторые имели форму ступенчатых пирамид — магделов.

Повозка и трое всадников въехали в город. Они по-прежнему не видели вокруг ничего живого, но в окружающей их тишине было что-то давящее. Казалось, кто-то пристально смотрит на них — то ли из темных входов гробниц, многие из которых стояли раскрытыми, то ли из-под земли. На дороге валялись кости. Гил заметил, как помрачнели его спутники. Ки-Энду был смертельно бледен, руки у него дрожали, по лицу стекал пот. Он смотрел прямо перед собой, словно боясь взглянуть в отверстые двери склепов.

«Чего это он так перепугался? — подумал Гил. — Вроде все тихо».

Они долго ехали по узкой прямой улочке, читая надписи на стенах. Наконец начались склепы людей из их долины. Они свернули в один переулок, затем в другой. Им попадалось все больше знакомых названий: Крайний Пригород, Пасека, Синий Холм… Вдруг Ган-а-Ру указал на одну из гробниц. Над входом был нарисован белый круг, неровный черный овал и три точки одна над другой.

«Вайлин Пени, — прочитал Гил, — Белые Камни». Вот она, наша семейная гробница.

Они зажгли факелы, сняли мумию с повозки и, пригибаясь, осторожно вошли в склеп. Внутри пахло сыростью. Все ниши в каменных стенах были пусты. На полу лежали полуистлевшие обрывки материи.

— Странно… — пробормотал Гил, — я думал, здесь должны быть мумии наших предков.

Внезапно он почувствовал, что кто-то схватил его за плечо. Гил резко обернулся и увидел искаженное от ужаса лицо Ки-Энду.

— Бежим отсюда, Гил! — хрипло прошептал он. — Я потом все объясню. Бежим! — Пусти! Сначала мы сделаем то, зачем пришли.

Гил и Ган-а-Ру осторожно положили тело в одну из ниш. Затем все пятеро, постояв в молчании несколько минут, вышли на улицу. Солнце клонилось к закату.

— Почему лошади такие странные? — спросила Мирегал. — Как будто они чем-то напуганы.

— Странные мы, а не лошади. Бежим отсюда. Да скорей же!

— Ки-Энду был уже в седле.

Они двинулись в обратный путь по узким улочкам Тетагира. Гилу начало казаться, что он слышит какие-то шорохи, приглушенные голоса, шарканье ног по пыльным плитам. Город Мертвых уже не казался безмолвным и застывшим, Тетагир оживал, в темных переулках замелькали какие-то тени. Внезапно Мирегал воскликнула:

— Смотри, Гил!! мумия на дороге.

Гил увидел мумию. Она лежала в какой-то маслянистой черной луже. Мумия была очень старая, сухая кожа плотно обтягивала скелет. В боку у нее зияла огромная дыра, словно какой-то зверь вырвал из нее кусок.

— Наверное, звери вытащили ее из гробницы… — Мирегал, словно зачарованная, смотрела на мумию. — Нехорошо, что она так лежит, надо отнести ее на место.

— Ради всего святого, не останавливайтесь!! — воскликнул, оборачиваясь, Син-Оглан.

Гил хотел ему ответить, но в этот момент лицо Син-Оглана словно окаменело, и тут же раздался испуганный крик Мирегал. Она крепко вцепилась в руку Гила, глаза ее были полны ужаса. Гил не стал дожидаться объяснений и погнал коней.

Повозка с грохотом понеслась вперед, подпрыгивая на неровных плитах. Всадники, не оглядываясь, скакали впереди. Выехав из Тетагира, они немного сбавили скорость, и Гил сказал:

— А теперь, Ми, успокойся и объясни, что ты увидела и что тебя так напугало.

— Рука… Эта мумия была живая. Она подняла руку! Гил, спаси меня!!! Она уткнулась ему в плечо. — Я хочу домой!

— Успокойся, глупенькая!! Мумии не шевелятся. Тебе просто показалось — мы все устали, издергались. Мне тоже почудилось, будто я слышу какие-то голоса.

— Гил, это правда, — сказал Син-Оглан. — Я тоже это видел — мумия шевельнулась. И голоса я слышал. И если мы не успеем засветло на тот берег, нам конец.

Они ехали молча, подгоняя усталых лошадей. Гил пытался мысленно связать все, что увидел сегодня: брошенный нидхагир, пустые гробницы, шевелящаяся мумия, голоса… «Ничего не понимаю, — думал он. — Ясно только, что есть какая-то связь между пустыми гробницами и пустым нидхагиром. Ладно, спрошу у Ки-Энду, когда выберемся отсюда».

Путь был длинным. Измученные лошади, казалось, вот-вот упадут от усталости. Никто не проронил ни слова на протяжении всего пути. Когда они, наконец, спустились к реке и погрузились на корабль, солнце уже зашло. В сумерках они причалили к восточному берегу и подняли корабль на каменную площадку.

Теперь, когда напряжение и страх обратной дороги через пустыню остались позади, им хотелось только одного — спать. Заночевать решили на первом же брошенном хуторе — его обитатели, очевидно, только что уехали. Комнаты были аккуратно прибраны и выметены, в подполе нашлось немного еды и вина, и усталые путники смогли поужинать.

— Это, надо полагать, хозяева оставили для нидхагов, — сказал Ган-а-Ру, уплетая большой кусок ветчины.

— Да, народ у нас добрый, — сказал Син-Оглан, — Что ж, господа, позвольте поздравить вас. Насколько я понимаю, мы только что чудом спаслись от страшной опасности. Если вы не слишком устали, чтобы слушать, я хотел бы попросить моего сына рассказать, что он думает по поводу нашей занимательной экскурсии в Город Мертвых.

Ки-Энду неуверенно посмотрел на отца:

— Может, лучше не говорить?

— Хватит секретничать, Ки, — сказала Мирегал. — Рассказывай быстрее, что ты там надумал.

— Ну, слушайте. Первое, что меня удивило, — ото брошенный нидхагир. Что могло заставить нидхагов бросить свои дома? Я сразу вспомнил, как один человек в Асор-Гире утверждал, что в Ахеле живут гуллы.

— Ой, ребята, пошли лучше спать, — зевнул Ган-а-Ру. — Не люблю страшных историй перед сном. А завтра я вам и сам могу рассказать — и про гуллов, и про драконов с троллями, и про что угодно.

— Подожди, Ру, — сказал Ки-Энду, — это серьезнее, чем ты думаешь. Так вот, когда я увидел открытые гробницы в Тетагире, мои подозрения усилились. И, наконец, когда мы не нашли в семейном склепе Гила ни одной мумии, все стало ясно окончательно. Оживающие мертвецы, или гуллы, существуют на самом деле. Это не что иное как ожившие мумии наших предков. Этим все объясняется — почему дэвы были против бальзамирования, почему сбежали нидхаги — ведь гуллы внушают им такой же ужас, как и всем живым существам. Теперь ясно, что злые силы, создавшие нидхагов, на этом не остановились. Они стали оживлять мертвых, чтобы пополнить ряды своего воинства. Знают ли об этом дэвы? Может, нужно сообщить в Асгард?

— Хэн дэвин, Ки! — воскликнул Ган-а-Ру. — Выходит, все наши предки стали гуллами? И мой отец тоже? И что это за злые силы, которые создают гуллов и нидхагов?

— Может, хватит на сегодня? — сказала Мирегал. — Вечно ты, Ки-Энду, говоришь на ночь какие-нибудь гадости! Господин

Конгал стал гуллом! Тебя послушаешь — еще и не тем станешь! Давайте-ка лучше пойдем спать.

— Да, пожалуй, — сказал Гил. — Что-то я сейчас не могу сосредоточиться.

На следующий день, хорошо выспавшись, они позавтракали и поехали домой. О гуллах не заговаривали — солнечное майское утро, зеленые холмы и пение птиц наполняли души покоем, и никому не хотелось думать о неприятном. Когда вдали показался трактир старого Балга, Ки-Энду обратился к Ган-а-Ру.

— Ру, ты один еще не знаешь о нашем заговоре. Мы с Гилом хотим перебраться в Ио-Син…

— Да чего там мелочиться! У гуллов мы уже побывали, что нам теперь какой-то Ио-Син! Не хватает у тебя размаху, приятель. Давайте уж сразу на дно морское.

— Размах у него побольше, чем ты думаешь, — сказал Син-Оглан, — они ведь хотят выгнать оттуда нидхагов.

— Пойдешь с нами, Ру?

— Выгонять нидхагов? А что, можно. Для разнообразия.

— А ты, отец? — спросил Ки-Энду.

— Я уже говорил тебе, что думаю по этому поводу. Нет, мне с вами не по пути. Нидхаги имеют такое же право жить там, где они живут, как и мы.

— Но они-то нас лишают этого права!

— Так вы хотите уподобиться нидхагам? Ладно, я не буду вас отговаривать. Но вы скоро поймете, что кровопролитие никогда не приводит к победе добра.

Син-Оглан свернул с дороги и направился в сторону Желтого Ручья. Остальные подъехали к трактиру. На крыльце сидело человек десять, все ступеньки были заставлены пивными кружками. Один из сидевших на крыльце это был Вайл из Серой Лошади — с трудом встал и сделал несколько шагов навстречу подъезжающим:

— Ки-Энду! Гил! Ру! А, и ты с ними, Мирегал! Наконец-то! Приехали все-таки. А то Балг решил совсем угробить нас своим бесплатным пивом. Еще час-другой, и мы все полопаемся, как мыльные пузыри. Ну, присаживайтесь. А может, к дубу пойдем?

— Давайте к дубу.

Гил, Ки-Энду, Ган-а-Ру и Мирегал пошли к старому дубу, росшему за задней стеной трактира. Сидевшие на крыльце с кряхтеньем и стонами побрели за ними. У дуба сидело еще человек двадцать, неподалеку горел костер, на котором Балг с пятью помощниками жарили мясо. Здесь же стояла большая бочка с пивом. Когда все расселись на траве, Хайр, племянник Гила, попросил рассказать, как прошли похороны и что они видели в

Ахеле.

— Подожди, Хайр, — сказал Гил. — Сначала вот что скажите: все ли собравшиеся согласны участвовать в походе в Ио-Син?

Глава 4
ВОЙНА

1. И произошла на небе война: Михаил и Ангелы его воевали против дракона; и дракон и ангелы его воевали против них. И низвержен был великий дракон, древний змей, называемый дьяволом и сатаною, обольщающий всю Вселенную, низвержен на землю, и ангелы его низвержены с ним.

Апокалипсис, 12, 7 — 9

2. Вид колес и устроение их — как вид топаза… А ободья их — высоки и страшны были они; ободья их… вокруг полны были глаз.

Иезекииль, 1, 16 — 18

3. …и запел Демодок, преисполненный бога: Начал с того он, как все на своих кораблях крепкозданных. В море отплыли данаи, предавши на жертву пожару Брошенный стан свой, как первые мужи из них с Одиссеем. Были оставлены в Трое, замкнутые в конской утробе, Как напоследок коню Илион отворили трояне.

Одиссея, 8, 499 — 504

Среди собравшихся возникло легкое замешательство, все притихли, переглядываясь. Наконец Беллан из Пасеки, высокий нескладный человек с рыжими усами, сказал смущенно:

— Видите ли, дорогие Гил и Ки-Энду, нам всем, конечно, очень жаль, что приходится уходить с обжитых мест. Мы родились в этой долине и любим ее. Все наши предки жили здесь — каково бы им было, если бы они узнали, что эта земля будет

покинута и достанется нидхагам…

— Ну, о предках ты не беспокойся, — усмехнулся Ган-а-Ру. — Предки наши…

— А ну, заткнись! — Ки-Энду толкнул его локтем в бок.

— Так вот, я говорю, для нас это большое горе, что приходится уезжать, продолжал Беллан. — И все из-за нидхагов. Если бы они ушли из наших гор, мы бы, конечно, могли остаться. Поэтому, когда Балг сказал нам, что вы хотите прогнать нидхагов, мы решили: надо вам помочь. Только мы пока не понимаем, как вы собираетесь это сделать. Если, скажем, драться, то тут от нас толку мало. Ну, я, да вот еще Энар из Будравы, мы хоть знаем, как держать меч в руках, мы учились в Асор-Гире. А остальные совсем ничего не умеют. Да и не поднимется у нас рука на нидхагов — они хоть вроде и не люди, а все-таки похожи на людей. Одним словом, вояки мы никудышные.

— Я же тебе объяснял, — сказал Балг, — у господина Ки-Энду есть план. Он с нидхагами драться не будет, он их перехитрит! А оружие — на всякий случай. Правильно я говорю, господин Ки-Энду?

— Правильно. Для того чтобы победить в войне, не обязательно уметь драться. Как известно, Ойтру не могли взять силой, но взяли хитростью.

— Это ты про ту Ойтру, которая на картине у меня в комнате? — спросил Гил.

— Ну да. Разве ты не знаешь этой истории?

— Отец вроде что-то рассказывал…

— Скажите, ребята, а вы тоже ничего не знаете про войну и про взятие Ойтры? — обратился к собравшимся Ки-Энду.

— Ну, мы-то с Энаром знаем, — сказал Беллан. — А остальным откуда знать?

— А знаете — так расскажите, — потребовала Мирегал.

— И правда! Расскажите, — сказал Гилдор, брат Хайра. — Страсть как хочется послушать про войну и про всякие подвиги!

— Хм, — сказал Ки-Энду, — что-то мы отвлекаемся. Впрочем, может, оно и правильно — надо же всем хоть немного представлять, что такое война. Ну, кто будет рассказывать? Ты, Беллан?

— Я? — смутился тот. — Почему я? Хотя, конечно, можно попробовать. Я начну, а вы меня поправляйте. Случилось это давно, лет, эдак, тысячу назад. В Эн-Гел-а-Сине тогда еще люди не жили, а жили только на севере — в Ас-а-Дене и Альвене. Столицей Ас-а-Дена был Асор-Гир, а Альвена — Ойтра. Жилось людям хорошо, дэвы их оберегали, а нидхагов и в помине не было. Дэвов в то время было много, и они жили в горах, как и

сейчас, — в Анугарде, в Меллнире, ну и в Асгарде, конечно. Дэвы любят в горах жить, там для них, говорят, воздух подходящий. Хотя я лично не понимаю, чего они в нем находят. Я один раз был в горах — до того там холодно, и неуютно, и ветер все время дует! А дэвам нравится.

Беллан задумался, вспоминая свое путешествие в горы.

— Может, пока Беллан думает, ты расскажешь дальше? — обратилась Мирегал к брату. — А то он до вечера может провспоминать.

— Ну, а дальше было вот что, — заговорил Ки-Энду, — среди дэвов возник разлад. Оказалось, что один из них, Шемай-Лох, принес в своей душе из того мира, откуда пришли дэвы, семена зла. И семена эти проросли, и Шемай-Лох захотел стать первым среди дэвов. Сделать это было непросто — слишком велик был авторитет Элиара, слишком его все любили. Но Шемай-Лох возомнил себя самым мудрым, самым сильным. Его гордыня была так велика, что он решил доказать свое превосходство, чего бы это не стоило. Он задумал убить Элиара и силой захватить власть, но в одиночку этого сделать не мог. Зная, что никто из дэвов не поддастся на его подстрекательства, Шемай-Лох решил посеять раздор между ними…

В те времена жил один дэв, звали его Бел-Адор. Только он и прекрасная Фенлин могли делать людей добрее, сильнее, учить их понимать красоту, сочинять песни и любить. Это Бел-Адор и Фенлин сделали нас такими, какие мы есть — Сила Бел-Адора была так велика, что он мог взглядом отводить от себя пущенные в него стрелы и копья. Он говорил, что и люди смогут так делать, когда станут так же сильны духом, как он. Однажды, когда дэвы в Асгарде, веселясь, бросали в Бел-Адора копья перед собравшимся народом, а он отводил их, Шемай-Лох незаметно вложил в руку одного из дэвов — Хеда, великого певца и музыканта, — страшное огненное копье Ха-Бул. Хед не знал, что у него в руке, и едва он поднял копье, как вспыхнуло ослепительное пламя, и Бел-Адор погиб.

Велико было горе дэвов и людей. Но хуже всего было то, что дэвы начали подозревать друг друга. Случайно ли убийство Бел-Адора? Правду ли говорит Хед, будто не знал, что у него в руке Ха-Бул? Кто похитил хранившееся в тайных подземельях Меллнира страшное оружие дэвов? И никто не догадывался, что виной всему козни Шемай-Лоха. А он сам притворялся, будто больше всех потрясен случившимся. Он ходил по асгардскому магделу, разговаривал со всеми дэвами, которых встречал, и сеял раздор между ними. Хеду он сказал: «Элиар не верит, что ты убил Бел-Адора случайно. Он хочет изгнать тебя из Асгарда». Элиару

сказал, будто видел, как Хед специально выбрал Ха-Бул из всех стоявших там копий. «Он хочет захватить власть, Элиар. Самого мудрого из нас после тебя он убил как бы случайно. Тебя он убьет открыто и будет царствовать над миром. Ты должен изгнать Хеда, пока он не осуществил свои черные замыслы». Другим он говорил: «Кто, кроме Таргала, мог похитить огненное копье? Ведь это ему поручена охрана тайных подземелий, только у него есть доступ к нашему оружию. Таргал и Элиар погубили Бел-Адора, а теперь хотят свалить вину на Хеда, чтобы погубить и его. И так они уничтожат всех, кто стоит у них на пути, — чтобы превратить этот мир в царство зла».

И дэвы верили Шемай-Лоху, не зная его коварных замыслов. Вскоре они совсем перестали доверять друг другу и разделились на два лагеря. Одни были на стороне Хеда, другие обвиняли его. Отношения между дэвами становились все напряженнее, и в конце концов те, кто поддерживал Хеда, ушли из Анугарда и Асгарда. Шемай-Лох примкнул к ним и стал их предводителем. Они направились в Ойтру, столицу Альвена. Там не было жилищ, пригодных для дэвов, поэтому было решено построить магдел в Ойтре. Люди Альвена встали на сторону Шемай-Лоха откуда им было знать, что он переродился, и душа его стала черной? — и помогли дэвам строить магдел, а потом воевали за них. А люди Ас-а-Дена и Альвена перестали общаться друг с другом, и даже языки у них стали различаться. С тех пор мы говорим на разных наречиях.

Но Шемай-Лоху было мало того, что он стал полновластным правителем половины мира. Ему нужен был эликон. И ему нужна была Фенлин.

— А что такое эликон? — спросил Гилдор, с интересом слушавший рассказ.

— Честно говоря, я и сам толком не знаю… Это что-то вроде большого колеса, вернее, обода от колеса, диаметром примерно четверть мили. И по всему ободу снаружи идут вытянутые блестящие окна, похожие на глаза, но через них не видно, что внутри. Эликоны необходимы дэвам — в них они черпают свою силу. Если дэв долго не заходит в эликон, он слабеет и испытывает муки. Еще я знаю, что эликон должен лежать на вершине магдела, иначе дэвы не могут им пользоваться. Но самое удивительное, что эликоны могут летать. Вот, пожалуй, и все, что мне о них известно.

— А что там внутри, в этих бубликах? — спросила Мирегал.

— Этого никто не знает. Человек не может туда войти, а дэвы, когда их спрашивают, только улыбаются и говорят, что там — частица того мира, откуда они пришли…

— Ну а что было дальше? — спросил Хайр. Все, затаив дыхание, слушали Ки-Энду, а тот сидел, прислонившись к стволу старого дуба, и смотрел поверх их голов куда-то вдаль.

— Шемай-Лоху эликон был нужен, чтобы увенчать им магдел в Ойтре и чтобы верные ему дэвы могли стать полностью независимыми от Асгарда. Эликонов в то время было три: один в Меллнире, другой в Анугарде, третий в Асгарде. Все они надежно охранялись, и Шемай-Лох не мог похитить ни одного из них. Тогда он решил украсть прекрасную Фенлин. Теперь, когда погиб Бел-Адор, только она одна из всех дэвов могла изменять природу людей. А Шемай-Лох мечтал создать новый народ, полностью покорный его воле, который заполнил бы всю землю и в котором его черный дух обрел бы вечную жизнь. И вот однажды дэвы из Ойтры, как обычно, пришли в Асгард, чтобы побывать в эликоне и восстановить свою силу. Элиар не мог препятствовать этому — он не хотел ни гибели мятежных дэвов, ни кровопролитной войны. Пробыв несколько дней в Эликоне, пришельцы двинулись в обратный путь. Выйдя из магдела, они нашли Фенлин в нижней части города — там, где живут люди, — схватили ее и унесли обратно в Ойтру. Говорят, они летели по воздуху при помощи каких-то птиц… Не знаю, правда ли это, — в те времена дэвы действительно иногда пользовались чудесными предметами: стальными подводными змеями, кораблями, которые плыли без парусов и весел, громадными конями, которые бежали быстрее ветра. Потом все это то ли уничтожили, то ли спрятали…

Потеря Фенлин была катастрофой для дэвов, оставшихся с Элиаром. Люди тогда еще не были совершенны, не стали еще такими, какими их хотели сделать дэвы, чтобы обрести в них вечную жизнь. Шемай-Лох потребовал эликон в обмен на жизнь Фенлин, но отпустить ее из Ойтры он не соглашался даже за все три эликона. Тогда Элиар отправился к Мидмиру, чтобы посоветоваться с ним.

— Мидмир — это кто? Это дэв? — спросил Ган-а-Ру.

— Нет. Это большой черный дуб, он стоит в долине недалеко от Меллнира. Дэвы создали его, как только появились на земле. Это Великий Разум. Дэвы поведали ему все, что сами знали, и он может ответить почти на любой вопрос, если его правильно задать. Элиар рассказал Мидмиру о возникшем среди дэвов разладе и похищении Фенлин. «Виновен ли Хед в смерти Бел-Адора?» — спросил Элиар. «Нет», — ответил Мидмир. «А кто в этом виновен?» — «Шемай-Лох». — «Я так и думал, — сказал Элиар. — Шемай-Лох переродился и теперь служит злу?» «Да». — «Как нам вернуть Фенлин?» — «Вы можете получить ее назад только силой». — «Нам нужно идти войной на Ойтру?» — «Да,

если вы хотите освободить Фенлин». — «Можно ли использовать наше оружие?» — «Нет. Тоща погибнет мир». — «Хватит ли у нас сил?» — «Да». — «Будет ли уничтожено зло после нашей победы?» — «Нет, зло только окрепнет». — «Можем ли мы уничтожить зло?» — «Я не знаю ответа», — сказал Мидмир. Дэвы долго совещались между собой и решили начинать войну. Таргал с тридцатью дэвами спустились с гор и пришли в Рагнаим. Кулайн отправился в Асор-Гир и собрал там армию людей из Ас-а-Дена.

— Очень ты много говоришь непонятных слов, — сказала Мирегал. — Что такое армия?

— Это большая группа вооруженных людей. Армия делится на отряды, и в каждом отряде есть мелх — человек, которому все должны подчиняться.

— Даже если им не хочется?

— Да. Война вообще — вещь страшная, и подчинение мелху — еще не самое худшее, что в ней есть. Так вот, когда Кулайн привел свою армию в Рагнаим, они соединились с Таргалом и двинулись в поход на Ойтру. На границе Альвена их встретила армия Шемай-Лоха — дэвы и люди. Произошло сражение — обе армии сошлись, и люди стали убивать людей, а дэвы — дэвов. Много погибло и тех, и других. Войско Таргала и Кулайна оказалось сильнее, и Шемай-Лох отступил. Но война продолжалась еще долго — целых семь лет шли сражения на полях Альвена, пока наконец люди из Ас-а-Дена не подошли к Ойтре. Шемай-Лох и его войско укрылись за могучими стенами. Город был окружен, но оказался неприступным…

Долго продолжалась осада. Дэвы в Ойтре, уже десять лет не входившие в эликон, начали терять силу, но люди стояли насмерть. Тоща Элиар решил пойти на хитрость, И вот однажды, через три года после начала осады, защитники Ойтры увидели в небе летящий эликон. Он опустился возле стана осаждающей армии, и из него вышли пятьдесят дэвов в сверкающих доспехах. Шемай-Лох знал, что, захватив эликон, он сможет выиграть войну. Его дэвы обретут прежнюю силу и смогут отбросить врага от стен Ойтры. Стальные ворота открылись, и все воинство Шемай-Лоха ринулось в бой. Натиск был так силен, что ряды людей из Ас-а-Дена дрогнули. Кулайн бежал с поля боя и следом за ним — вся армия, а Таргала не было видно. Дэвы Шемай-Лоха захватили эликон, но не могли попасть внутрь — эликон открывается снаружи, только когда лежит на вершине магдела. И пока армия преследовала отступающего врага, дэвы внесли эликон в город и подняли его на магдел. Открыв вход, они устремились внутрь, все до единого, не в силах ждать ни минуты. Они думали, что эликон пуст, но там было тридцать дэвов

Элиара, и Таргал среди них. Они спрятались где-то в глубине, а потом вышли и заперли Шемай-Лоха и всех его дэвов внутри, перед этим лишив эликон способности летать. Они овладели опустевшим городом и закрыли ворота. А в это время отступавшая армия повернула назад и погнала защитников Ойтры обратно к крепости. Кулайн вел в бой шестьдесят могучих дэвов, противостояли же им только голодные измученные люди. Подбежав к городу, воины Шемай-Лоха хотели укрыться за стенами, но ворота были закрыты. На вершине надвратной башни появился Таргал. Он заговорил, и голос его был слышен на десять миль вокруг: «Защитники Ойтры! Ваша крепость пала. Ваши дэвы заперты в эликоне и не выйдут оттуда, пока мы этого не пожелаем. Вы проиграли войну, но каждый, кто добровольно сложит оружие, будет прощен».

И воины Шемай-Лоха побросали на землю свои мечи, и копья. А тем временем в эликоне, лежащем на вершине магдела, происходили таинственные и страшные события. Элиар, в тот же час прибывший в Ойтру, пытался говорить с мятежными дэвами. Он сказал им правду о Шемай-Лохе, поведанную ему Мидмиром. Но эликон молчал. Двери его давно были отперты снаружи, но оказались запертыми изнутри. Наконец, через неделю, они открылись, и оттуда вышли сорок два израненных дэва и с ними прекрасная Фенлин. Шемай-Лох и восемьдесят других исчезли, а эликон был мертв — потерял всю свою силу. Он и сейчас лежит там ржавый, растрескавшийся, никому не нужный металлический обруч. Шемай-Лох, уходя, погубил эликон, и теперь их осталось только два.

— А как же он вышел оттуда? Ведь они были заперты, — сказал Гилдор.

— Этого не знают даже дэвы. Известно только, что он хотел забрать с собой всех, кто там был, но многие не согласились — ведь Элиар поведал им правду. Там, в эликоне, произошла кровавая битва, в которой погибло двенадцать дэвов.

— А что было дальше? — негромко спросил Гил, увидев, что Ки-Энду замолчал и погрузился в раздумья.

— Дальше? Сорок два мятежных дэва вернулись в Асгард, рознь между ними была забыта. Анугард опустел, лишившись эликона — ведь это анугардский эликон был погублен Шемай-Лохом. Да и дэвов осталось слишком мало, чтобы заселить два города. Ойтра тоже опустела, и жители Альвена построили себе новую столицу — Альвен-Гир на реке Солфьенн. Как и обещал Таргал, они были полностью прощены. Прекрасная Фенлин снова стала учить людей добру и любви. Люди заселили новые земли — Сол-а-Ден и Гарм-а-Ден на севере, Эн-Гел-а-Син на юге. Земля

расцвела, и добро вновь воцарилось в мире.

— А Шемай-Лох так и исчез? — спросил Гил. Ки-Энду как-то странно взглянул на него.

— Вы что, ребята, хотите, чтобы я всю историю мира вам рассказал? Хватит уже, пора и о деле подумать.

Глава 5
РОЖДЕНИЕ ПЛАНА

1. И Ангел, которого я видел, поднял руку свою к небу и клялся Живущим во веки веков… что времени уже не будет: но в те дни, когда возгласит седьмой Ангел, когда он вострубит, совершится тайна Божия.

Апокалипсис, 10, 5 — 7

2. Конец возвещен рогом Гьяллархорн;
Хеймдалль трубит, поднял он рог.

Прорицание Вельвы, 46

Все притихли. Солнце стояло высоко над лесом, воздух был теплый и прозрачный. Где-то в вышине пел жаворонок, в траве стрекотали кузнечики. Мирегал, сначала с интересом слушавшая рассказ брата, полулежа среди голубых и желтых майских цветов, под конец почувствовала, что у нее слипаются глаза. Травка была такая мягкая и ласковая, солнышко такое теплое, а голос рассказчика звучал так убаюкивающе-монотонно, что голова ее как-то сама собой стала склоняться все ниже и ниже, пока не скрылась в высокой траве. Мирегал закрыла глаза. Перед ее мысленным взором расстилались бескрайние зеленые равнины, по ним, вдалеке, скакали всадники, много всадников, закованных в сверкающую сталь. Развевались знамена, белые, как снег, и синие — как небо, солнце блестело на мечах дэвов, ветер развевал их золотистые волосы. Слышалась музыка, откуда лились звенящие трели — это жаворонок поет где-то под облаками, исчезающая точка в бескрайней вышине, — нет, это трубы играют, серебряные и золотые трубы дэвов, и зовут, зовут в бой. Но вот набегают тучи, небо багровеет, всадники поворачивают вспять и несутся галопом — ближе, ближе, земля дрожит под копытами. Вдруг раздается звук горна — резкий, надрывный, он отдается болью в ушах, он проникает в самые дальние уголки, и мир не может вынести этого звука — земля

поднимается, раскалывается, разлетается миллионами осколков — Они летят вверх, вспыхивают искрами, сгорают, а из-под расколотой земли с грозным рокотом вырывается ослепительное пламя.

Испуганное сонное лицо Мирегал показалось над травой.

— Ой, — сказала она, протирая глаза, — что это было? Я, что ли, заснула? Прости, Энду, очень уж ты нудно рассказываешь. А мне такой сон приснился… будто все разлетелось на куски. Так красиво!

— Ах, Мирегал, какая же ты очаровательная, когда спишь, — сказал Гил, сидевший рядом и любовавшийся ею. — У тебя такой хорошенький носик, и ресницы такие длинные и пушистые, и еще вот этот колокольчик лежал у тебя на щеке…

— Глупости какие! — кокетливо улыбнулась Мирегал. Гилдор, сидевший неподалеку, сообщил с важным видом:

— А пока ты спала, у нас тут было землетрясение!

— Правда! Ой, как жалко!

— Да какое там землетрясение, — возразил Балг, — так, чуть-чуть тряхнуло, как будто кто-то постучал снизу: тюк-тюк! — и все.

— Военный совет проходил в серьезной, деловой обстановке, — торжественно произнес Ган-а-Ру, лежа на спине с закрытыми глазами и жуя травинку. — Были обсуждены все насущные вопросы: история мира, землетрясение, щечки и цветочки.

— Землетрясение… Так вот почему мне приснилось… — задумчиво начала Мирегал, но Гилдор перебил ее.

— Правда, давайте поговорим о деле! — воскликнул он с воодушевлением. Господин Ки-Энду! Скажите, что же вы придумали? Мы что, тоже заманим нидхагов куда-нибудь и запрем?

— Куда же мы их заманим? Нет, нужна какая-то другая хитрость. На дубу громко каркнула ворона. Мирегал встрепенулась, глаза ее расширились.

— А вот и горн! — сказала она громко, и все удивленно на нее посмотрели.

Она смутилась и скрылась в траве. Теперь там, где только что торчала ее голова, покачивались колокольчики…

— Честно говоря, у меня пока нет никакого плана, — продолжал Ки-Энду. Сначала надо выяснить, где находится нидхагир и что там вокруг. Мы сходим в горы и все разведаем, а потом уже будем думать.

— Мне кажется, надо их напугать, — сказал Гил. — Устроить шум, грохот, крик поднять. Может, они испугаются и убегут.

— Нет, я вам все-таки расскажу! — голова Мирегал снова

показалась над травой. — Это был ужасно интересный сон!

— Пустили девчонку на военный совет… — проворчал Гилдор, насупившись.

— Сначала была зеленая, равнина, и по ней скакали дэвы на белых конях. Они были очень красивые, и играли трубы, а на самом деле это жаворонок пел. А потом все вдруг потемнело, и всадники повернули и поскакали прямо на меня. И тут каркнула ворона, а мне снилось, что это горн. Звук был такой резкий, страшный! И вдруг земля затряслась, и все разлетелось на мелкие кусочки, и оттуда пламя, пламя! Это, наверное, было землетрясение, а мне снилось, что земля раскалывается! Правда, здорово?

— Ну что ты вылезла со своим сном? — буркнул Гилдор. — Мало ли что приснится. Мы тут важные вещи обсуждаем, а ты мешаешь.

Но Ки-Энду внимательно выслушал рассказ Мирегал, а когда она кончила, его лицо внезапно просветлело, глаза заблестели, и он сказал:

— Ну, сестренка! Ну, молодец! Вот так сны тебе снятся! Все, ребята, у меня есть план! Эй, Балг, скажи, какое оружие оставили у тебя люди из Асор-Гира?

— Мечи, копья, луки, длинные ножи, щиты, секиры… все, кажется.

— А горны у тебя есть?

— Есть и горны.

— Отлично! Ну, ребята, пошли вооружаться.

— Да скажи хоть, что за план ты придумал? — спросил Гил, пока все вставали и потягивались.

— По твоему совету, Гил, и по сну Мирегал! Мы напугаем их трубами!

— Думаешь, они испугаются? — засомневался Гил.

— Еще как! — Ки-Энду хитро заулыбался. — По-моему, нидхаги должны бояться труб больше всего на свете.

— Почему?

— Потому!.. Ну, все готовы? Давай, Балг, веди нас в свои подземелья. Где там у тебя огненное копье Ха-Бул?

Возбужденный Ки-Энду отправился вслед за Балгом в дом, а за ними и все остальные. Вскоре они вернулись к дубу, неся кучу оружия. Гилдор вытащил меч из ножен, подбежал к поленнице и с воинственным криком «Эгей!» со всей силы ударил по бревну. Меч отскочил, вырвался из рук Гилдора и со звоном отлетел назад, чуть не снеся ему голову.

— Развоевался, — сказал его брат-близнец Хайр, — тоже мне!..

— Да… Всем нам, похоже, надо малость потренироваться,

— сказал Ки-Энду. — Объявляю военные учения! Как в Асор-Гире; Школа стрельбы из лука — преподает господин Ки-Энду. Удар копьем — учит господин Беллан из Пасеки. Щит и меч — господин Энар из Дубравы. Прошу всех разделиться на три группы!

— Обманный взмах мечом с последующим самоубийством — преподает профессор Гилдор из Белых Камней! — объявил Ган-а-Ру.

Раскрасневшиеся, возбужденные мужчины приступили к занятиям. К задней стене трактира приставили три бревна, одно из которых служило мишенью для стрел, другое — для копий, а третье вскоре было изрублено мечами в мелкие щепки. («Покололи бы уж и остальные», — заметил Балг.) Все бегали, кричали, махали щитами и копьями. Запыхавшаяся Мирегал перебегала от одной группы к другой и требовала, чтобы ей тоже дали попробовать.

Расправившись с бревнами, перешли к учебным поединкам.

— Враг рубит мечом… Руби, Вайл!! — кричал коротышка Энар, подпрыгивая на полусогнутых ногах и закрываясь шитом от стоящего перед ним неуклюжего Вайла. — Так! Подставляем щит! Меч застревает! Дергаем! Так! Враг выпускает меч из рук! Выпад! Все, Вайл, ты убит. Следующий! Кто следующий? А ты куда лезешь, Мирегал? Кто тебе дал меч? Э, ты что делаешь?!

— Давай, Мирегал, так его! — кричал Ган-а-Ру, потрясая копьем. — Чтоб не задавался! Удар! Щит раскалывается! Выпад! Все, ты убит, Энар!

— Не считается! — закричал Энар, поднимаясь. — Щит был с трещиной! Мне его предыдущие раскололи! — Считается, считается!! — смеялась Мирегал. — Ну, не расстраивайся. Хочешь, я тебя поцелую?

Наконец все устали, и Ки-Энду затрубил в рог.

— Отбой!! — крикнул он. — Давайте передохнем. Запыхавшиеся, взбудораженные новобранцы расселись под дубом, оживленно обсуждая свои первые боевые впечатления.

— Ты видел, видел? — махал руками Гилдор. — Я его — раз! А он меня трах! А я как отскочу и снова — бабах!

— Успокойся, сынок, тебе вредно волноваться, — сочувственно сказал Ган-а-Ру.

— Славно повоевали! — вздохнул Хайр. — Теперь хоть на войну иди. На белых конях, со знаменами!

— Ни одно бревно не устоит перед нашим натиском! — поддел его Ган-а-Ру.

— Да, с бревнами-то мы лихо расправились, — вздохнул

Вайл. — А вот как будем с нидхагами?

При упоминании о нидхагах общее оживление несколько спало.

— Выходит, все-таки будем драться? — спросил Беллан.

А как же обещанная хитрость?

— Будет и хитрость, не беспокойся, — сказал Ки-Энду. — Все равно надо хоть немножко научиться владеть оружием, мало ли что случится. Но я надеюсь, что обойдется без драки.

— Так какой у вас план, господин Ки-Энду? — спросил Хайр.

— План?.. Сейчас Балг принесет нам жаркое, если вы его не растоптали. После обеда продолжим учения — наколем Балгу дров за его труды. Потом поучимся трубить — это самое главное. А завтра с утра поедем в горы на разведку.

— А нидхагов-то как будем выгонять?

— Я же сказал — с помощью горнов. Ну, и еще кое-что… А теперь обедать!

Через два часа долина огласилась страшными звуками, идущими из-за трактира старого Балга. Звуки напоминали мычание большого стада бешеных коров. Овцы переселенцев, уныло бредущие вдоль дороги на восток, разбежались по окрестным полям. Тридцать девять лошадей, мирно пасшихся неподалеку от трактира, галопом помчались в сторону леса.

— А неплохо действует, — сказал Хайр, морщась. — Еще пять минут такого концерта — и пропал мой музыкальный слух! — Да, ребята, это не тот эффект, к которому мы стремимся, — сказал Ки-Энду. — Давайте-ка разучим простенькую мелодию:

Пам, пам, парам! Пам, пам, парам! Пам-пам, пам-пам,

Пам-пам, парам, пам-пам!

Только играйте потише, прошу вас! Совсем тихонечко!! Когда Ки-Энду напел мелодию, Беллан испуганно вздрогнул и посмотрел на Энара. Тот молча кивнул. Они вдвоем подошли к Ки-Энду и попросили его отойти в сторонку поговорить. Пока все остальные разучивали мотив, негромко и ужасно фальшиво трубя в горны, Беллан, Энар и Ки-Энду незаметно отошли за угол дома.

— Мы поняли твой план, Ки-Энду, — сказал Беллан. — То, что ты задумал кощунство.

— Никто, кроме Хейм-Риэла, не смеет подавать этот сигнал, — сказал Энар.

Глаза Ки-Энду гневно сверкнули.

— Кощунство? А как вы назовете то, что делает враг? Травить нас нидхагами, оживлять наших предков, чтобы они пожирали нас, — не кощунство?

— Ты веришь в гуллов, Ки-Энду?

— Гробницы в Тетагире пусты. Мы своими глазами видели

гулла на дороге. Это правда, Энар.

— Но мы не можем подать этот сигнал. Что будет, если кто-нибудь, кроме нидхагов, услышит нас? Уж лучше биться с оружием в руках, — сказал Беллан.

— Ты хочешь послать этих детей на смерть? По-твоему, это меньшее кощунство?

— Тоща лучше совсем отказаться…

— Мы не можем этого сделать. И так уже слишком поздно! Еще немного, и враг воцарится во всем мире. Не бойтесь, друзья! Никто, кроме нидхагов, не услышит сигнала.

К вечеру многие уже научились правильно играть напетую Ки-Энду мелодию. Поужинав, все разошлись по своим спальням, уставшие после напряженного дня. На втором этаже у Балга было несколько комнатушек для гостей, так что места хватило всем.

Гил не мог заснуть и долго ворочался, прислушиваясь к храпу Балга за стеной. Наконец он встал, вышел из комнаты и осторожно, чтобы никого не разбудить, прокрался к спальне Мирегал.

Она не проснулась, когда он вошел, хотя тяжелая дверь громко заскрипела. Комната была маленькая и уютная, совсем кругленькая — пол по краям мягко загибался кверху, плавно переходя в стены, и так же переходили друг в друга стены и потолок. В круглом окошке был виден лес. Неполная луна освещала комнату, и в этом волшебном свете лицо Мирегал казалось утонченным, почти неземным, словно это была не Мирегал, а спящая королева фей. Гил осторожно присел на край кровати.

— Ми… Ты спишь? Какая ты красивая!

— Гилли… Почему ты здесь? Тебе не спится?

Гил покачал головой.

— Ты мне сказал уже второй комплимент за день, — Мирегал чуть улыбалась. — Ты меня любишь?

— Не смейся надо мной. — Гил совсем смутился и отвел взгляд. — Я же действительно — Ты такая…

— Я так люблю луну, — сказала Мирегал, выглядывая в окошко. — Я становлюсь совсем другая, когда она светит. Мне хочется сразу и смеяться и плакать…

Оба молчали, стоя у окна. Потом она спросила:

— Ты когда-нибудь пел при луне?

— Нет, я же не умею. А ты так красиво поешь… Я все думаю: что это за мелодия, которую мы учили сегодня?

— Странная, да?

— Да, какая-то тревожная, словно зовет куда-то.

— Она незаконченная. Обрывается неожиданно на высокой

ноте, ждешь конца, а его нет… А ведь я знаю эту песенку!

— Знаешь?

— Да. Ки часто ее напевает, когда думает, что его не слышат. Там и слова есть. Хочешь, спою?

Мирегал присела на кровати, завернувшись в одеяло, и запела. Гил смотрел на нее, очарованный. Она пела негромко, мягким, красивым голосом, похожим на звон серебряных колокольчиков:

Ом лайн аэр!
Ом лайн аэр! Са Гарм, ха ку
Вин сол ла эл габер!

Песня обрывалась неожиданно, последняя нота повисла в воздухе, и Гилу вдруг захотелось вскочить и бежать, бежать куда-то далеко-далеко, по залитым лунным светом тропинкам.

— Какой это язык? Я понял только несколько слов.

— Дэвинмол. Ки рассказывал, что на нем говорили люди до войны. Я тоже не все понимаю. Кажется, это значит: «Спешите! Скорей бегите все к нам, потому что Гарм, большая собака, хочет съесть солнце и луну». Все равно непонятно.

Гил вздохнул. Его взгляд скользнул по стенам, обитым зеленой материей, и он заметил рог, служивший вешалкой, на котором поверх голубого платья висел меч в ножнах, «Что-то неведомое и грозное, и все смешалось, перевернулось, и мы все летим в какую-то пропасть…»

— Как там красиво, за окном! — шепнула Мирегал. — Милая наша долина. Наша добрая, тихая жизнь — Неужели это конец, Гил? — с горечью спросила она, и слезы заблестели у нее на глазах. — Неужели ничего этого больше никогда не будет?

Гил испуганно посмотрел на нее.

— Что ты, глупенькая, что с тобой?

В глазах Мирегал было такое неподдельное отчаяние, что он прижал ее к себе и стал успокаивать, гладя, как маленькую, по головке и говоря ласковые слова. Наконец он почувствовал, что она успокоилась и стала тихонько вырываться.

— Прости, пожалуйста. Что-то на меня нашло… Вдруг показалось, что сейчас все развалится, как тоща, во сне. Ну, пусти, я больше не буду…

Гил отпустил ее и ласково посмотрел ей в глаза.

— Чего только не почудится при лунном свете! — Мирегал улыбнулась с прежней беззаботностью. — Давай-ка закроем занавески. Вот так, а теперь иди спать. Спокойной ночи! — Спокойной ночи, Ми!

Гил вышел, осторожно прикрыв дверь. А Мирегал долго еще ворочалась с боку на бок, то всхлипывая, то смеясь, то кусая подушку. «Что же это? — думала она. — Что же это такое? «Тонкий лучик, пролезший между занавесками, упорно, как она ни вертелась, падал ей на кончик носа.

Глава 6
ВЗЯТИЕ КРАЙНЕГО ПРИГОРКА

1… Из этого рода станет один мерзостный тролль похитителем солнца.

Будет он грызть трупы людей, кровью зальет жилище богов; солнце померкнет в летнюю пору, бури взъярятся довольно ли вам этого?

2. Гарм лает громко у Гнипахеллира, привязь не выдержит вырвется Жадный.

Прорицание Вельвы, 40–41, 44

С утра набежали тучи, подул прохладный сырой ветер. Проснувшись, Гил сел на кровати и посмотрел на унылую картину за окном Он чувствовал себя разбитым, невыспавшимся и несчастным. В коридоре слышались шаги, голоса очевидно, все уже встали и собирались в поход. «Куда тащиться в такую погоду?..» — подумал Гил. Он нехотя оделся, взял оружие и спустился в зал. Там уже было полно народу.

— Привет, Гилли! — сказал Ки-Энду. — Как настроение?

— Не выспался я, Балг так храпит…

— Ладно, ладно! Знаем мы, что ты по ночам делаешь, — рассмеялся Ки-Энду

— Как тебе не стыдно, Ки! — возмутилась Мирегал… Никогда больше не буду тебе ничего рассказывать! — И тут же пожалела о своих словах, потому что все собравшиеся покатились со смеху.

Мирегал надулась, Гил не знал куда деваться от смущения. Наконец, чтобы хоть как-то замять ситуацию, он сказал первое, что пришло ему в голову:

— Ки, а что это за собака такая — Гарм?

При этих словах по крайней мере три человека перестали смеяться Ки-Энду, Беллан и Энар.

— Гарм? Не знаю я такой собаки, — с деланной беспечностью сказал Ки-Энду.

— Не знаешь? Но ведь в этой песне, которую…

— Ну все, пора собираться! — крикнул Ки-Энду, вставая. — Завтракай быстрее, Гилли, ты самый последний. А мы пойдем седлать лошадей.

Через полчаса отряд, по предложению Хайра получивший название Ио-Син-а-Хут — «Армия Лунных Гор», — двинулся в поход. Тридцать восемь всадников, обвешанных мечами, луками и щитами, на добродушных разномастных лошадках неспешно пересекли дорогу и начали спускаться с пригорка. Балг, глядя им вслед, переминался с ноги на ногу, видимо, силясь принять какое-то решение. Наконец он махнул рукой — была не была! — спустился в погреб и, осмотрев оставшееся там оружие, выбрал для себя большой стальной шлем с торчащим на макушке конским хвостом. Во дворе он подобрал топор для рубки дров и пошел седлать своего тяжеловоза. Балг догнал отряд в Желтом Ручье, где Ки-Энду решил сделать небольшую остановку. Мужчины вытаскивали из сарая большие мотки крепкой веревки, лопаты, тяжелые железные ломы и грузили все это на телегу. Мирегал пересела с вороного, возившего повозку с мумией в Тетагир, на свою любимую белую лошадку. Она первой заметила приближение трактирщика.

— Ой, Балг, — закричала она, — на кого ты похож! Сними это сейчас же!

Но Балг, несмотря на всеобщий хохот и шуточки, не пожелал расстаться со своим шлемом.

— Так куда мы направляемся? — спросил Энар у Ки-Энду, когда отряд двинулся дальше на северо-восток.

— В Крайний Пригорок. Это близко к горам, там можно будет расположиться. Вышлем разведчиков и будем ждать, пока они найдут нидхагир.

— Думаешь, он там один?

— Судя по всему, да. И он должен быть недалеко от Крайнего Пригорка, ведь именно в тех местах нидхагов видели чаще всего.

Горы Ио-Син медленно приближались — уже можно было различить глубокие темные ущелья, прорезавшие глинистые склоны. Эти ущелья, промытые весенними ручьями, да еще торчащие кое-где вертикальные плоские скалы, напоминающие полуразрушенные стены крепости, были единственным, что нарушало волнистое однообразие пологих склонов и сглаженных вершин.

Ки-Энду и его спутники ехали по местам, с детства знакомым и родным. Их поразила необычайная тишина и безлюдье. Почти половина хуторов в этой части долины уже опустела, обитатели остальных только двух или трех одиноких пастухов, которые пугались, завидев отряд, а узнав, что это не нидхаги, а свои,

идущие на войну, улыбались, желали удачи и предлагали чем-нибудь помочь.

— Нам понадобятся повозки, — говорил им Ки-Энду. — Постарайтесь пригнать побольше пустых повозок к Крайнему Пригорку.

Ио-Син-а-Хут подъехал к хутору Собачий Двор. Он получил свое название из-за наследственной любви его обитателей к этим животным. Десятка два самых разнообразных собак, бродивших вокруг дома, радостно залаяли и бросились навстречу подъезжающим. На крыльце появился старый Линдор, прозванный Кун-Линдором за любовь к четвероногим друзьям. Увидев вооруженных людей, он хотел было захлопнуть дверь, но, узнав Ки-Энду и его спутников, спустился с крыльца и приветствовал их.

— Добрый день, господин Линдор! — сказал Ки-Энду. — Как поживаете? Не страшно вам тут, у самых гор? Соседи-то ваши, похоже, все уехали?..

— Соседи уехали, а мы с женой решили — нечего нам на старости лет куда-то переселяться. Подождем, пока сыновья вернутся из Асор-Гира, пусть они тоща решают, что делать дальше. А до тех пор никуда мы отсюда не уйдем. Ну, а вы куда путь держите?

— В Крайний Пригорок.

— Э, вот туда-то как раз и нельзя. Там нидхаги. Внучка моя еще на рассвете забрела туда, смотрит — а там полным полно чужих косматых мужиков, еле ноги унесла.

— Они-то нам и нужны, — сказал Ки-Энду. — Это даже хорошо, что они там. Можно, мы на время оставим здесь своих лошадей и телегу?

— Господин Линдор, — сказал Гил, задумчиво гладя на резвящихся собак. — А нет ли у вас пса по кличке Гарм?

Кун-Линдор хитровато посмотрел на Гила:

— А у вас заметно расширился круг интересов, господин Шем-ха-Гил. Есть, как же. Гарм! Эй, Гарм! — Хан Дэвин, — пробормотал Энар. Беллал вздрогнул и побледнел, гладя, как огромный черный пес подбежал к Линдору и уселся у его ног.

— Что за наваждение? Надо же так собаку назвать! — пробурчал Беллан себе в усы.

Оставив лошадей в Собачьем Дворе, отрад стал осторожно, стараясь не выходить на открытые места, пробираться к Крайнему Пригорку. Этот хутор ближайший к горам — был оставлен жителями еще позавчера. Горы начинались крутым глинистым обрывом в полумиле к северу от хутора. Армия Лунных Гор приближалась к нему с юго-запада, двигаясь под прикрытием

виноградника людей из Собачьего Двора. Когда виноградник кончился, они сразу увидели дом на пригорке — окна распахнуты, стекла выбиты, — большую группу конных нидхагов, двигающихся в сторону обрыва, и тяжело навьюченных лошадей. Нидхаги подъехали к сыпучей глинистой стене, возвышающейся над равниной, и один за другим начали исчезать в узком ущелье, промытом талыми водами.

— Кто-то должен пойти за ними, — сказал Ки-Энду, — это редкая возможность без долгих поисков найти нидхагир. Ну, что самый смелый?

— Я! — сказала Мирегал.

— Нет уж, на этот раз я тебя не пущу. Ты на войне и должна слушаться.

— А мне можно? — спросил Гил. — Давай я пойду.

— И я! — крикнул Гилдор, подпрыгивая от возбуждения.

— Ну уж нет, — сказал Ган-а-Ру, — от тебя слишком много шуму. Еще распугаешь их раньше времени, а мы что, зря учились дудеть? Я пойду, и точка!

Как только последний всадник скрылся в ущелье, Гил и Ган-а-Ру побежали следом и через две минуты достигли обрыва. Почти отвесные стены узкой трещины, в которую въехали нидхаги, были образованы сероватой глиной с прожилками сыпучего белого гипса. По дну ущелья вдоль сухого русла шла нетоптаная тропинка. Не переводя дыхания и не оглядываясь, Гил и Ган-а-Ру побежали по ней, боясь упустить нидхагов. Дно трещины постепенно поднималось, но стены оставались такими же высокими и неприступными.

После первого же поворота долина скрылась из виду. Гил и Ган-а-Ру вступили в царство нидхагов, Ио-Син окружил их со всех сторон сыпучими стенами. Через некоторое время они услышали впереди стук копыт и пошли медленнее. И почти тотчас же такой же звук раздался сзади.

— Поторопились мы! — Гил остановился. — Там сзади еще нидхаги едут. Что будем делать? И спрятаться негде…

— Беги вперед! — А ты?

— Попробую уговорить их не ехать дальше. Приглашу в гости. Ну что ты встал? Беги!

Ган-а-Ру, снимая с плеча лук, подтолкнул Гила вперед. Тот побежал, спотыкаясь, и, миновав поворот, услышал сзади приглушенный голос Ган-а-Ру:

— Одну минутку, господин, извините, не знаю вашего имени. Бросайте-ка оружие и не скальте так зубы, тем более, что, по-моему, вы их сегодня забыли почистить.

Гил побежал вперед. Узкое, извилистое ущелье вело все

дальше в глубь Ио-Сина. Тропинка перепрыгивала с одного берега сухого русла на другой, карабкаясь все выше, но ущелье оставалось таким же узким. Кое-где отвесные стены сходились так близко, что даже двум всадникам трудно было бы разъехаться. После очередного поворота Гил оказался в начале довольно длинного прямого участка; здесь проход заметно расширялся и просматривался на четверть мили вперед. Нидхагов не было видно, только одна крепкая, приземистая нидхагская лошадь понуро стояла на тропе. «Они меня здорово обогнали, — подумал Гил. — Сейчас ущелье кончится, и я не буду знать, куда идти». Он побежал со всех ног. Не добежав до лошади шагов двадцать, он споткнулся обо что-то мягкое и полетел вперед, еле успев выставить руки, чтобы смягчить удар. Сразу встать он не смог — в кровь разбил коленки и ладони, к тому же, падая, ударился головой о торчащий из стены камень. Медленно приподнимаясь на руках, он внезапно услышал сзади — примерно оттуда, где были его ноги, — глухое злобное бормотание. Обернувшись, Гил увидел прямо над собой оскаленную морду нидхага. Шкура у него на щеке была содрана, с желтых клыков капала слюна.

— Врх ногр над смотрэт. Шрак! — Нидхаг взмахнул мечом.

Ки-Энду и его спутники, залегшие на склоне пригорка в четверти мили от хутора, видели, как Гил и Ган-а-Ру. скрылись в темной трещине и как сразу же вслед за этим из Крайнего Пригорка выехал конный нидхаг, направляющийся в ту же сторону.

— И мы никак не можем его задержать, — пробормотал Ки-Энду. — Только бы они заметили его раньше, чем он их.

— Они погибнут? — спросил Вайл.

— Откуда я знаю! Но мы должны сейчас же окружить хутор, чтобы к этому нидхагу не добавился еще десяток. Ну, бегом.

Отряд побежал к дому.

— Энар и еще десять человек — к задней стене! Остальные — к передней! Не бегите толпой, расстояние между людьми пятнадцать шагов. И тише, тише!

Несмотря на приказ Ки-Энду, приближение отряда к хутору прошло шумно и неорганизованно. Люди натыкались друг на друга, падали, роняли оружие. Когда, наконец, дом был окружен, входная дверь внезапно распахнулась, и не пороге появились два пьяных нидхага — один держал под мышкой серебряную чашу, другой прижимал к груди скомканное одеяло. Они спустились с крыльца и, покачиваясь, сделали несколько шагов по направлению к своим лошадям, стоящим в дальнем конце двора.

— Стойте! — крикнул Ки-Энду, сняв с плеча лук. Нидхаги, до

сих пор не замечавшие людей, остановились, тупо озираясь и тщетно пытаясь понять, что происходит. Наконец, один из них, менее пьяный, бросил чашу, вытащил меч и пошел на Ки-Энду с глухим рычанием.

— Я буду стрелять! Стой!

Нидхаг подходил все ближе. Вот он уже совсем рядом, вот он поднимает меч — Только когда стальное лезвие начало опускаться, Ки-Энду, отпрянув, спустил тетиву.

— Хватайте второго! Чего вы стоите?

Первый нидхаг, уронив меч и схватившись обеими руками за конец стрелы, торчащей у него из горла, стоял некоторое время, словно окаменев, потом глаза его налились кровью, рот открылся, и он упал на спину, не издав ни звука.

Мирегал, вскрикнув, закрыла лицо руками.

Второй нидхаг до сих пор не сдвинулся с места — так и стоял, вцепившись в свое одеяло, словно оно могло его защитить. Бел лая подбежал к нему, вытащил у него из ножен меч и, убедившись, что другого оружия нет, посадил остолбеневшего нидхага на крыльцо. Ио-Син-а-Хут столпился вокруг, разглядывая пленного.

— Говорить можешь? — спросил Ки-Энду.

Нидхаг посмотрел на него тупым, бессмысленным взглядом.

— Ты бы хоть причесался, — сказала Мирегал.

— В доме есть еще ваши?

Нидхаг, с трудом двигая челюстями, прохрипел:

— Яхр их молчат! — Ему сделалось дурно, и он повалился на бок. Все отвернулись.

— Пошли, посмотрим, что в доме, — сказал Ки-Энду. Оставив пленного на попечение Рилга из Приречья и Мирегал, все остальные вошли внутрь. Там был полный разгром — мебель перевернута, посуда перебита. Даже картины на стенах были изрезаны в клочья.

— Зачем они это делают, господин Ки-Энду? — спросил Хайр, с ужасом глядя на болтающиеся разноцветные лоскутки, недавно бывшие прекрасным пейзажем работы Конгала.

— Они ненавидят искусство, Хайр. Оно для них невыносимо — глядя на картины, они видят уродство собственных душ.

— А разве они не понимают?.. Разве они догадываются о собственной неполноценности? Я думал, они считают себя верхом совершенства.

— Нет. Они все очень тонко чувствуют. Ведь зло не является их исконной природой, оно насильственно вживлено в их души. Нидхаги — самые несчастные существа на свете, Хайр.

В подвале, среди пустых винных бочек оказался еще один

нидхаг — он спал беспробудным сном прямо на земляном полу. Первого пленного, когда ему стало получше, перевели туда же. Когда оба были надежно заперты в подвале, Ки-Энду и его отряд вышли во двор.

— Смотрите! — воскликнул Гилдор. — Кто это?

Со стороны обрыва к хутору приближались двое — один, низенький и сгорбленный, шел впереди, заложив руки за спину, другой, повыше, с луком в руках, шагал сзади.

— Да это же Ган-а-Ру с Гилом, — сказал Балг.

— Второй-то точно Ру, а вот Гил какой-то странный… — сказала Мирегал. Чего это он такой сутулый и лохматый?

Странная пара подошла ближе, и все разглядели, что первым шел нидхаг со связанными за спиной руками. Ган-а-Ру гнал его перед собой, насвистывая веселенькую мелодию.

— Позвольте представить вам господина Бхарга, — сказал Ган-а-Ру, подведя своего пленного к дому. — Он немногословен, мой новый друг — за все время нашего знакомства я выучил только одно выражение на его языке: «шрак» — я правильно произношу, приятель? Это значит: «Сударь, ваша внешность и манеры оставляют желать лучшего».

— Подожди, Ру! Объясни, в чем дело. Где Гил?

— Видишь ли, Ки, мы с Гилом только что вошли в ущелье, когда господин Бхарг вдруг выскочил откуда-то сзади, и мне пришлось немного задержаться. Пока мы беседовали, Гил ушел далеко вперед, а потом оказалось, что я не могу бросить господина Бхарга одного, тем более, что он по моей вине лишился коня. Право, не мог же я его просто оставить там и попросить не ходить за нами! Пришлось привести его сюда.

— Надо было его связать!

— К сожалению, у меня только один пояс. К тому же мой новый знакомый, как мне показалось, хотя и не имеет привычки чистить зубы, но зато каждый день их точит — по крайней мере так они выглядят. Будьте любезны, господин Бхарг, покажите зубы!

— Одним словом, ты бросил Гила одного, чтобы не убивать этого нидхага?

Слова Ки-Энду попали в точку. Ган-а-Ру помрачнел и потупился.

— А ты, Ки-Энду, убил этого несчастного, когда нас было так много, и мы могли просто взять его в плен! — воскликнула Мирегал.

Все посмотрели на убитого и содрогнулись — так страшно его лицо с вылезшими из орбит глазами.

— Что ж, — произнес Ки-Энду после минутного молчания, —

может, ты и права… И отец наш, возможно, был прав, когда говорил, что добро не родится из крови. Время нас рассудит. Но я сделаю все, чтобы убийств больше не было. А сейчас давайте готовить погребальный костер и ждать Гила.

Увидев занесенный меч, Гил перевернулся на спину, откатившись при этом немного в сторону, и вытащил из-за пояса нож. Нидхаг не успел среагировать на это движение, и его удар пришелся по камню. Лезвие сломалось. Нидхаг зарычал и бросился на Гила, пытаясь схватить его за горло. Тот вскрикнул от ужаса, зажмурил глаза и, не отдавая себе отчета в том, что делает, ткнул ножом куда-то вверх. Нож вошел по самую рукоятку во что-то мягкое, и в тот же миг тяжелая туша нидхага обрушилась на Гила, обдав его густым запахом перегара и грязи. Гил лежал, придавленный, и не мог пошевелиться — и от тяжести, и от отвращения, чувствуя, как что-то теплое, пропитав плащ и рубаху, стекает тонкой струйкой по его телу. Гила стало тошнить, ему казалось, еще минута — и он умрет. Наконец, собравшись с силами, он сбросил с себя труп и вскочил. Перед ним, все такая же понурая и равнодушная, стояла нидхагская лошадь — она и головы не повернула за все время схватки. Гил прыгнул в седло и поскакал дальше в глубь Лунных Гор. «Его лошадь… — думал он. — Напился, не доехав, упал… я ободрал ему лицо башмаком, а потом убил. Кровь. Плащ надо выбросить… Кровь полилась, теперь не остановишь ее… Дэвы великие!.. Нет, нельзя так думать… Держись, Шем-ха-Гил! Худшее еще впереди».

Две или три мили проскакал он на нидхагской лошади вверх по узкой тропе, когда ущелье внезапно кончилось, и он въехал в долину. Гил спешился, отступил назад и спрятался за каменной глыбой — перед ним, как на ладони, лежал Ио-Синский нидхагир. Долина была невелика, с востока и запада ее ограничивали крутые склоны гор, к югу они сближались и оставляли один узкий проход — то самое ущелье, по которому ехал Гил. Дальний конец долины плавно переходил в пологий северный склон. По нему шла, извиваясь спиралью, дорога, ведущая куда-то в сердце горной страны.

В долине стояли три дома — они были похожи на те, что Гил видел в пустыне, только подлиннее, и не бревенчатые, а из кирпичей. Отряд, вернувшийся с добычей из Крайнего Пригорка, уже подъехал к поселку. Нидхаги слезали с коней и шли к дому, стоящему в восточной части долины. Гил заметил, что входили они в этот дом с копьями, а выходили без. Из дальнего, северного дома, выбежали нидхаги в яркой одежде и с ними — маленькие шустрые нидхагята. «Женщины и дети — в северном доме, в восточном — склад», сообразил Гил. Женщины принялись

разгружать лошадей и разбирать добычу; далеко разносились их радостные возгласы.

Изучив нидхагар, Гил принялся рассматривать окрестности.

К северу от поселка пасся табун из ста — ста пятидесяти лошадей. По крутому, глинистому западному склону, ближе к гребню, шея слой серовато-белого камня — он торчал из глины, словно полуразрушенная стена, нависшая над долиной и готовая в любой момент обрушиться вниз. «Как они не боятся! — подумал Гил. — Ведь при первом же сильном землетрясении может произойти обвал». Очевидно, такое уже случалось в прошлом — в западной части долины лежало множество больших сероватых глыб, явно отколовшихся от этой нависшей стены. Противоположный, восточный склон выглядел иначе — только нижняя его часть была глинистая, в основном же он был образован громадной черной каменной плитой, которая хоть и нависала над поселком, но стояла почти вертикально. Верхний край плиты, неровный и зазубренный, находился примерно в трех четвертях мили над долиной, тогда как ее нижний край, точнее, то место, где кончалась глина и начинался камень, — не более чем в двух сотнях локтей.

Тщательно все рассмотрев и запомнив, Гил осторожно вышел из-за камня, где он прятался, взял под узцы нидхагскую лошадь и завел ее обратно в ущелье. Здесь он вскочил в седло и поскакал назад. По дороге он подобрал мертвого нидхага, посадил его перед собой и, придерживая левой рукой обмякшее тело, доехал до Крайнего Пригорка.

Там уже зажигали костер.

— Что я вижу! — вскричал Балг. — Господин Гилли обнимает нидхага как брата родного!

Вся Армия Лунных Гор, оцепенев, смотрела, как лошадь остановилась посреди двора, нидхаг свалился на землю, а Гил, бледный, с остекленевшими глазами, стал медленно заваливаться на бок и упал, раскинув руки, на мертвое тело…

Глава 7
ТРУБЫ В ГОРАХ

Народ воскликнул, и затрубили трубами… И обрушилась вся стена города до своего основания.

Иисус Навин, 6, 19

Кровь полилась, теперь ее не остановишь… Небо затянуло красными тучами, шел кровавый дождь… Багровые ручьи бежали по земле…

Гил стоял в долине нидхагов, вся его одежда была пропитана кровью. Кровь текла по лицу, по рукам, во рту был ее соленый привкус.

Дождь полил сильнее. С крутых склонов потекли кровавые потоки. Они выворачивали камни, увлекая за собой целые пласты глины. Ревущий поток обрушился на Гила, сбил с ног, покрыл с головой, навалился чудовищной тяжестью. В нос набилась кровавая глина, нечем стало дышать… Гил отчаянно рванулся и закричал.

…В комнате было светло и чисто. Мирегал стояла рядом с кроватью и испуганно трясла его за плечи.

— Ми! Какой ужас… Мне снилось, что я тону в крови…

— Бедный ты мой! Ты и правда был в крови с головы до ног. Ты знаешь, что потерял сознание и упал с коня? Мы перенесли тебя в комнату, ты сразу заснул, а потом стал кричать. Я так испугалась!

— А где Ки-Энду? Я должен рассказать, что разведал. Я долго спал?

— Нет, совсем недолго. А Ки беседует с нидхагом… у нас же трое пленных, ты знаешь? Сначала их заперли в подвале, а мне стало их жалко, и я тихонечко приоткрыла крышку и поговорила с ними. Один из них оказался совсем неплохим парнем. Я уговорила Ки, чтобы их выпустили, они дали слово не убегать. Хочешь, я тебя познакомлю с Бхаргом?

— Неужели тебе удалось перевоспитать нидхагов? А что это за шум?

Со двора доносился звон, топот, возбужденные возгласы.

— Это военные учения. Наши учат новеньких владеть оружием. К нам сюда приехала куча народу, привезли телеги, разные продукты, все хотят помогать. Твои сестры приехали, и

даже наш папочка — он по-прежнему дуется на нас, что мы собрались воевать, но все-таки решил помочь. Он же уверен, что мы погибнем без его мудрых советов… Ну, пойдем вниз!!

Во дворе было шумно и многолюдно — мужчины тренировались, женщины готовили еду на больших кострах, все бегали, суетились, кругом стояли пустые повозки. Гил узнал своих сестер — сорокалетнюю Лингал, мать Гилдора и Хайра, и Эалин — красивую серьезную девушку двадцати пяти лет, ездившую на север учиться медицине.

— Смотри, — сказала Мирегал, — вот он. Бхарг! Гил увидел нидхага — тот стоял в дальнем конце двора, беседуя с Ки-Энду. Заметив Гила, они направились прямо к нему.

— Наконец-то, — сказал Ки-Энду. — Я уже хотел тебя будить. Пойдем в дом, там потише, расскажешь свои приключения. Тебе удалось что-нибудь разведать? Я уже узнал многое от Бхарга, но тебя мы тоже послушаем.

Нидхаг с любопытством разглядывал Гила. В его маленьких, широко расставленных глазах не было злобы — они выражали удивление, даже восторг.

— Почему упал с конь? — спросил он хрипло, с искреннем интересом.

— Очень хорошо, — сказала Мирегал, — только не с «конь», а «с коня». Скоро будешь совсем правильно говорить.

— Видите ли, господин… Бхарг, я убил нид… человека, то есть… первый раз в жизни…

— Ты убил, то он падает. Так Бхарг понимат. Ты падат — то он тебя убил, нах? — нидхаг осклабился, довольный своей шуткой. — Ру тебя один бросат, меня нах убиват. Ки убил; сестра ругат, омр грустныр. Ты убил, с коня падат, эр сон кричат. Бхарг нах знат, почему?

— Бхарг хитрый, — улыбнулся Ки-Энду, — все он уже знает.

— Он решил стать человеком! — сказала Мирегал. — Он увидел, что мы не любим убивать, и понял, что тоже не хочет быть злым. Правда, Бхарг?

— Значит, вы такие же люди, как мы? Можете быть добрыми? Почему же вы… — начал Гил, но Ки-Энду перебил его.

— Удивительно другое: как непрочно держится в них зло! Впрочем, нидхаги тоже разные: два других пленных не желают нас знать.

— Ашт нах Фенлин. Нытхакр — грубый работа э тунр. Грубый, грязный. Шрак.

— Какая работа? — не понял Гил. — И кто это — Ашт?

— Пойдем, у нас мало времени, — сказал Ки-Энду, — расскажешь, что с тобой приключилось, потом поужинаем — и в

бой.

Они прошли в дом, позвав с собой Син-Оглана, Беллана и Энара. Пока Гил описывал ущелье, схватку с нидхагом и горную долину, женщины под руководством Балга приготовили ужин и позвали всех к столу. Стола, собственно, не было — люди расселись прямо на траве, и Балг, Мирегал, Лингал и Эалин стали разносить глиняные миски с аппетитно дымящейся бараниной. Когда все принялись за еду, Ки-Энду попросил тишины и сказал:

— Времени у нас мало, в любой момент могут вернуться нидхаги, поэтому мы пойдем в горы сразу после ужина, чтобы прийти на место засветло. Нужно разделиться на четыре отряда: в первом пойду я, Гил, Ру и еще двенадцать человек — кто захочет. Мы выйдем первыми, потому что нам дальше всего идти мы обойдем долину нидхагов с севера. Следом за нами выйдут еще два отряда по двадцать человек, они разместятся на западном и восточном склонах, командовать ими будут Беллан и Энар. Остальные, во главе с моим отцом, останутся пока здесь, а на закате подойдут ко входу в ущелье. С ними должен пойти Бхарг. А теперь слушайте, кто что будет делать…

Пока Ки-Энду давал указания, люди покончили с едой. До заката оставалось часа три-четыре. Тучи, с утра затянувшие небо, рассеялись, ночь обещала быть ясной.

Сразу после ужина первый отряд двинулся в путь. Доехали верхом до западного края обрыва, стреножили лошадей и начали взбираться по крутому сыпучему склону. Поднявшись на гребень, двинулись по нему на северо-восток. В двух милях справа от гребня вытянулось глубокое ущелье, ведущее в долину нидхагов. После двух часов тяжелого пути отряд оказался над долиной, на сотню локтей выше похожего на стену каменного слоя. Дальше к северу гребень начал понижаться, склон справа от них становился положе, а каменная стена все меньше выступала из земли, пока не сравнялась с ней. Теперь свернули направо и перешли на пологий склон, ограничивающий долину с севера. Достигнув середины северного гребня, залегли в высокой траве. Внизу паслись лошади нидхагов, еще дальше лежал поселок, а в пяти милях к югу, там, где сходились восточный и западный склоны, темнея узкий провал — вход в ущелье. До заката оставалось полчаса.

— Долго еще? — обратился к Ки-Энду Рилг из Приречья.

— Лучше подождать лишний час, чем поторопиться и загубить все дело. Интересно, они собираются уводить на ночь лошадей?

— Там и пастухи есть, я вижу троих, — сказал Гил.

— Нидхаги рано ложатся спать, — сказал Ки-Энду, — и эти

пастухи, должно быть, уже зевают. Но если через полчаса они не уйдут в поселок, нам придется с ними повоевать.

— Беллан с Энаром, наверное, давно уже пришли и ругают нас на чем свет стоит, что мы не даем сигнала, — сказал Ган-а-Ру.

— Вряд ли. Не забывай, что они тащат тяжелые ломы и лопаты.

Наконец солнце скрылось за дальними вершинами на северо-западе. Над изломанным краем каменной плиты, ограничивающей долину с востока, все ярче разгоралась луна. Там, между зубцами, что-то двигалось, какие-то крошечные силуэты перемещались в лунном свете.

— Смотри! — Гил толкнул Ки-Энду локтем. — Энар уже на месте.

— Хорошо. Ждем еще минут десять и подаем сигнал. Зубчатая тень верхнего края каменной плиты скользила по долине, ее движение было хорошо заметно. Вот осветились два западных дома — ближний, где жили женщины и дети, и дальний, мужской. Потом тень соскользнула с крыш, пробежала по ложбинке, и, наконец, из мрака вынырнул восточный дом.

— Пора, — сказал Ки-Энду.

Пятнадцать воинов встали во весь рост, по пояс в высокой траве, и подняли горны. На миг все стихло, мир словно замер в ожидании. Но вот Ки-Энду взмахнул рукой, и тишину разорвали четыре звонкие, тревожные ноты:

— Пам, пам, парам!

Резкие неожиданные звуки потонули в море тишины, словно их никогда и не было. Но прошло пять долгих секунд и, словно эхо, прозвучал ответ — он пришел сразу с востока и запада, с едва уловимым сдвигом во времени, звонкий, пронзительный:

Пам, пам, парам!
Пам-пам, пам-пам,
Пам-пам, парам, пам-пам!

Отряд Ки-Энду снова сыграл первую строчку, и в тот же миг раздался страшный грохот, и земля содрогнулась. Громадная глыба, отколовшись от зазубренного края восточного склона, полетела вниз, ударяясь о каменную плиту, отскакивая, снова ударяясь, — вниз, вниз, быстрее, быстрее, и наконец с исполинской силой, подняв тучу пыли, обрушилась на землю в ста шагах от поселка. Дрожь пробежала по земле, а сверху уже летели новые глыбы — две, пять, десять… Звуки отдельных ударов слились в единый рев, многократно усиленный эхом. И надо всем этим грохотом, перекрывая и заглушая его, звучали

трубы, раз за разом повторявшие все тот же тревожный мотив.

Люди Энара сбрасывали камни с восточного склона прямо на нидхагир восточный дом-склад. Мелкие обломки дождем сыпались на его крышу, не причиняя вреда, пока наконец большая глыба не накатилась на него, проломив обе стены и выкатившись по другую сторону. Нидхаги выскочили из домов; словно муравьи в разрушенном муравейнике, они метались, натыкаясь друг на друга, ослепленные ужасом, и вся долина наполнилась их тревожным ревом.

Многие бросились бежать на север, к лошадям, в сторону отряда Ки-Энду, но камни, летящие с западного склона, врывались в долину как раз между поселком и табуном — этот путь был отрезан. Нидхаги: мужчины, женщины, дети, безоружные, пешие, многие босиком и почти без одежды, — устремились на юг, ко входу в ущелье. Лошади, напуганные грохотом и отрезанные от поселка летящими камнями, поскакали вверх по склону, прямо на отряд. Не добежав до людей, табун остановился, оказавшись в безопасности, и тоща Ки-Энду опустил горн и крикнул:

— В долину! Скорей! Воины перестали трубить и побежали вниз, мимо разгоряченных коней, к нидхагиру. Навстречу им двигались четыре сгорбленные фигуры — пастухи, уснувшие в траве и разбуженные трубами, устремились вслед за вспугнутым табуном.

— Они не должны пройти к лошадям! Они безоружны, их надо схватить.

Нидхаги, не обращая внимания на людей, ворвались прямо в середину отряда, и когда те навалились на них, они не пытались бороться, желая только одного — вырваться и бежать. Гил сцепился с крепким волосатым нидхагом и повалил его на землю. Тот извивался, хрипел, лязгал зубами, но Гил был сильнее и держал его мертвой хваткой.

— Шрак! Шрак! — кричал нидхаг. — Пусти! Рса Хейм-Риэл! Ха-рек! Рек! Гарм элуз! Рек!

Извернувшись, нидхаг вонзил острые, как ножи, зубы Гилу в плечо. Тот вскрикнул и разжал руки, нидхаг выскользнул из-под него и помчался к табуну, отшвырнув двоих подбежавших воинов. Ки-Энду бросился следом, догнал его и повалил. Гил поспешил на помощь. Вдвоем они связали нидхагу руки и ноги и отнесли к трем другим, уже связанным и лежащим рядышком на земле. Все четверо извивались, бились головами о землю и выкрикивали хриплыми, сорванными голосами:

— Ха-рек! Рса Хейм-Риал! Омр тэт! — Тихо! — сказал Ки-Энду громко и властно. — Это не Хейм-Риэл. Рса нах ха рек. Рса

шутка. Это мы, люди, устроили обвал и протрубили сигнал Хейм-Риэла. Иохр пониматр?

Нидхаги мгновенно успокоились и обмякли, в изнеможении распластавшись по земле. Только один из них произнес негромко, растягивая слова:

— Ваш народ ил платить кровь за такой шутка. Все четыре нидхага закрыли глаза и замерли — то ли уснули, то ли потеряли сознание.

— Рилг, Силган, оставайтесь сторожить. В случае опасности — трубите. Когда придет Беллан, скажите ему, чтобы поторапливался. Остальные в долину, за мной!

Отряд побежал вниз по склону. Трубы смолкли, каменные глыбы перестали падать в долину, только мелкие камешки продолжали катиться по глинистым кручам. Облако пыли, поднятое обвалом, начало оседать, и вскоре воины увидели поселок — восточный дом был разрушен, повсюду валялись обломки камней. Ни одной живой души не было вокруг.

Пробегая через нидхагир, Гил услышал, как Ки-Энду за его спиной вдруг вскрикнул, словно увидел что-то ужасное. Гил обернулся. Ки-Энду стоял перед каменной глыбой, лежащей посреди поселка. В лице его было отчаяние. Из-под камня торчала крохотная детская ручонка.

— Не смотри! — вскричал Ки-Энду. — Я не хотел этого! Не хотел!

Он закрыл лицо руками. Гил подошел ближе и положил ему руку на плечо.

— Пойдем, Ки. — Голос Гила дрожал, слезы душили его. — Надо догонять наших. Без тебя они не будут знать, что делать. Еще кто-нибудь может погибнуть. Пойдем.

— Будь все проклято, Гил, я не могу!.. Беги, командуй ты… Скажи, что меня убили!..

Убежавшие вперед воины заметили отсутствие Ки-Энду и Гила, остановились и стали их звать.

— Пойдем, Ки. Они могут вернуться. Им нельзя этого видеть. Ты не виноват, я знаю, ты не хотел никого убивать. Пойдем. Ки-Энду посмотрел Гилу в глаза.

— Нет, я виноват. И хорошо, если только этот ребенок будет на моей совести. Я посчитал себя умнее дэвов, а я всего лишь человек. Ладно, пошли, и будем надеяться, что самого страшного не случится.

Они побежали вперед и вскоре догнали отряд.

— Все в порядке! Идем дальше.

Воины шли на юг. Темный провал ущелья приближался. Возле входа было заметно оживление — последние нидхаги

торопились войти внутрь. Ки-Энду и Гил шли позади всех.

— А что может случиться, Ки? Что ты имел в виду?

— Я долго не хотел говорить… Но теперь уже все равно. Ты видел много крови, ты своими руками убил нидхага. Тебе не будет хуже, если ты узнаешь. Самое страшное, это когда по-настоящему произойдет то, что мы сегодня разыграли, чтобы напугать врагов. Когда зазвучит труба Хейм-Риэла и раздастся вот этот самый сигнал, и Гарм вырвется на свободу — тогда и случится самое страшное. Ха рек.

— Опять этот Гарм! Кто же он такой?

— Гарм — великий подземный огонь. Он словно пес на цепи

— лает и рвется на волю. Придет день, и цепь не выдержит.

— Так это что, огромная собака?

— Нет. Пес на цепи — это иносказание, чтобы было понятнее. Подземный огонь — величайшая сила в мире. Когда он шевелится, земля дрожит. Нидхаги называют это «рек», а по-нашему — землетрясение. Если Гарм вырвется, будет великий рек — горы обрушатся, земля расколется, мир погибнет.

— Значит, нидхаги подумали, что началось это самое великое землетрясение?

— Да, на это я и рассчитывал.

— А сигнал, который мы трубили, что это — условный знак?

— Этот сигнал подаст дэв по имени Хейм-Риэл. Он подаст его, когда вырвется Гарм или когда станет ясно, что он скоро вырвется. По нему все люди должны бежать в Рагнаим или Асгард. Кто успеет — спасется, хотя я и не знаю, как можно спастись, если весь мир погибнет.

— А Гарм обязательно должен вырваться? Кто посадил его на цепь? И почему нам не рассказывали об этом сигнале? Попробуй догадайся, что по нему нужно бежать в Асгард!

— Подожди, Гил, потом поговорим. Мы уже пришли. Отряд стоял перед входом в ущелье. Две высокие скалы, смыкаясь наверху, образовывали подобие арки. За ней был мрак — лунный свет не проникал в узкое ущелье.

— Будем ждать Беллана или сразу пойдем? — спросил кто-то из воинов.

— Подождем. Все равно без факелов мы там ничего не увидим, — сказал Ки-Энду.

— Тихо! Слушайте! Что это?

Из ущелья доносился какой-то шум — он нарастал, приближался, и вот из темной арки один за другим стали выскакивать разъяренные нидхаги с палками и камнями в руках.

— Рса дейр! — крикнул один из них, указывая на людей.

— Тэт фра омр! Смерть им!

— Остановитесь! — сказал Ки-Энду. — Мы не хотим вам зла, но и себя не дадим в обиду. У вас палки и камни — у нас стрелы и мечи. Остановитесь!

Но нидхаги продолжали надвигаться. С грозным рычанием, плечом к плечу, шли они на людей; воины Ки-Энду теперь видели, что врагов совсем немного не больше десятка.

— Я не смогу убивать безоружных, — шепнул Гил.

— Я тоже, — сказал Ки-Энду.

Один из нидхагов, самый высокий, взревел, словно раненый зверь, и поднял дубинку. Нидхаги бросились на людей.

На закате Син-Оглан привел свой отряд к южному входу в ущелье. Туда же подогнали множество пустых телег. Солнце зашло, стало быстро темнеть. Прошел час, люди устали вслушиваться в тишину. Бхарг и Эалин сидели рядом на траве и негромко беседовали.

— Главное — поменьше ругаться и смягчать согласные, — говорила Эалин. — И еще, когда хочешь образовать множественное число, не рычи, а добавляй к слову «ин» или просто «н», в зависимости…

— Нытхакр раньше были люди, — сказал Бхарг, погруженный в свои мысли, потом тунр приходит, брат люди, делает злыр нытхакр.

— Ты меня не слушаешь! Кто такие туны? Почему ты опять рычишь?

— Яхр стараюсь! Туны — это черный великанр. Страшный, злый, лицо-то как у мертвый нытхак, пальцы длинный, белый, как кость, глаза красный, как уголь в них Гарм горит. Главный тун, его зват — Шемай-Лох.

Эалин изумленно посмотрела на Бхарга. Она уже открыла рот, чтобы что-то спросить, но в этот момент из-за гор донесся звук горнов, а затем глухой рокот, похожий на далекие раскаты грома.

— Всем приготовиться! — крикнул Син-Оглан. — Скоро они будут здесь.

Бхарг вскочил и подбежал к Син-Оглану.

— Яхр ходыт навстречу. Пора. Дейр сразу не остановятся. Яхр все им сказат, как надо.

— Ну, иди. Удачи тебе. Будь осторожнее!

Бхарг скрылся в ущелье. Далеко на севере трубы играли сигнал Хейм-Риэла, камни с грохотом неслись в долину. Потом все стихло.

Медленно тянулись минуты. Мирегал тихонько подошла к Эалин, села рядом и прижалась к ней.

— Мне страшно, Эа… Я так боюсь за Гила. Ему приснилось

сегодня, что он тонет в крови. Что-то ужасное должно случиться, я чувствую!

— Уже случилось — мы начали войну! Теперь надо быть мужественными. Ты же всегда была такая смелая, Мирегал!

— Бхарг рассказывал тебе про каких-то страшных черных великанов…

— Как не стыдно подслушивать!

— А я вовсе и не подслушивала, просто сидела рядом, вот за этим кустом. Что это за великаны?

— Я и сама не знаю. Мы учили историю, но про великанов нам не рассказывали — только про дэвов, про войну, про людские царства, немножко про нидхагов… Но Бхарг сказал, как зовут главного из этих тунов, и, мне кажется, я начинаю понимать, кто они такие… Но это слишком невероятно… Я должна еще подумать.

— Почему все люди после учения становятся такими нудными и говорят загадками? Хотя бы думай вслух, чтоб мне не было так скучно.

— Вслух я не умею, прости, пожалуйста, — Эалин замолчала.

Мирегал уже была готова совсем рассердиться, когда из ущелья вышел Бхарг — с подбитым глазом, в разодранном плаще, но явно довольный.

— Дейр сдаются. Ил выходыт по одному. Мало не верит, обратно в долину бежат. Глупый — Ки-Энду ил их убиват.

Никто из отряда Ки-Энду не решился стрелять в безоружных или рубить их мечами. Отразив первые удары, они схватились с нидхагами врукопашную. Началась свалка. У Гила отчаянно болело прокушенное плечо, правая рука почти не действовала. Громадный нидхаг повалил его и стал тянуться скрюченными пальцами к горлу. Несколько воинов уже лежали на земле, оглушенные ударами мощных кулаков. Один из нидхагов завладел мечом и бросился на Ган-а-Ру. Завязался жаркий поединок. Ру отступал, щит его раскололся; вот он прислонился спиной к скале, нидхаг занес меч…

Топот множества бегущих ног раздался с севера.

— Держитесь! Мы здесь! — Беллан и его люди спешили на помощь отряду. В воздухе пропели стрелы. Нидхаг выронил меч, упал лицом вперед, пытаясь уцепиться за плащ Ган-а-Ру, но руки разжались, и он сполз на землю. Тот, что душил Гила, взревел, ослабил хватку и тоже упал. Из оскаленной пасти потекла струйка крови. Остальных схватили и связали.

Ки-Энду, прислонившись к камню, сел. Оглядев свое войско и увидев, что все живы, он устало закрыл глаза и произнес:

— Еще двое погибших… Теперь, наверное, все… Пока они не

вернутся.

Из другого конца ущелья выходили нидхаги. Они глухо ворчали и хмурились, но покорно давали связать себе руки и садились в телеги.

Когда длинная вереница повозок выехала из Крайнего Пригорка, уже начинало светать. Процессия представляла собой зрелище доселе невиданное, поглазеть на него сбежались все, кто еще оставался в долине. В каждой повозке сидело по десятку косматых угрюмых нидхагов. Временами они выкрикивали угрозы и проклятия, но вяло и без настроения.

Между повозками и по обе стороны от них двигался победоносный Ио-Син-а-Хут: добродушные деревенские парни в полном вооружении, веселые, гордые победой. Здесь были только люди из отрядов Энара и Син-Оглана, не видевшие крови и потому беззаботные и радостные.

Совсем не так выглядели те, кто вышел на рассвете из ущелья вслед за нидхагами. Воины Беллана и Ки-Энду еле держались на ногах от усталости, побоев и ран, их одежда была забрызгана кровью и грязью. Они несли трех мертвых нидхагов — двух мужчин и ребенка, и гнали перед собой двенадцать пленных.

По требованию женщин — а кроме них никого не осталось в Крайнем Пригорке — Гил и еще шестеро раненых (в том числе два нидхага) были немедленно вверены заботам Эалин и вместе с ней отправлены на повозке в Белые Камни. Остальных разместили в Крайнем Пригорке и тотчас же уложили спать.

Глава 8
ПУТИ РАСХОДЯТСЯ

Гил проснулся только поздно вечером. Рана на плече, промытая и перевязанная его заботливой сестрой, почти не болела, но голова раскалывалась и перед глазами бежали круги. Во сне его мучили кошмары, он чувствовал себя совершенно разбитым. Спустившись в гостиную, он увидел Эалин. Она спала в кресле, бледная и усталая. При звуках шагов она открыла глаза.

— Что случилось?

— Ничего. Я проснулся. Почему ты не ложишься в постель?

— Я не собиралась спать. Просто присела на минутку. Как твоя рука? — В порядке. А как остальные?

— У Гилдора перелом. Больше ничего серьезного. У тебя не болит голова?

— Болит… — Гил присел рядом. — Кошмары снились. Иди ложись, Эа, ты же устала… Посмотри, какие у тебя синяки под глазами.

— Ерунда. Лучше расскажи мне о своем самочувствии. Какие тебе снились кошмары?

— Я почти ничего не помню… Какие-то собаки за мной гнались.

Гил помолчал, вздохнул, потом доверительно посмотрел на сестру.

— Эа, ты такая умная. Объясни, почему у меня так тоскливо на душе? Вроде мы победили, а радости нет. Все как-то неправильно получается. Хочешь добра, а погибают дети. Я очень много думал в последнее время. Почему человек такое странное существо? Как будто нас кто-то склеил из двух разных половинок, совершенно не подходящих друг другу. Одна часть — душа — все время хочет чего-то светлого, прекрасного, рвется в небо… А другая половинка — ум и тело — не только не может эти желания исполнить, но даже и понять их не в состоянии. Все у нас валится из рук, все получается совсем не так, как мы хотим. Ты понимаешь, о чем я говорю? Эалин кивнула. Она удивленно смотрела на брата.

— Ты сам до этого додумался? «Сущность человека» — специальный предмет в асор-гирских школах, его два года учат. А ты уловил главное без всякой учебы. Верно… Все в природе гармонично. У животных — маленькая, неразвитая душа, и ум и тело под стать ей. У дэвов тоже все соразмерно — великие души, великий разум, огромная сила. И только человек не такой, как

все. Ума у нас немногим больше, чем у животных, а души, почти как у дэвов, велики. Наши далекие предки такими не были. Они были просты и бесхитростны, как звери, не писали стихов и картин, не рвались к звездам, зато умели упорно трудиться и знали, как выжить в суровой борьбе. Но пришли дэвы и вложили в нас свой беспокойный дух. Они нарушили равновесие, поместив великое сокровище в простенький деревянный ящик. И мы стали такими, какие мы есть, — хрупкими, непрочными, потому что все наши внутренние связи напряглись, надорвались, ослабли. И теперь, — Эалин говорила с нарастающим возбуждением, под конец она уже почти кричала, — теперь дэвы вынуждены скрывать от нас правду, чтобы их любимые, но такие слабые и нежные домашние животные ж свихнулись, узнав, что весь их мир висит на волоске!..

Гил невольно отшатнулся. Эалин продолжала уже более спокойным голосом:

— Этой ночью я говорила с Бхаргом и очень многое узнала о нашем мире. Я не могу больше носить это в себе, я должна с кем-то поделиться, и мне наплевать, что думают дэвы по этому поводу. Ки-Энду рассказывал нам о войне, верно? Так вот. Война не окончена. Шемай-Лох жив, и живы остальные восемьдесят дэвов, исчезнувших тогда вместе с ним. Только они уже не дэвы. Бхарг называет их тунр, туны — черные великаны с огненными глазами и белыми костяными пальцами. Понятно, почему они стали такими, — ведь у дэвов не может быть несоответствия между телом и душой, у них это единое целое. Туны создали нидхагов, вселив зло в сердца людей. И теперь нидхаги теснят нас все дальше на восток. Помнишь, Элиар спросил Мидмира: «Исчезнет ли зло после нашей победы?», и Мидмир ответил: «Нет, оно только окрепнет». Так и случилось. Зло оказалось сильнее дэвов. Ничто не спасет нас. Нидхаги уничтожат людей, и вся земля станет царством Шемай-Лоха.

Гил чувствовал, что у него мутится рассудок. Головная боль усилилась и стала почти невыносимой.

— Что же это… — пробормотал он. — Ки-Энду сказал, что мир погибнет, потому что цепь не выдержит, и Гарм вырвется на свободу… Теперь еще Шемай-Лох… Неужели нам нет спасения?

— Мы не можем ничего сделать, — сказала Эалин. — Ты же сам говорил человек беспомощен, он даже сам себя не в состоянии понять.

— Нет, я не верю! Мы же выгнали нидхагов, значит, со злом можно бороться! Я поеду в Асгард… Дэвы спасут нас! Мир не должен погибнуть! — Думаешь, дэвы ничего не знают? Раз они не сопротивляются, значит, они бессильны. Поверь, если Шемай-Лох

одержит победу, горе дэвов будет гораздо больше, чем горе людей. Погибнет их прекрасная мечта, их последняя надежда. — Ведь они верили, что человек когда-нибудь обретет достаточно мудрости, чтобы познать самого себя, и тогда люди сами станут как дэвы. Так бы и случилось, если бы наш мир был вечен.

Эалин замолчала, устремив взгляд куда-то вдаль. Гил чувствовал, как слезы наворачиваются у него на глаза, в горле стоял комок, кулаки невольно сжались. Вдруг дверь открылась, и в комнату вошли Ки-Энду и Мирегал.

— Гил, что с тобой? Почему ты плачешь?

— Мирегал — Я не заметил, как вы вошли… Эалин сказала, что мы все погибнем, Шемай-Лох…

— Эалин! — гневно вскричал Ки-Энду. — Что ты тут наговорила? Ты не имела права…

— Замолчи! Мне надоела эта дурацкая игра! Теперь уже все равно! Пусть они знают — и про Гарма, и про тунов!

— Откуда тебе известно, кто такие туны? Разве ты была в Высокой школе?

— Нет. Мне сказал Бхарг.

Ки-Энду долго и пристально смотрел на Эалин.

— Так… Значит, это произошло. Утечка информации, как говорил мой учитель Асмол. Что ж, может, это и к лучшему. Ну и что вы теперь намерены делать?

— Я поеду в Асгард, — сказал Гил глухим голосом, словно в бреду, — и узнаю у дэвов все как есть. Я не верю… мы не погибнем! Дэвы знают секрет вечной жизни — Я… добуду его…

Глаза Гила остекленели, голова бессильно упала на грудь.

— Что же вы стоите! — вскричала Мирегал. — Видите, ему плохо! Сделайте что-нибудь!! Ки-Энду подошел к Гилу и, достав пузырек, влил ему в рот несколько капель.

— Так я и думал… — с отчаянием проговорил он. — Началось. Хорошо, что я догадался заехать к себе за лекарствами. Сейчас они все начнут сходить с ума.

Гил медленно поднял голову.

— Бессмертие… — прошептал он.

— Успокойся, Гил, — сказала Мирегал. — Я с тобой. Все будет хорошо.

В дверь негромко постучали — вошел Бхарг.

— Омр… Все здесь! Хорошо. Я с переправы. Мои мне сказали: предатель! Иди к своим людям. А я и сам так решил.

— Молодец, Бхарг. Спасибо, что доверяешь нам. А куда они пошли, твои сородичи? В Ахел?

— Нах, нет! Там гуллы! Пошли на север вдоль берег. Говорят: мы вернемся! Будет большой война! — Это правда: они могут

вернуться, — сказал Ки-Энду. Кого-то надо срочно отправить в Элор — сказать королю, чтобы собирал армию для охраны границ. Я думал сам поехать, но теперь не получится — не могу бросить Ио-Син-а-Хут.

— Здесь не будет война. На западный берег нидхаги не живут, всех гуллы жрат. Война будет на север — наши пойдут в великий лес, оттуда — в Эл-а-Ден, а Эллигат. Надо туда идти, предупредить. Ио-Син-а-Хут — идти в Эллигат, помогат. Армия короля — тоже.

— В Эллигат? Ты уверен? Хорошо. Завтра соберем совет, все решим. Эалин, позаботься о Гиле и не рассказывай ему больше ничего, прошу тебя. Пусть завтра приходит с утра в Желтый Ручей на совет. Вот, это тебе, — Ки-Энду выложил на стол несколько пузырьков и крошечных глиняных кувшинчиков. Разберешься, что к чему?

— Да, конечно. Спасибо.

— Мирегал останется тебе помогать. Ну, до встречи. Бхарг, съездишь со мной в горы? Нужно отвезти туда одну вещь.

Приехав с Бхаргом в Желтый Ручей, они сняли с крыши кузницы большой ящик из черного материала, похожего на непрозрачное стекло, и погрузили его на телегу. На одной из боковых граней ящика было несколько небольших отверстий.

— Надо затащить эту штуку на вершину горы, — сказал Ки-Энду.

— А что это такое?

— Ки-Энду мрачно усмехнулся.

— Труба Хейм-Риэла. Настоящая. Одна из семи. До вашего прихода она стояла в горах, нужно вернуть ее на место.

На следующий день в Желтый Ручей съехался почти весь Ио-Син-а-Хут. В доме не нашлось места всем, поэтому расположились на лужайке возле кузницы, Среди собравшихся выделялась фигура Бхарга: после долгих уговоров он позволил Мирегал подстричь себя и причесать. На груди у него блестела медная пластинка, сделанная Ки-Энду специально по его просьбе, чтобы никто не принимал его за простого нидхага. На пластинке была выгравирована надпись: «Ио-Син-а-Хут».

Гил тоже пришел на совет. После принятых снадобий он воспрянул духом и сейчас выглядел отдохнувшим и бодрым. Только глаза смотрели тверже и решительнее. Мирегал сидела рядом с ним притихшая и грустная — она только сегодня утром узнала от Эалин о тунах и Гарме, и еще не успела прийти в себя.

Увидев, что все в сборе, Ки-Энду взял слово.

— Насколько я понимаю, всем уже известно, почему нидхаги так испугались труб и обвала, — Ки-Энду с усмешкой посмотрел

на Бхарга. Тот стал смущенно оправдываться:

— Я удивлялся: почему люди ничего не знат? Как слепой котенок. Зачем ваши туны — шрак! — дэвы делат из всего тайна? Меня спрашиват: почему так боитесь труб? Я и сказал: харек, говорю, Хейм-Риэл, Гарм элуз — на свободе, то есть. Я думаю, правильно сказал. Нельзя воевать и ничего не знат.

— Ясно. Что ж, спасибо, ты взял на себя самое неприятное. Я и сам собирался все объяснить. Я рад, что почти никто из вас не пал духом, узнав о Гарме.

— Да уж! Все бодры, веселы и беззаботны, как никогда, — заметил Ган-а-Ру, оглядывая мрачные, осунувшиеся лица собравшихся.

— Не все еще знают, как завершилась переправа, — продолжал Ки-Энду. Пусть кто-нибудь, кто там был, расскажет, только покороче, у нас мало времени.

— Все прошло гладко, — начал Энар, — правда, нидхаги были недовольны, что мы отправляем их в Ахел — в лапы к гу…

— Но они не пытались сопротивляться? — спросил Ки-Энду.

— Нет. Мы предложили им подождать, пока будут доставлены их лошади и имущество, но они отказались. Как только всех переправили, они тут же двинулись на север, прямо по берегу, не отходя от реки даже на сотню шагов. Они шли очень быстро. И женщины с грудными детьми на руках, и маленькие ребятишки — никто не отставал. Пятеро наших пошли за ними следом, чтобы узнать, где они свернут. Пока никто не вернулся.

— В лес они идут, — уверенно заявил Бхарг, — в Хумба-Гир.

— Спасибо, Энар, — сказал Ки-Энду. — Теперь надо решить, что делать дальше. Нидхаги могут вернуться. Мы должны встать на охрану границ. Кого-то нужно немедленно послать в Элор — сообщить о случившемся королю и просить его прислать людей нам на помощь. Еще кто-то должен поехать в Эллигат. Бхарг сказал, что эта крепость, скорее всего, первой подвергнется нападению нидхагов, если они решат мстить — ведь она стоит как раз между нами и Великим лесом.

— В Эллигат поеду я, — встал Гил.

— Ты ранен, тебе лучше остаться здесь, — возразил Ки-Энду.

— Нет. Я твердо решил ехать. Из Эллигата я отправлюсь в Асгард и буду говорить с дэвами. Я не хочу, чтобы наш мир погиб. Дэвам должен быть известен секрет вечной жизни — ведь сами они бессмертны. Я выведаю у них эту тайну. Я добуду миру бессмертие.

— Ты говоришь глупости, Гил, прости меня. Дэвы не знают никакого секрета, и они смертны — просто живут очень долго, несколько тысяч лет. Но поехать в Асгард действительно нужно.

Во-первых, сообщить об изгнании нидхагов и спросить совета. Во-вторых, рассказать, что мы видели в Тетагире. И, наконец, нужно узнать у них то, о чем все мы, наверное, много раз задумывались и не находили ответа: почему дэвы не защищают нас? Но и это еще не самое главное — возможно, они просто не в состоянии этого сделать. Меня больше удивляет, почему при полной нашей беззащитности нидхаги до сих пор не стерли нас с лица земли? Очевидно, существует какая-то неведомая нам сила, которая их одерживает? Это и нужно узнать в первую очередь — что это за сила и можно ли ее использовать в нашей борьбе.

— Вот-вот, — сказал Гил, — это я и имел в виду. Я уверен, что такая сила существует. И если мы сумеем направить ее против нидхагов и тунов, зло будет уничтожено, мир обретет бессмертие, и тогда сбудется великая мечта дэвов За этим я и еду в Асгард!

— Что ж, хорошо. Теперь мы поняли друг друга, — сказал Ки-Энду. Осталось решить, кто поедет к королю.

Через два часа после окончания совета Беллан и Хайр выехали на дорогу и двинулись на восток, в сторону Элора. Они гнали перед собой около сотни отборных овец — обычная ежегодная подать, отправляемая жителями западных долин Эн-Гел-а-Сина в столицу. Стадо было бы гораздо больше, если бы так много людей не уехало из этих мест в последние дни. Король расплачивался за овец золотом, часть их шла на нужды города, большинство же перевозилось по Энсингелу в Асор-Гир и Асгард.

Гил отправился в Белые Камни, и Мирегал поехала с ним.

— Возьми меня с собой, — попросила она, когда они после ужина остались наедине в гостиной. — Я не хочу оставаться здесь. Я чувствую, что мы больше никогда не встретимся, если ты уедешь без меня.

— Нет, Ми. Путь неблизкий, тебе будет трудно. Я обязательно вернусь…

— Ты не вернешься! Я знаю! Ну, пожалуйста, пожалуйста, не бросай меня, не оставляй меня здесь одну!

— Что ты… не плачь, глупенькая! Ну хорошо, поедем вместе.

Мирегал немного успокоилась.

— Ты так изменилась за эти дни, — сказал Гил.

— Ты тоже, — всхлипнула Мирегал.

— Ты раньше никогда не плакала. Наверное, это из-за того, что ты узнала про все эти злые силы?

— Не знаю… Наверное… Но это не главное. Просто я сердцем чувствую беду и боюсь тебя отпускать. Я… я люблю тебя!..

И на следующее утро Гил и Мирегал — он на серой лошади, она на белой отправились в путь. Когда они проезжали через

Желтый Ручей, Ки-Энду вышел попрощаться с ними.

— Вот и расходятся наши пути, — сказал он. — Кто знает, встретимся ли мы снова? Прощай, Гил, прощай, сестренка. Да сопутствует вам удача.

— Что ты, Ки? До Асгарда всего пять дней езды! Луна едва начнет убывать, когда мы вернемся.

— На войне время течет по-другому. За десять дней многое может случиться. Но хватит об этом… — Ки-Энду неожиданно улыбнулся. — К сожалению, мне придется нарушить вашу идиллию. С вами поедут Бхарг и Энар. Что поделаешь, Мирегал, свадебное путешествие придется отложить!

— А откуда ты знаешь, что мы… — смущенно пробормотал Гил.

— Я слишком долго жил под одной крышей с этой юной особой, чтобы не понять, что означает этот восторженный блеск в ее глазах. Будьте же счастливы! А что касается Бхарга, то он обязательно должен поговорить с дэвами, ведь ему, может быть, известно многое, чего не знают ни они, ни мы. А без Энара вы просто не найдете дороги. Они ждут вас у Балга. Прощайте!

— Мы скоро вернемся! — Гил и Мирегал поскакали на юг, к трактиру, и вскоре скрылись в белесом тумане, поднимавшемся над серным ручьем.

Глава 9
ПОИСКИ БЕССМЕРТИЯ

Почему, Гильгамеш, ты исполнен тоскою?
Потому ль, что плоть богов и людей в твоем теле,
Потому ль, что отец и мать тебя создали смертным?..
Ярая смерть не щадит человека:
Разве навеки мы строим домы?
… сбираются Ануннаки, великие боги,
Мамет, создавшая судьбы, судьбу с ними вместе судит:
Они смерть и жизнь определили,
Не поведали смертного часа,
А поведали: жить живому!

«О все видавшем», эпос о Гильгамеше, X

Вскоре после полудня четверо всадников доехали до развилки и свернули на правую, эллигатскую дорогу. Бхарг в темно красном нидхагском плаще ехал впереди, глазея по сторонам и выпячивая грудь с блестящей медной пластиной. Вьючная лошадка шла в поводу: Балг дал путешественникам продуктов на дорогу и удобный непромокаемый шатер на случай ночлега в безлюдном месте. Гил, Энар и Мирегал ехали следом — мужчины в полном вооружении, как и Бхарг, задумчивые и серьезные, преисполненные чувства важности своей миссии; Мирегал, словно маленькое солнце, излучала во все стороны свет и счастье; сегодня она была по-настоящему красива…

Дорога, ровная и прямая, вымощенная базальтовыми плитами, пересекала долину с юга на север; вдоль нее тянулись цветущие луга, зеленые рощи, то там, то здесь виднелись остроконечные черепичные крыши — когда-то полная радости и жизни земля, ныне почти покинутая, поникшая пред лицом надвигающейся тьмы.

— Красивая страна, — сказал Бхарг, — приятно жить в такой. Счастливый народ. Вам есть за что бороться.

— И за что умереть, — сказал Энар.

— Теперь не умрете, — оскалился Бхарг, — господин Шем-ха-Гил привезет бессмертие из Асгарда. Ты не забыл большой мешок, куда ты его положишь, а, Гилли?

По мере продвижения на север местность становилась менее обжитой. Дорога подходила все ближе к Эллилу, он уже был виден — гладкая темная полоса, делящая землю на две такие разные части. Голая бурая пустошь западного берега казалась особенно унылой на фоне сочного разноцветья восточного, пышущего жизнью, полного цветов и птичьих голосов. Справа приближались пологие склоны Ио-Сина. Посреди равнины кое-где стояли отдельные скалы, как будто, не найдя счастья в своей тесной горной семье, они отправились искать его в другие, неведомые земли.

— Какие они красивые, эти скалы, — вздохнула Мирегал. — И ужасно одинокие. Они — как киты, выбросившиеся на берег. Всем чужие, и никто их не любит.

— Эти горы похожи на нас, — сказал Гил, — ведь мы тоже самых умных, сильных и смелых посылаем в далекие страны служить дэвам. Вот и мой старший брат, и старший брат моего отца живут в Асгарде, и мы никогда не видим их. Наверно, им так же одиноко, как этим скалам. Когда все кончится, я обязательно напишу об этом стихи.

Они подъехали к тому месту, где отрог Ио-Сина — длинная гряда холмов подходил к самой дороге и внезапно обрывался высокой изломанной скалой. На ней, ближе к вершине, стояла величественная фигура из белого мрамора, созданная в незапамятные времена мастерами Энхом и Хетом. Дэв в ниспадающем складками одеянии сбегал со скалы по каменным ступеням, держа в ладонях неровный серебряный шар — луну. Фигура была поставлена в память о том, что дэвы научили людей пользоваться фазами луны для счета времени. Солнце, дожди, ветры и землетрясения не смогли разрушить прекрасную скульптуру казалось, от времени она стала еще более совершенной…

Гил и его спутники остановились на привал. Бхарг развел огонь, остальные разгрузили вьючную лошадь и достали из мешков сыр, копченое мясо, хлеб и фляги с вином. Рассевшись вокруг костра, принялись поджаривать на палочках кусочки сыра.

— Смотри, — сказал Энар, обращаясь к Гилу, — эта скульптура… Она наводит на раздумья. В ней одна и та же мысль выражена дважды. Лунный календарь, познание времени, в каком-то смысле — власть над ним. Это раз. Второе — сама скульптура. Ей семь веков, а она как новая, и всегда будет такой. И она не мертва — смотри, сколько жизни в каждом изгибе, в

каждой складке, как легко она бежит, едва касаясь земли. Сердце радуется, когда на нее смотришь. Разве можно назвать ее мертвым камнем? Не здесь ли секрет бессмертия, который ты ищешь? Быть может, искусство и есть путь к вечной жизни?..

Гил не нашел, что ответить. Он смотрел на мраморную фигуру, которая действительно казалась живой и при этом была неподвластна времени.

— Нет, — возразила Мирегал, — никакое это не бессмертие!

Жизнь и красоту придает ей человек, глядя на нее и восхищаясь ею. Исчезнут люди — и она станет просто причудливым камнем. В ней нет души, только в наших сердцах она оживает.

— Очень сложно вы говорите, — сказал Бхарг. — Мне не понять. Я так скажу: не хотел бы я быть этот каменный дэв! Ни присесть, ни поесть, ни с женщиной… Нах, пусть я стану старый и умру, лучше буду такой как есть,

— Умница, Бхарг! — сказала Мирегал.

С едой было покончено, и путники двинулись дальше. Дорога теперь шла между горами и рекой, по узкой — не больше трех-четырех миль — полосе ровной земли. Хуторов здесь почти не было.

— Надо бы доехать до обжитых мест, — сказал Гил, — не хочется здесь ночевать. Очень уж тут пусто и голо.

— Похоже, придется, — сказал Энар. — Не успеем мы засветло добраться до Эл-а-Дена.

— Ой, а что это? — воскликнула Мирегал. — Смотрите, что-то беленькое лежит…

Подъехав поближе, путники разглядели на дороге множество костей, аккуратно сложенных: руки и ноги по краям, позвоночники и грудные клетки — в центре, сверху лежало пять черепов, и у каждого в темени была пробита большая дыра. Вокруг валялось оружие и разноцветные обрывки материи.

Бхарг спешился и, нагнувшись, поднял бледно-розовый череп с глубокими глазницами.

— Человеческий… — с болью произнес Энар. — У нидхагов не такой подбородок, скулы шире и брови выступают.

— Совсем свежий, — сказал Бхарг хриплым голосом, обнюхивая череп, только что обглоданный. Вот здесь даже мясо осталось. Бежать надо!

Он вскочил в седло, и все четверо поскакали вперед.

— Чьи это кости? — крикнула Мирегал, стуча пятками по лошадиным бокам.

— Наших разведчиков, — ответил Энар, не оборачиваясь, — тех пятерых, что пошли вслед за нидхагами…

— Гуллы сожрали их! Они где-то рядом! — крикнул Бхарг. Они скакали, холодея от ужаса, отчаянно подгоняя усталых лошадей. Долго длилась эта бешеная скачка; справа все так же тянулись горы, а слева темнел ленивый Эллил, и по-прежнему не было видно ни людей, ни домов. Солнце зашло, тьма начала наползать на землю. Наконец горы отступили от дороги на восток, а река повернула немного к западу.

— Теперь можно отдохнуть, — сказал Энар. — Здесь безопасно. Мы вступили в пределы княжества Эл-а-Ден.

— Гуллы могут не знать хорошо границы княжеств, — проворчал Бхарг, отвязывая тюк со свернутым шатром. Как только легкое сооружение из прочной ткани, натянутой на раму из тисовых жердей, было воздвигнуто, все легли на тонкие войлочные коврики и тут же заснули.

Только Бхаргу не спалось. Он ворочался, сопел, потом не выдержал, вышел из шатра. Расстелил свой коврик на земле, развел костер и улегся. Глаза его были открыты, он прислушивался — к ветру, треску костра и шелесту реки…

Незадолго до рассвета Гил, Энар и Мирегал были разбужены страшным криком Бхарга.

— Встават! Бежат! Рса гуллр!

Сонные, ничего не соображающие, они выбежали из шатра, чуть не повалив его, и стали растерянно оглядываться, Протирая глаза. Было совсем темно луна зашла, а солнце еще не встало, — рассвет только начинал алеть на северо-востоке. Бхарг седлал коней, притопывая от нетерпения и крича:

— Быстрей! Что смотрет? Гуллы, гуллы! Бежим!

Энар показал на Эллил. Там, посередине реки, что-то плескалось — какие-то существа плыли по черной глади; их тонкие руки с длинными ногтями, слабо фосфоресцирующими в темноте, делали широкие угловатые взмахи. Существа приближались.

— Они! — сказал Энар. — Собираем шатер, быстрее!

Когда гуллы выбрались на берег, четверо всадников и лошадь с поклажей уже скакали во весь опор в сторону Эллигата.

Оглянувшись, Гил увидел сзади на дороге белесые силуэты — длинные и прямые, как жерди, они мчались следом, вытянув жадные руки, делая громадные скачки на тонких костлявых ногах. «Догонят», — пронзила холодом отчаянная мысль…

На западном берегу Эллила белела большая груда костей. «Нидхаги, подумал Гил, — это мы отправили их на смерть!»

В спину подул ледяной ветер. Гилу почудилось, что он вновь ощущает запах тетагирских склепов. Кони мчались, как бешеные, подковы гремели на каменных плитах. Гил всем телом

чувствовал, как сзади надвигается смерть…

Но вот огненный край солнечного диска вынырнул из-за горизонта. Яркий свет залил Эл-а-Денскую долину. Страх понемногу начал отступать, сердце забилось чуть тише, и, оглянувшись, Гил увидел пустую дорогу.

— Э-э-эй! Они исчезли! — ошалело крикнул он своим спутникам. Нет погони!..

Все сбавили ход и перевели дух. Кругом лежали мирные цветущие поля. Кое-где виднелись хорошенькие домики с островерхими крышами — почти такие же, как у них на родине. Ранние пастухи уже гнали на пастбище свои стада.

Бхарг улыбнулся, выставив желтые клыки.

— Вот, господин Шем-ха-Гил, — сказал он, — еще один секрет бессмертия. Умер — тебя отдают Хумбе, Хумба делает из мертвый человек отличный гулл — и живи еще, сколько хочешь!

Никто не улыбнулся шутке нидхага. Мирегал вся сжалась,

Гил почувствовал, как у него снова холодеет сердце. Только Энар не понял, что Бхарг пошутил, и принялся объяснять:

— Ты не прав. Мы ведь ищем вечную жизнь, а гуллов нельзя назвать живыми. Гуллы, насколько я понимаю, какая-то третья форма существования. Мы с ними стоим по разные стороны смерти. Если живых сравнить с теплом, а мертвых — с холодом, то гуллы — леденящий мороз. Это секрет вечной антижизни, если вы понимаете, что я имею в виду.

Мирегал закусила губу, собрала все силы и сказала веселым голосом:

— Здесь ужасно красиво! Почти как у нас. Давайте остановимся вот у этой маленькой рощи и перекусим. Была бы с нами Эалин, она бы сейчас сказала: «Скачки на голодный желудок очень вредны для здоровья».

Мирегал так точно передала интонацию, с которой Эалин произносила свои нравоучения, что мужчины не удержались и захохотали.

После завтрака двинулись дальше.

— Мы все перед тобой в долгу, — обратился Энар к Бхаргу. — Ты спас нам жизнь. Если бы не ты, мы бы ни за что не заметили гуллов.

— Да, — усмехнулся нидхаг, — если бы гуллы вас сожрали, не видать бы вам тогда бессмертия! Ни одна Хумба не сделает, хороший гулл из обглоданная кость!

— Что это за Хумба такая? — спросила Мирегал.

— Хумбу не знаете? — удивился Бхарг. — Хумба стоит в Великий Лес. Поэтому мы его так и называем — Хумба Гир. Вокруг нее — семь деревьев. То деревья ужаса. Чужих не

подпускают. Хумба — шар. Мудрый, злой, делает нидхагов, делает гуллов, дает советы тунам. Вот кто такая Хумба.

— Как много ты знаешь, Бхарг! — восхищенно сказала Мирегал.

— Обязательно расскажи все это дэвам, когда приедем в Асгард, предупредил Энар.

Еще около трех часов скакали на северо-запад. Дорога шла по высокому берегу Эллила. Ахел остался позади, и теперь по обе стороны реки лежали одинаково яркие, полные жизни поля Эл-а-Дена. Путники встретили нескольких местных жителей, которые, приветливо здороваясь, опасливо поглядывали на Бхарга.

— Не бойтесь, я свой, — говорил нидхаг. — У меня в Эл-Гел-а-Сине теперь мир! Нидхаги и люди все заодно!

— Так, так, слава дэвам, — растерянно кивали местные, уступая всадникам дорогу.

Наконец впереди показались башни Эллигата. Крепость стояла на обоих берегах реки, грозная и неприступная, окруженная высокой стеной из черного камня с зубчатым верхом. По углам высились башни с бело-голубыми флагами и площадками для часовых. Над рекой стена прерывалась, проходя по наружному краю моста; под ним виднелись толстые стальные прутья — опускающаяся решетка, которая в случае опасности перегораживала реку и закрывала доступ вражеским кораблям. Дорога привела Гила и его спутников к широко распахнутым воротам, рядом с которыми в высокой траве под стеной мирно спал человек в стальном шлеме. Когда всадники были уже совсем близко, часовой проснулся и окликнул их.

— Эй, друзья! Куда это вы собрались в такую рань? У нас все кабаки еще закрыты. Э, да с вами нидхаг! Нидхагов пускать не велено. Он ваш друг, что ли? Ладно, проезжайте, — часовой зевнул и снова улегся в траву.

— Скажи, приятель, как нам найти вашего мелха? У нас к нему срочное дело.

— Поедете прямо, увидите дом с золоченым шпилем. Это, стало быть, и есть мелх-а-бет. Только бьюсь об заклад, что наш старик еще дрыхнет. У нас тут вчера такое было… ух! Свадьба, видите ли, мелховой дочки. В жизни мне не было так плохо! Ну, езжайте, что ли, не видите — человек спит… — Стражник перевернулся на другой бок и моментально захрапел.

— Защитничек! — хмыкнул Энар. — У самих гуллы по стране гуляют, а они тут пьянствуют. Пугнуть бы их хорошенько!

— Пугне-ем! — пообещал Бхарг.

Гил и его спутники въехали в крепость. Дорога, прямая, как стрела, пересекала крепость и выбегала в ворота в

противоположной стене. Проехав совсем немного между двумя рядами двух — и трехэтажных домов, разделенных узкими улочками, они увидели слева высокое белое здание с решетчатыми окнами и золотым флагштоком на куполе. Спешившись, с удивлением обнаружили, что двери заперты. На стук первое время никто не отзывался, затем изнутри послышалось шарканье, и сонный голос произнес:

— Кому там не спится по ночам? Господин Халгат изволит почивать, и будить его я не возьмусь. Я старый человек, и покой мне дороже всего. Придется вам подождать.

— Открывай, — рявкнул Бхарг, — пьяная морда! Хуже будет!

— А вы кто такие, что я должен вам подчиняться?

— Дэвы великие! — воскликнул Гил. — Ты откроешь или нет? У нас важное, срочное дело.

— Как, сами дэвы… — произнес удивленно голос из-за двери.

— Дэвы, дэвы! — не растерялась Мирегал. — Я вот, например, Фенлин. Слышал про такую? Открой дверь, увидишт, как я прекрасна!

Послышался торопливо удаляющийся топот. Минуты через две двери распахнулись, и растрепанный седой человек, кланяясь, жестом пригласил их войти.

— Так вы и есть дэвы? — недоуменно пробормотал он.

— Не похожи? — Бхарг лязгнул зубами перед носом ошарашенного старика, и все четверо быстро прошли к шелковой занавеси, закрывавшей вход в приемный зал.

Они оказались в просторном, ярко освещенном помещении со сводчатым потолком и высокими окнами. В дальнем конце был длинный стоя с не убранной после вчерашнего пира посудой. За столом, лицом к ним, сидел маленький лохматый человечек лет пятидесяти, сутулый, с помятым лицом и серебряным обручем на голове.

— Добро пожаловать, — с трудом произнес мелх. На втором слове он икнул и закашлялся, уткнувшись в рукав. Гил и его спутники сели на свободные стулья.

— Вы — мелх этой крепости? — спросил Энар. Человечек кивнул.

— Мы, конечно, не дэвы, но дело у нас действительно важное, — начал Гил. — Вы уж извините, что мы так бесцеремонно врываемся.

— У нас в Эн-Гел-а-Сине война началась, а вы тут пьянствуете, — вставил Бхарг.

— По вашим землям ходят толпы гуллов и нидхагов, мирным путникам проходу нет, а у вас стража спит, все ворота распахнуты, — сказал Энар. — И это Эллигат — неприступная

крепость, надежда и защита южных царств!

— Свадьба, конечно, дело серьезное, — сказала Мирегал мягко, пытаясь сгладить резкость речей своих спутников, — но нас действительно чуть не слопали гуллы, и это было уже в пределах вашего княжества.

Халгат понемногу пришел в себя, принял солидный вид и сказал:

— Извольте объяснить прежде, кто вы такие и с какой целью прибыли в Эллигат.

— Мы из Эн-Гел-а-Сина, — сказал Энар. — Нас послали сообщить вам важные новости. — И он принялся подробно описывать события последней дней, от образования Ио-Син-а-Хута до перевозки нидхагов на западный берег Эллила. Когда он закончил, слово взял Бхарг.

— Нидхаги пошли на север вдоль реки. Они хотят попасть в лес, чтобы сообщить обо всем тунам. Скоро может начаться большая война, Эллигат первым окажется под ударом.

— Гуллы напали на нидхагов, — сказал Гил, — и нескольких съели. Оставшиеся наверняка озлобились еще больше и во всем винят нас.

— Готовьтесь к войне! — Голос Энара был суров и решителен. — Собирайте армию и идите на границу леса. Наши воины при необходимости придут к вам на помощь.

Халгат окончательно проснулся. Какое-то время он молчал, обдумывая услышанное, потом заговорил:

— Дурные вести принесли вы, посланники мелха Ки-Энду. Великую глупость совершил ваш народ, напав на нидхагов. Дэвы не раз предупреждали нас: терпите, отступайте, никогда не нападайте первыми, не будите ярость, дремлющую в Великом Лесу. И мы терпели и отступали. Лес разрастался, с каждым годом подступая все ближе к Эллигату. Когда-то он начинался в ста милях от наших стен, теперь не осталось и тридцати. Сам Лес стал другим — не обычные деревья растут в нем, о нет, и не обычные звери бродят там среди корявых стволов. И мы не смеем срубить ни одного дерева, дабы не разгневать великую Хумбу. Мы отдаем Лесу свои земли, пядь за пядью, а в обмен получаем мир. И цена эта, поверьте, не слишком высока! Вы же совершили безрассудный поступок, и теперь вся ярость врага обрушится на нас! — Мелх вздохнул и продолжал с решительным видом:

— Что ж, раз это случилось, и сделанного не воротишь, мы сумеем постоять за себя и заслонить грудью наше изнеженное царство, и да спасут нас великие дэвы! Не смотрите, что сегодня все в городе пьяны: наши воины умелы и выносливы, наши стены неприступны, ворота крепки, и у нас много такого оружия,

которого убоится любая вражеская рать.

Мелх встал и поправил съехавший серебряный обруч.

— Впрочем, — сказал он с усмешкой, — может, мне и удастся предотвратить войну. Что ж, дорогие гости. Вы проделали тяжелый путь, и вам нужен отдых. Предлагаю вам провести этот день в моем доме и усладить свои души покоем.

Глава 10
ПОБЕГ

1. Человек-скорпион жене своей крикнул:
«Тот, кто подходит к нам, — плоть богов — его тело!»
Человеку-скорпиону жена отвечает:
«На две трети он бог, на одну — человек он!»

«О все видавшем», эпос о Гильгамеше, IX

2. И трое пришло
из этого рода
Асов благих и могучих к морю, бессильных увидели на берегу
Аска и Эмблу, судьбы не имевших.
Они не дышали, в них не было духа, румянца на лицах, тепла и голоса; дал Один дыханье, а Хенир — дух, а Лодур — тепло и лицам румянец.

Прорицание Вельвы, 17-18

Халгат дернул на шнурок, свисавший из отверстия в стене. Послышался мелодичный звон, и тотчас же из-за шелковой занавеси выбежал давнишний старик слуга.

— Завтрак гостям! — приказал мелх. Старик поспешно скрылся.

— Почему вы так с ним разговариваете? — возмутилась Мирегал. — Разве он не человек? Приказывают только собакам!..

— Вот как? Значит, в вашей стране каждый делает, что захочет? Очень жаль. Потому вы и натворили глупостей. У нас такой возможности нет. Мы обязаны постоянно быть готовыми к войне. Я стараюсь с детства приучать своих людей к подчинению.

В зал вошли четверо слуг, все в одинаковых бело-голубых одеждах. Они быстро убрали со стола вчерашнюю посуду. Другие

четверо принесли еду: множество серебряных блюд, чаш и кубков с разнообразными изысканными яствами и напитками. Путники, привыкшие к простой пище и полной личной свободе, были потрясены этим зрелищем, пожалуй, больше, чем ночным нападением гуллов. Впрочем, они с удовольствием позавтракали второй раз.

— Недурно у вас кормят, — отметил Гил, расправляясь с жареным фазаном. Это что, тоже по случаю военного положения?

Мелх промолчал.

— Теперь поспать не мешало бы, — сказал Энар.

— Разумеется, — улыбнулся Халгат. — Позвольте показать вам ваши спальни.

Мелх провел гостей на второй этаж. Мужчинам было предоставлено обширное помещение с тремя кроватями с окнами на дорогу. Мирегал расположилась в комнатке напротив, где из окна была видна река и почти все внутреннее пространство крепости — мощеные улочки, дома с плоскими крышами и портовые сооружения.

— Если вам что-нибудь понадобится, вызывайте слуг, — сказал Халгат. Шнурки звонков есть над каждой кроватью.

Пожелав гостям приятных сновидений, мелх спустился в зал, где долго разговаривал со старым слугой. Потом, нацарапав на дощечке несколько слов, отдал письмо старику, и тот вышел, бесшумно ступая по каменному полу. Вскоре из-под темной арки выскользнул легкий двадцативесельный корабль. Он помчался вверх по течению, туда, где в тридцати милях от города безмолвно стояла хмурая стена Великого Леса…

Перед сном Мирегал заглянула в комнату к мужчинам. Те уже лежали под одеялами.

— Ну и как вам понравился этот мелх? — спросила она.

По-моему, он отвратительный.

— Ну почему… — пробормотал Гил. — Он умный человек. Гостеприимный. Хотя, конечно, это рабство — и обжорство…

— Как он гоняет этого несчастного старика!

— Бросьте, — сказал Бхарг. — Он прав. Он знает, что может начаться война. Серьезный человек, не то что вы.

Мирегал долго не могла уснуть, потом словно провалилась в какую-то яму. Проснувшись, она увидела, что на дворе уже сумерки.

— Бр-р! Весь день проспала, дура, — сказала она сама себе.

— И еще буду! Вот только бы попить чего-нибудь…

Она взглянула на шелковый шнурок, висящий над кроватью. «Нет, неудобно их беспокоить. Схожу сама». Мирегал вылезла из-под одеяла, оделась и стала тихонько спускаться по дубовой

лестнице, ведущей в переднюю.

Из-за занавеси раздавался голос Халгата. Мирегал прислушалась.

— Ашт дала добро, — говорил мелх невидимому собеседнику. — Потребуется десять человек. Напоминаю: два воина, нидхаг и девчонка. Они пока спят, но скоро могут проснуться. Лучше обойтись без боя, так как их нужно взять живьем. Людям скажешь — это вражеские лазутчики. Если сделаешь все, как надо, я сумею тебя отблагодарить. Если нет — отправлю в Лес вместо них. А теперь действуй.

— Слушаюсь!

Мирегал опрометью бросилась наверх, в комнату, где спали мужчины.

— Вставайте! Бежим! Мелх хочет нас схватить. Одевайтесь скорей, я отвернусь.

Гил, Бхарг и Энар поспешно встали, взяли оружие и, не вполне еще понимая, что происходит, выбежали вон из комнаты вслед за Мирегал. Внизу, в передней, никого не было, но когда Гил, приоткрыв дверь, выглянул на улицу, он увидел быстро приближающийся вооруженный отряд.

— Поздно! Они уже идут!

— Бежим через окно! — крикнул Бхарг.

Все четверо устремились в приемный зал. Решетчатые окна не открывались. Бхарг со всей силы ударил щитом по стеклу. Зазвенели осколки, резные дубовые планки посыпались на пол. Путь был свободен. Они спрыгнули на мостовую, последним вылез нидхаг, злобно рыча и вытирая о плащ окровавленную руку. Изнутри слышались команды Халгата:

— Обыскать все комнаты! Окружить дом! Ворота запереть!

— К реке! — сказал Энар. — Они закрывают ворота. Попробуем пройти под мостом.

Они побежали вниз по переулку. Впереди, совсем близко, виднелась река. Внезапно Мирегал остановилась:

— Стойте! А наши кони? Куда они их отвели? Я никуда не пойду без моей лошадки!

Из прохода выскочил стражник; он набросился на Мирегал и с криком «Сюда! Я нашел их!» стал заламывать ей руки. Она взвизгнула, извернулась и попыталась его укусить. Он подставил ей подножку, и они упали. Мирегал больно ударилась лицом о камни мостовой. Стражник схватил ее за волосы и стал бить носом о землю… Внезапно его руки разжались, он издал хриплый стон, и Мирегал почувствовала, как ее бережно поднимают и ставят на ноги.

— Подонок! Бить женщину! — Гил на секунду прижал ее к

себе, потом, спрятав в ножны окровавленный меч, взял за руку, и они побежали к реке, догоняя Энара и Бхарга.

У причала стояло несколько больших кораблей и множество лодок. Они выбрали одну — легкую, на четыре весла; Бхарг перерубил канат, и они выплыли на середину реки. Пока мужчины гребли, Мирегал, перегнувшись через борт, смывала кровь с лица.

— Гилли, — спросила она, — ты любишь девушек с разбитыми носами?

Лодка заплыла под мост, мрак окружил ее. В этот момент раздался металлический лязг — ворота Эллигата захлопнулись. По мостовым загремели кованые сапоги, стражники с факелами помчались по узким проходам. Но лодка уже вынырнула из-под крепостной стены, и беглецы выбрались на берег.

— Смотрите, там хутор, — сказал Гил, указывая на север, где в миле от них был виден домик на холме. — Зайдемте. Нам надо купить лошадей.

Они пошли по влажной траве, спотыкаясь и не разбирая дорога.

— Бедная моя беленькая лошадка! — причитала Мирегал. — Как же она без меня? Разве эти злодеи будут о ней заботиться так, как я?

В доме еще спали, в окне горел свет, и дверь была открыта.

Гил тихонько постучал, и они вошли. У горящего камина сидели двое пожилых людей. Обернувшись, женщина охнула и схватилась за сердце, старик побледнел и молча уставился на вошедших. Они и впрямь выглядели жутковато — два угрюмых воина с мечами, щитами и луками, оскалившийся нидхаг с длинным копьем в окровавленной руке и растрепанная девица с подбитым глазом, постоянно вытирающая рукавом бегущую из носа кровь.

— Добрый вечер, — приветливо сказал Гил. — Извините за беспокойство. Не бойтесь, мы не причиним вам зла. Мы едем в Асгард, и нас всю дорогу преследуют неудачи… Вы не могли бы продать нам четырех лошадей? У нас впереди долгий путь…

— Разумеется, дорогие гости, — вымолвил старик, несколько успокоенный вежливой речью незнакомцев, — присаживайтесь.

— Милая девушка, — сказала старуха, — куда же ты поедешь с таким носом? Позволь, я помогу тебе.

— А, пустяки, — смутилась Мирегал, — заживет! Мы очень спешим.

— Что ж, — сказал старик, — мы с удовольствием уступим вам нескольких коней… Вы из Элигата? Если не секрет, что вынудило вас отправиться в путь в столь поздний час?

— Дело, сударь, — уклончиво ответил Энар. — Нам необходимо завтра быть в Асор-Гире.

— Что-то случилось в крепости? Вас послал мелх? Неужели началась война?

— Не беспокойтесь, войны пока нет, — Гил выложил на стол горсть золотых. — К сожалению, у нас нет времени. Если вас не затруднит, не могли бы вы прямо сейчас пройти с нами в конюшню?

Старик вывел им четырех коней — это были спокойные, рабочие животные, не первой молодости, но на вид еще вполне крепкие. Поблагодарив хозяина, Гил и его спутники поскакали на северо-восток и вскоре выехали на дорогу.

— Отсюда до Асор-Гира около восьмидесяти миль, — сказал Энар. — Мы будем там завтра в середине дня, если поторопимся.

Они ехали всю ночь и остановились на привал на рассвете, оставив позади земли мелха Халгата и вступив в пределы королевства Ас-а-Ден.

В этот месте Лес подступал совсем близко к дороге. Он был серый, безжизненный, голые ветви сплетались в сплошную стену.

— Почему на деревьях нет листьев? — спросила Мирегал. — Даже смотреть холодно. Кажется, будто вернулась зима.

— Кто его знает? — сказал Энар. — Может, это и не деревья вовсе.

— Мелх говорил, что Лес все время наступает, — вспомнил Гил.

— Это правда. Когда-то он был гораздо меньше.

— Интересно, что они будут делать, когда он дойдет до дороги? Строить новую, в обход? А потом еще одну?

— Когда-нибудь он покроет весь мир, — сказала Мирегал. Никто не ответил ей. Молча сели на коней и двинулись дальше на север. Небо серело, начал накрапывать мелкий холодный дождь.

Около полудня мокрые, продрогшие спутники достигли окраины Асор-Гира. Ни Гил, ни Мирегал, ни Бхарг никогда раньше не видели такого огромного скопления домов и людей. Улицы, несмотря на дождь, были полны народа, множество повозок грохотало по булыжным мостовым. В городе царило оживление, в многочисленных лавках бойко шла торговля; большинство людей были одеты в яркие платья, почти все улыбались, и угрюмые лица путников резко выделялись на фоне общего веселья.

— Откуда держите путь, о странники? — окликнул их толстый лавочник. Вижу по вашим лицам, а особенно по твоему, красавица, что дорога ваша была длинной и трудной! Но теперь

все позади — вы найдете в нашем городе покой и отдых и забудете свои печали, ибо сегодня праздник! Не желаете ли купить новые разноцветные одежды, лучшие во всем Асор-Гире, надев которые, вы сразу почувствуете себя счастливыми?

— У нас на родине, в Эн-Гел-а-Сине, народ тоже любит петь и веселиться в ночь полнолуния, — ответил Энар разговорчивому лавочнику, — но, боюсь, мы слишком устали, чтобы участвовать сегодня в празднестве. Не скажете ли вы, сударь, где нам найти господина Асмола? Он был моим учителем, и мы надеялись переночевать у него перед тем как продолжить свой путь. Преподает ли он, как и прежде, в Высокой школе?

— О да, господин Асмол здравствует и сейчас, вероятно, ведет занятия. В Асор-Гире время течет медленно, и потому людям, вернувшимся сюда после долгих лет отсутствия, кажется, что они уехали только вчера. Вы увидите, как мало изменился наш город…

Путники долго ехали по широким улицам и площадям. Дождь усилился, по мостовым побежали ручьи.

— Какой огромный город! — удивился Гил. — Ни конца ему, ни края. Как люди могут жить здесь? Они должны чувствовать себя маленькими и потерянными среди этой толкотни.

Всадники переехали Энсингел и оказались перед старой, замшелой каменной стеной.

— Она построена в дни первой войны, — рассказывал Энар, — и тогда внутри нее помещался весь Асор-Гир. Как видите, он все-таки меняется, правда, только в лучшую сторону. Въехав в ворота, путники словно оказались в другом мире — здесь на всем лежала печать древности, старые дома угрюмо склонялись над узкими улочками. Над их потемневшими крышами золотая кровля королевского дворца сияла, подобно новорожденному солнцу.

— Смотрите, как строили в старину, — продолжал Энар. — Дома специально делались невзрачными, чтобы подчеркнуть изящество и роскошь центрального здания. В этом дворце царствует его величество Бел-Шамах, король Ас-а-Дена.

— А мы куда едем? Разве не к королю? — спросила Мирегал, увидев, что Энар свернул на одну из боковых улиц.

— Нет, нам сюда. Это Высшая школа. Здесь обучаются самые способные юноши со всего мира. В левой половине они живут, в правой занимаются. А здесь конюшня. Давайте остановим лошадей и пойдем искать господина Асмола.

Путники вошли в просторный полутемный зал. Сводчатый потолок опирался на массивные белокаменные колонны. Сероватый свет, льющийся из окон в передней стене, выхватывал

из мрака фрагменты настенной росписи — картины из истории мира, изображения городов, фигуры дэвов и людей.

— Подождите меня здесь, — обратился Энар к своим спутникам, и слова его гулко отозвались в пустых коридорах. — Я скоро вернусь.

Он направился в сторону широкой мраморной лестницы, а Гил, Бхарг и Мирегал принялись рассматривать фрески, негромко переговариваясь и стараясь поменьше шуметь.

— Смотрите, это Асгард! — воскликнул Гил. — А это Таргал стоит на стене Ойтры и призывает воинов Шемай-Лоха сложить оружие… А вот дэвы поднимают эликон на вершину магдела.

— Ой, Гил, это же наша долина! — Правда! Вот дорога, ручей… Это вид от трактира старого Балга!

— Ой, Гил, это же твой отец рисовал. Смотри, внизу написано: Конгал.

— Вот оно что!.. Ну конечно, он же здесь учился…

Сверху раздался тихий голос Энара:

— Господин Асмол скоро освободится. Мы подождем его в библиотеке. Там много интересного для всех нас.

Поднявшись по лестнице, они вошли в длинную комнату с высоким потолком. Вдоль стен тянулись бесконечные полки с книгами. Пожилая женщина вышла из глубины зала им навстречу.

— Добро пожаловать, господа! — приветствовала она их мелодичным, мягким голосом. — Чем я могу помочь вам? Какие книги вы желаете прочитать? Быть может, вас интересует последний труд господина Ханока «О движении планет»? Ведь сегодня полнолуние, и если погода будет ясной, вы сможете рассмотреть лунные горы и моря в зеркальную трубу, что стоит в Башне. Сегодня вход туда открыт для всех.

— Спасибо! Я с удовольствием почитаю Ханока, — сказал Энар. — А мои спутники — Какую ты хочешь книгу, Бхарг?

— Я вообще-то неграмотный… — смутился тот.

— Ничего, я почитаю тебе вслух, — успокоила его Мирегал. — Принесите нам что-нибудь о любви.

— А вы, юноша, так похожий на моего старого друга художника Конгала, что принести вам?

— Наверно, я хочу слишком многого… Я хотел бы узнать, откуда пришли дэвы, и как были рождены первые люди, и как появились добро и зло…

— Принесите ему «Беседы», — попросил Энар.

Женщина понимающе улыбнулась и, предложив гостям присесть, скрылась в глубине зала. Вскоре она вернулась, неся три книги в кожаных переплетах. Мирегал тотчас принялась

читать нараспев какие-то любовные стихи; Бхарг, наморщив лоб, сосредоточенно слушал; Энар погрузился в ученый труд.

Гил оглядел на обложку своей книги. Надпись на ней гласила:

> ***«Беседы Визгора, короля Ас-а-Дена. мудрейшего из людей, с Мидмиром, проведенные в годы 931–938 после прихода дэвов и сохраненные для потоков как образец логической мысли и пример для подражания в неустанном поиске истины».***

Гил открыл книгу. Страницы были сделаны из неизвестного ему материала, похожего на тончайшую черную кожу. Текст был написан на его родном южном наречии, но не привычным, смысловым письмом, где каждый знак отражал сущность понятия, а менее выразительным буквенным, передающим лишь звучание слов и редко используемым жителями Эг-Гел-а-Сина.

«Король Визгор был мудрейшим из людей, — читал Гил. — *Он царствовал в Асор-Гире спустя два века после войны. Целью своей жизни считал он поиски истины. Приехав в Асгард, Виз-гор пытался получить у дэвов ответы на все великие вопросы мироздания. «Ты мудр, — сказал ему Элиар, — но все же разум твой слишком мал, чтобы постичь все тайны мира». — «Нет, я верю, что справлюсь, — отвечал гордый король, — я ощущаю в себе великие силы». «Хорошо, — сказал Элиар. — Ты поедешь к Мидмиру и будешь говорить с ним. Он ответит на любой твой вопрос, но помни: что бы ты ни спросил, ответ будет точен. Не думай, что это облегчит твою задачу. Нелегко будет тебе получить нужные ответы, и еще сложнее понять их».*

Визгор беседовал с разумом Мидмира в течение семи лет, и многое открылось ему, хотя он так и не смог узнать все, что хотел. Мидмир сохранил память об этих беседах, и впоследствии они были записаны, чтобы стать главным источником знаний людей о мире, о дэвах и о себе».

Дальше начинался текст беседы. Белыми буквами были написаны вопросы, голубыми — ответы. Гил погрузился в чтение.

«День 1

— Как появились люди?

— Вопрос неконкретен.

— Сколько лет назад появился первый человек?

— Уточни понятие «человек».

— Человек — это существо, такое, как я.

— Сорок два года назад.

— Нет, это я родился сорок два года назад! А вообще, человек — это живое существо, способное логически мыслить,

пользоваться орудиями труда, имеющее голову, две ноги для движения и две руки для работы, два глаза, чтобы видеть свет, два уха, чтобы ощущать колебания воздуха — Достаточно?

— Нет.

— Пару легких, чтобы дышать, скелет, состоящий…»

Гил пропустил длинное описание костей и внутренних органов.

«— Теперь можешь ответить?

— Нет.

— Почему?

— Непонятно, кого из людей считать первым.

— Того, кто первым пошел на двух ногах.

— Деление на ноль.

— Где ошибка?

— Тот, кто первым пошел на двух ногах, не подходит под заданное определение. Первый человек не был человеком.

— Я устал.

— Приходи завтра».

Гил перевернул несколько страниц. Там продолжались такие же бесплодные разговоры. «Какой прок от этого Мидмира? — подумал Гил. — От него же ничего нельзя добиться».

«День 23

— Сколько лет назад появились дэвы?

— Уточни понятие «дэвы».

— Ясно. Сколько лет назад появились дэвы здесь, на Земле?

— 931 год назад.

— Где они были до этого?

— Вопрос неконкретен.

— В скольких милях отсюда находился Элиар 1000 лет назад?

— В 11766 миллиардах миль.

— Каким образом дэвы преодолели это расстояние?

— Они летели в эликонах.

— Там, где жили дэвы 1000 лет назад, сейчас живут дэвы?

— Нет.

— Есть ли во Вселенной планета, населенная дэвами?

— Да.

— Можно ли ее увидеть с Земли?

— Да.

— Как ее называют люди?

— Земля.

— Есть ли другие планеты, населенные дэвами?

— Я не знаю ответа.

— Почему?

— Исхожу из предположений о бесконечности Вселенной.

— На той планете, с которой дэвы прилетели на Землю, после их отлета еще оставались дэвы?

— Да.

— Жив ли сейчас кто-нибудь из дэвов на той планете?

— Нет.

— Они погибли?

— Да.

— Какова причина их гибели?

— Война.

— Дэвы, прилетевшие на Землю, сделали это, чтобы не погибнуть вместе с остальными?

— Да.

— До завтра. Спасибо за беседу.

— До завтра.»

Гил пропустил еще несколько страниц.

«День 93

— Изменились ли люди после прихода дэвов?

— Да.

— Дэвы сознательно изменяли людей?

— Да.

— Зачем?

— Чтобы жить вечно.

— Кому из дэвов пришла мысль использовать людей как средство продолжить свой род?

— Никому.

— Кто это придумал?

— Я.

— Могут ли дэвы рожать детей, подобно людям?

— Уточни вопрос.

— Здесь, на Земле.

— Нет.

— Почему?

— Нет необходимых условий.

— Каких?

— В твоем языке не хватает понятий.

— Говорят, что люди — дети дэвов. Это верно?

— Уточни понятие «дети дэвов».

— Рожденные дэвами. В прямом смысле рожденные дэвами.

— Не верно.

— Наследующие некоторые свойства дэвов.

— Верно.

— Какие это свойства? Назови пять главных.

— Первое назвать не могу из-за отсутствия в твоем языке необходимых понятий. Второе: способность любить. Третье:

стремление к знаниям. Четвертое: чувство добра и зла. Пятое: способность к искусству.

— Каким образом эти свойства были переданы людям?

— Бел-Адор и Фенлин, руководствуясь моими указаниями, целенаправленно воздействовали на наследственный аппарат людей.

— Продолжай.

— В твоем языке не хватает понятий.

— Говори нужные слова на языке дэвов и определяй их.

— На это уйдет много лет.

— Начинай.»

Дальше текст становился совершенно непонятным. Больше половины книги было занято чем-то вроде словаря… Гил заглянул в конец книги, прочел наугад какую-то фразу о «принципах перевода основной составляющей природно-экстетического чувства на земной генетический код» и безнадежно захлопнул тяжелый том.

— Ну как? — спросил Энар.

— Интересно, но непонятно, — признался Гил. — У меня голова даже закружилась.

— Неудивительно. Со времен Визгора никто из людей так и не смог до конца разобраться в этих беседах. Впрочем, сейчас придет господин Асмол, это очень умный человек, и ты сможешь кое-что у него выяснить. А вот и он.

Глава 11
ДЭВЫ

Высокий седой человек с благородными чертами лица, в белом одеянии, подошел к сидящим и склонил голову в знак приветствия.

— Бхарг, — сказал Энар, представляя своих друзей, — Мирегал из Желтого Ручья, дочь Син-Оглана, Шем-ха-Гил, сын Конгала, из Белых Камней.

— Мое имя Асмол, — мягко улыбнулся старик. — Я сожалею, что заставил вас ждать. Я бы немедленно покинул своих учеников, если бы знал, насколько вы нуждаетесь в отдыхе. Приглашаю вас к себе — это недалеко, там вы получите все необходимое: сухую одежду, пищу и сможете, наконец, выспаться.

Асмол занимал с семьей половину двухэтажного дома в пределах городской стены. Врач, приглашенный старым учителем, осмотрел и надлежащим образом обработал раны и ушибы путников, и сразу после еды — то ли позднего обеда, то ли раннего ужина — они легли спать и проснулись только в полдень следующего дня. Асмол поджидал их у камина в гостиной, куда они спустились один за другим, бодрые и посвежевшие.

— Сегодня вы выглядите несравненно лучше, чем вчера, — отметил Учитель, и тем не менее вам стоит остаться у меня еще на одну ночь. Вы много натерпелись и заслужили хороший отдых. Кроме того, Ану, гостивший в Асор-Гире, завтра возвращается в Асгард, и вы сможете поехать вместе с ним. Это избавит вас от дорожных забот и, безусловно, будет полезно, ибо всякое общение с дэвами возвышает и обогащает человека. А сейчас, если ничто не обязывает вас молчать, расскажите немного о себе и о своей поездке.

Гости принялись говорить, перебивая друг друга и перескакивая с одного эпизода на другой. Асмол внимательно слушал их путаный рассказ. Лицо его попеременно выражало горечь, радость, удивление и гнев. Когда Мирегал рассказала о подслушанном разговоре и ночном бегстве из Эллигата, все смолкли, и Асмол, задумавшись, долго глядел на догорающие угольки.

— За всю мою жизнь, — заговорил он наконец, — не доводилось мне слышать повести более ошеломляющей. События, столь значительные и грозные, давно уже не происходили в нашем мире. Похоже, что то шаткое равновесие, которое сохранялось на протяжении четырех веков, нарушено. Как

странно, что причиной всему — гнев горстки жителей тихой долины на самом краю мира, людей, которых никто никогда не принимал в расчет как силу, способную повлиять на ход истории…

— Что же теперь будет? — спросила Мирегал, испуганно глядя на Асмола. Неужели мои предчувствия оправдаются, и мир погибнет? И мы будем этому виной?

— Что ждет нас, я не знаю… Если кто и может теперь увидеть наше будущее, то только дэвы, и вы поступили мудро, отправившись в Асгард сразу после изгнания нидхагов. Жаль, что не раньше.

Гил, твой рассказ о гибели Конгала причинил мне великую боль, — продолжал Асмол после минутного молчания, — я любил его всей душой и преклонялся перед его искусством. Не успел ли он что-нибудь сказать перед смертью об одной картине…

— Он умер мгновенно.

— Значит, она потеряна для нас навсегда — Его лучшая работа — портрет Фенлин, который он спрятал от людских глаз, ибо понял, что, глядя на него, человек может лишиться рассудка. Слишком еще непрочна связующая нить между слабым разумом человека и его великим духом. И без того натянута до предела эта хрупкая связь.

— Портрет Фенлин… Значит, на нее саму смотреть и подавно нельзя? спросила Мирегал.

— На Фенлин? Почему ты так решила, Мирегал? Конечно, на нее можно смотреть. И счастливы те, кому довелось ее увидеть. Фенлин живая — все время меняется, и человек не успевает уследить за этими переменами и углубиться в суть какого-то состояния. Она окружена множеством подробностей — обстановки, места, времени — и эта конкретность и сиюминутность каждой встречи с ней тоже сглаживают эффект. Наконец, Фенлин не может допустить, чтобы людям был причинен вред, и она специально немного меняет себя… как и все дэвы. Картина — совсем другое. Она останавливает время, отбрасывает детали и срывает маски. Впрочем, теперь это неважно. Картина потеряна. Быть может, люди найдут ее спустя много веков, когда дэвов уже не будет с нами и память о них потускнеет. Но сами люди тогда уже будут подобны дэвам в своем совершенстве и смогут по достоинству оценить счастливую находку. Это будет прекрасный день… Но к чему мечтать? Есть дела более неотложные — мир стоит на пороге великих событий. Меня сильно обеспокоил ваш рассказ о мелхе Халгате. Мирегал, поняла ли ты из услышанного тобой разговора, почему он хотел схватить вас?

— Нет… не совсем. Он осуждал наш поступок. Говорил, что мир надо покупать любой ценой. Должно быть, мелх хотел отправить нас в Лес в знак того, что он тут ни при чем. Наверно, он думал этим предотвратить нападение.

— Значит, ты думаешь, что его поступок был продиктован добрыми побуждениями, заботой о сохранении мира? Что ж, хорошо, если так. Ибо если он переродился и перешел на сторону врага, последствия могут быть ужасны. Ведь Эллигат — наша главная опора на юге, и если его ворота откроются перед вражескими полчищами, у нас останется мало надежды на победу. Но довольно! Не буду более утомлять вас. Отдыхайте до завтра, друзья. Вечером вы сможете послушать прекрасный концерт — лучшие музыканты будут играть сегодня в королевском дворце по случаю проводов Ану. А после захода солнца к вашим услугам телескоп. Набирайтесь сил, впереди у вас еще много трудов и волнений.

На следующее утро Асмол рано поднял своих гостей. До отъезда Ану оставалось всего часа два. Гил и его спутники долго прощались с гостеприимным хозяином, которого успели искренне полюбить. Бхарг насупился, сгорбившись на спине престарелого Эл-а-Денского рысака, Гил молча закусил губу, а Мирегал откровенно всхлипывала.

— Не печальтесь, друзья! — сказал Асмол. — На обратном пути, конца вам не надо будет так спешить, вы сможете прожить у меня сколько захотите.

У королевского дворца их поджидала группа из пятнадцати всадников. Гил сразу узнал Ану, хотя никогда раньше не видел живых дэвов. От него исходило некое невидимое сияние, ощущаемое не глазами, а сердцем. Почувствовав его, Гил принялся искать его источник, а найдя, долго не мог отвести взгляд.

Ану, златокудрый юноша, стройный и хрупкий на вид, сидел на белом коне. Когда четверо всадников подъехали ближе и присоединились к остальным, Ану обернулся и улыбнулся им. Его взгляд выражал больше, чем слова. В нем можно было читать, как в книге. «Приветствую тебя, Шем-ха-Гил, — словно говорил он. — Я рад, что ты поедешь со мной в Асгард. Я люблю всех людей. Я люблю жизнь. Я люблю тебя и хочу, чтобы ты был счастлив. Ты найдешь бессмертие, которое ищешь».

Потрясенный Гил почувствовал, как неизъяснимое блаженство разливается по его телу. Посмотрев на своих спутников, он понял по их лицам, что те тоже прочитали что-то во взгляде Ану — каждый свое, и что они испытывают такую же радость и так же, как он, готовы следовать куда угодно за этим

светлоликим юношей, который, собственно, ничего не сделал, даже не сказал — просто улыбнулся им.

На высоком балконе появился старик в синей, как небо, мантии, с тяжелым золотым обручем на лбу. Он простер руку, благословляя уезжающих.

— Прощай, Бел-Шамах! — произнес Ану,

Всадники почтительно склонили головы. Отряд поскакал прочь, растянувшись цепочкой по улице, ведущей на север.

Выехав за пределы города, Гил обратил внимание на то, что в окрестностях Асор-Гира гораздо больше распаханных полей, чем у них на родине: по-видимому, основным занятием местных жителей было земледелие. Хутора тоже выглядели по-разному. Дома имели более изящные очертания, и все были разные, словно их строители заботились не столько об удобстве жилища, сколько о его красоте.

Проехав около тридцати миль, остановились у небольшой рощи. Воины принялись готовить обед, Мирегал давала им советы; Ану остался с лошадьми: он подходил по очереди к каждой, брал ее руками за морду и так, стоя друг против друга, они как будто беззвучно разговаривали о чем-то. При каждом движении в волосах дэва вспыхивали золотистые искорки.

— Что он делает? — спросил Гил у одного из своих новых попутчиков, пожилого асор-гирца по имени Илраг.

— Дэвы знают язык зверей и птиц, — ответил тот. — Он говорит с лошадьми, чтобы придать им силы и снять усталость.

— Что за сказки!

— Посмотришь, как эти кони теперь поскачут.

Обед был готов, люди принялись за еду. Ану сел рядом, но не притронулся к пище.

— Что же вы не едите, господин Ану? — спросила Мирегал.

— Мне что-то не хочется, — улыбнулся тот.

— Он же дэв, они не едят, — шепнул ей на ухо один из воинов.

— Извини меня за бестактность, Мирегал, — сказал Ану, — то, что у тебя на лице, это специально? Тебе так нравится?

— Вообще-то не очень, — смутилась та. — А что, еще сильно заметно?

Ану поднял руку, его тонкие пальцы легко скользнули по лицу Мирегал. Гил посмотрел на нее и ахнул — от синяков и царапин не осталось и следа.

— Так лучше? — сказал Ану, протягивая ей нож с блестящим полированным лезвием вместо зеркала.

— Ой!.. — только и сумела вымолвить Мирегал.

— Чудеса, — сказал Бхарг.

— Пустяки, — возразил Ану, — чудо — это ты.

— Какое уж там…

— Самое настоящее. Я тебе объясню. Ты видел когда-нибудь, чтобы из кирпичей сам собой построился дом? Это же просто немыслимо! А наоборот бывает сплошь и рядом; здания разрушаются от землетрясений или от времени. Так же с добром и злом.

— Как это?

— Добрый легко может стать злым, но чтобы из злого сделать доброго, нужны большие затраты энергии.

— Чего затраты?

— Любви, — улыбнулся Ану. — Вот Фенлин умеет это делать!

— Я Фенлин не видел, — сказал Бхарг задумчиво, — только ее, — он кивнул на Мирегал. — И еще Эалин. Они такие добрые…

— Мирегал! — воскликнул Ану. — Что я слышу! Придется, видно, оставить тебя в Асгарде. Ты будешь первым дэвом, рожденным на Земле. Хочешь быть дэвом Ми?

— Вообще-то… То есть да, конечно!.. А можно, я сначала рожу ребеночка? Ведь дэвы, по-моему…

Ану рассмеялся звонким и чуть-чуть грустным смехом.

— Ну хорошо, — сказал он после недолгой паузы, — пусть теперь наши друзья из Эн-Гел-а-Сина расскажут о своих приключениях. По-моему, у них произошло что-то важное.

Энар подробно описал события последних двух недель.

— Спасибо, — сказал Ану, дослушав до конца. — Знаете, наверное, мы не будем останавливаться в Рагнаиме. Вы же выдержите одну ночь без сна, правда? Давайте отдохнем еще немного и поедем. А завтра днем будем в Асгарде!

Кони бежали необычайно легко и быстро, даже Эл-а-Денские тяжеловозы, забыв о своем возрасте, не отставали от других. Дорога повернула немного на восток, и через несколько минут они увидели впереди большой город.

— Не были в Рагнаиме? — обратился Илраг к Гилу и его спутникам. — Один из самых древних городов. Здесь сходятся все пути, сухопутные и морские, в гавани стоят огромные корабли, и здесь, как и в Асор-Гире, много школ. Рагнаим — город, связывающий дэвов и людей, в нем постоянно находятся десять-пятнадцать дэвов, и люди могут видеть их и советоваться с ними.

— Но ведь мы не остановимся здесь, — с сожалением сказала Мирегал.

— Да… По-видимому, Ану счел ваш рассказ чрезвычайно важным и хочет поскорее доставить вас в Асгард.

Когда они въехали в город, солнце уже зашло. Улицы были темны и безлюдны, в воздухе пахло морем, откуда-то доносились

крики чаек. Всадники достигли центральной площади, где сходились пять дорог. Одна вела на север, в Альвен-Гир, другая в Ойтру, третья на восток, к морю, по четвертой, асор-гирской, они приехали. Отряд свернул на пятую, западную дорогу и не останавливаясь двинулся в сторону гор Ио-Рагн. На рассвете они достигли предгорий. Дорога ползла по склонам, петляя и взбираясь все выше, пока не привела их к подножию горы, увенчанной магделом — черной ступенчатой пирамидой, у основания которой виднелись какие-то развалины. Это был Анугард, в прошлом большой город, покинутый после первой войны.

Дорога продолжала свой извилистый путь к вершинам. Горная страна Ио-Рагн, обитель дэвов, далеко превосходила Ио-Син и своими размерами, и высотой. Здесь, наверху, в ложбинках кое-где еще лежал снег; растительность была скудная и невзрачная.

В три часа пополудни отряд выехал из глубокого темного ущелья. Солнце ярко осветило склон горы, и взорам путников открылась величественная картина: бело-золотой сияющей россыпью раскинулся перед ними самый первый из городов, средоточие мира, ха-гир-а-дэвин — златопрестольный Асгард. Дома, разбросанные по склонам, были построены на искусственных террасах, которые, подобно ступеням, вели к вершине. Там, под самыми облаками, был виден черный магдел со сверкающим многогранно-зеркальным окаемом вокруг последнего уступа. Над ним, отделенное мягко светящимся слоем серебристого тумана, лежало голубовато-серое колесо со множеством продолговатых окон-глаз, живых, всевидящих, таящих в себе непостижимую мудрость…

Ану оставил Гила и его друзей в нижней части города, где в специальном здании путники всегда могли найти пищу и ночлег. «Отдыхайте до рассвета, сказал Ану, прощаясь. — Завтра вас пригласят на совет».

Утром их разбудил человек в синем плаще — форме служителей магдела — и сообщил, что им пора предстать перед дэвами.

Они поднялись по извилистой улице и оказались перед черной отполированной стеной пирамиды — никаких кирпичей или швов в ней не было видно, словно все громадное сооружение было высечено из одной каменной глыбы. В стене была небольшая ниша, Гил и его спутники вошли туда, и в тот же миг с потолка полился желтоватый свет, а вход в нишу заслонила скользнувшая сбоку железная плита. Послышался гул, и на мгновение Гилу показалось, что пол уплывает у него из-под ног.

Затем все стихло, плита снова отъехала в сторону, но вместо склона горы с домами и башнями перед путниками открылся длинный зал без окон и без мебели, со светящимся потолком. Весь пол покрывал мягкий, пушистый ковер.

В зале были дэвы — много дэвов, не меньше пятидесяти. Полусидя-полулежа на ковре, они приветливо улыбались гостям; Ану помахал им рукой. Кроме него Гил узнал еще нескольких дэвов, знакомых ему по многочисленным картинам и скульптурам — Элиара, Таргала, Кулайна, Хеда. Внимание его привлекла молоденькая светловолосая девушка — она лежала на животе, болтая в воздухе ногами в маленьких серебряных туфельках, Повернувшись, она улыбнулась Гилу, и тот замер, увидев, как она прекрасна.

— Привет, — сказала девушка.

— Что ты так на нее уставился! — Мирегал легонько подтолкнула Гила локтем. — Я сейчас обижусь.

— Здравствуйте, друзья! — сказал седобородый Элиар. — Садитесь, пожалуйста. Не стесняйтесь.

— Здравствуйте, — пробормотал Гил, не в силах отвести взгляд от девушки, — меня зовут Гил… Кто вы, прекрасная госпожа? — Ему казалось, что все исчезли, и только он и она остались в зале.

— Я Фенлин, — ответила та, откидывая со лба прядь волос. — И можешь обращаться ко мне на «ты». Я, правда, постарше тебя, но ведь по мне этого не скажешь? Ну честно, разве я выгляжу на три тысячи лет?

Мирегал ущипнула Гила за бок, и тот, совсем растерявшись, густо покраснел и уселся на ковер.

— Ану рассказал нам о ваших приключениях, — начал Элиар. — Мы все обсудили и решили, что особенно волноваться пока не стоит. Постараемся все уладить — отправим посольство к Шемай-Лоху в Ио-Тун-Гир… Но если война все-таки начнется… — Элиар замолчал, вглядываясь в лица людей.

— Если война начнется, что вполне возможно, — подхватил Таргал, — вам нужно быть к ней готовыми. Поэтому мы решили рассказать вам всю правду о том, что сейчас делается в мире. Мы это всегда держали в тайне, чтобы люди зря не беспокоились, но вы, я вижу, многое повидали и сходить с ума не собираетесь.

— Почему они должны сходить с ума? — возмутилась Фенлин. — Неужели я потратила столько сил лишь для того, чтобы создать племя слабонервных, которые лишаются рассудка при первом испуге?

— После взятия Ойтры, — продолжал Таргал, — Шемай-Лох не появлялся семьсот лет. Мы уже надеялись, что он исчез

навсегда. Но потом, совершенно неожиданно…

— Да чего уж там! — перебил его Кулайн. — Надо было лучше следить за эликоном. Это он его охранял, — показывая на Таргала, сообщил он гостям.

— Одним словом, эликон из Меллнира был похищен, — сказал Элиар. Оказалось, что туны давно уже поселились в неприступном ущелье в горах к западу от Гарм-а-Дена — теперь эти горы называются Ио-Тун-Гир — и тайно построили там магдел. Захват эликона многократно увеличил их силу.

— Как же они семьсот лет обходились без эликона? — спросила Мирегал.

— Они же переродились. Зло, как известно, проще добра и потому гораздо устойчивее. Вскоре туны построили в Великом Лесу Хумбу разум наподобие нашего Мидмира, только черный, служащий злу. И там, около Хумбы и при ее содействии, один из тунов начал работу по созданию нидхагов.

— Это была достаточно примитивная выдумка, — заметила Фенлин, — ломать не строить. Не надо большого ума, чтобы из доброго сделать злое. А создать что-то по-настоящему опасное — народ, способный к развитию, который воплотил бы в себе черный дух Шемай-Лоха, — ей все равно не удалось.

— Кому ей? — не понял Гил.

— Этому туну. Спроси у Таргала, он знает.

Но Таргал лишь укоризненно посмотрел на Фенлин и отвернулся. Гилу показалось, что в его глазах на мгновение вспыхнул гнев. «Странно, — подумал Гил, — дэвы, оказывается, тоже могут сердиться. Интересно, чем же Фенлин задела Таргала?» Между тем Элиар продолжал:

— Нидхаги быстро расплодились и стали теснить людей. Не прошло и двух веков, как люди были изгнаны из Гарм-а-Дена. Вскоре после этого начали появляться гуллы. Сначала их делали из мертвых растений — так был перерожден Великий Лес, — из зверей, и только потом стали работать с человеческими трупами. Однако ни нидхаги, ни гуллы не могли удовлетворить Шемай-Лоха — ему хотелось создать народ, в котором зло сочеталось бы с высоким разумом и культурой, ему нужно было утонченное, изысканное зло. Никто из тунов не был способен на это. Поэтому Шемай-Лох хотел…

— Чтобы это сделала я, — сказала Фенлин.

— И он стал угрожать нам. Сила, заключенная в меллнирском эликоне, позволяла ему выпустить Гарма из-под земли. Он грозил, что, если ему не отдадут Фенлин, он уничтожит мир. Нидхаги уже копали туннели и шахты в Гарм-а-Дене, вгрызаясь в недра, подбираясь все ближе к огнедышащему чудовищу. И нам

пришлось пойти на великую жертву — Нет, Фенлин мы не могли отдать. Мы послали десять дэвов к Шемай-Лоху — они добровольно избрали себе эту участь, вечная им слава, — как бы для того, чтобы обсудить условия мира. Им удалось проникнуть во вражеский эликон и лишить его силы — на треть или на четверть, — так что теперь Лох не может выпустить на волю подземный огонь. Гарм снова связан, но никто из посланных не вернулся. Утрата тяжела, но это была плата за жизнь всех остальных — и людей, и дэвов. С тех пор прошло 85 лет. Поначалу натиск врага ослаб — Шемай-Лох знал, что теперь сила на нашей стороне. Ведь из нашего грозного оружия, что хранится в подземельях Меллнира, тунам не досталось ничего. Однако в последние годы, видя, что мы не наступаем и не применяем своего оружия, Шемай-Лох осмелел. Нидхаги двинулись дальше, на восток — в вашей стране, например, они захватили Ио-Син. Если бы тунам было известно, что мы ни при каких обстоятельствах не воспользуемся тем, что спрятано в Меллнире, они давно бы уже начали большую войну.

— Так вот что их сдерживает! — воскликнул Гил. — Но почему, почему вы не хотите воспользоваться этим своим оружием? Дайте его нам! Мы уничтожим тунов, очистим мир от зла, человеческий род обретет бессмертие! Вот она, тайна, которую я искал! Дайте нам свое оружие!

— Это невозможно, — сказал Элиар. — Им нельзя пользоваться. Многие из нас считают, что его вообще давно надо было уничтожить. Мы не делаем этого только потому, что его боятся туны. Оно погубило наш мир — тот, откуда мы пришли, а это был очень большой мир, и… очень хороший. Даже ограниченное его применение может выпустить Гарма. А что будет, если оно попадет в руки врага?

— Но мы все же решили дать вам кое-что из наших тайников, — сказал Таргал, — вот эти три меча. Это, конечно, не то страшное оружие, о котором шла речь, но… Они могут разрубить практически все, даже то, что сделано нами, кроме разве что обшивки эликона. Берегите их и никому не показывайте без необходимости.

Бхарг, Гил и Энар с благодарностью приняли из рук Таргала три длинных меча в ножнах из голубоватого металла.

— Такие же мечи будут посланы — по нескольку штук — во все наши города и крепости, — сказал Элиар. — Вам же сейчас следует вернуться в Эн-Гел-а-Син и готовиться к возможной войне. Мы надеемся, что у нас хватит сил справиться с врагом и без применения крайних средств. Так же, как это было во время осады Ойтры. И конечно, мы сделаем все, что в наших силах,

чтобы война не началась.

В этот момент откуда-то — по-видимому, из-за стены — раздался громкий взволнованный голос:

— Срочный гонец! Срочный гонец! Срочный гонец!.. Ниша в стене открылась, и в зал вошел запыхавшийся человек в рваном плаще. Быстро оглядев собравшихся, он произнес хрипло, с трудом переводя дыхание:

— Я из Эллигата. Война! Полчища, нидхагов окружили город. Мы долго не продержимся. Спешите на помощь!..

Глава 12
БИТВА

Рев в сарае усилился.

— Пора их кормить, — сказала Эалии, вставая. Голос ее звучал бодро, несмотря на усталость. Ки-Энду с жалостью посмотрел на нее. В его глазах красноватым блеском отразились углы очага.

— По-прежнему будешь сама возиться с ними? Не позволишь мне помочь?

— Ты не любишь их.

— Все равно ничего у тебя не выйдет. Их не переделаешь.

— Бхарг…

— Исключение. Врожденная склонность к добру. Эалин покачала головой и вышла, ничего не ответив. Ки-Энду хмуро глядел на огонь. Ему казалось, что он чувствует слабую вибрацию пола, далекий подземный гул.

— Не терпится Гарму, — пробормотал Ки-Энду. — Знает, что близится его время. Привязь не выдержит, вырвется кровожадный пес…

Стук копыт отвлек его от мрачных мыслей. Он вышел на крыльцо. Две группы всадников приближались к Белому Камню: трое с запада и двое с юга — эти первыми подъехали к дому, и Ки-Энду узнал Беллана и Хайра.

— Привет вам, друзья! Что слышно в столице?

— В Элоре ужасный переполох, — сообщил Хайр. — Все из-за нас.

— Король сразу послал войско, — сказал Беллан, — они уже здесь. Мы возвращались вместе. — Сколько людей?

— Целая армия! Двести воинов. Король страшно перепугался!..

— Двести? Очень мало.

— Он послал всех, кто у него был, и обещал собрать еще… Кроме того, многие из наших, из тех, кто переселился, возвращаются. Они вольются в Ио-Син-а-Хут.

— Что же вы стоите на пороге? — Эалин незаметно подошла к крыльцу. — Вы же устали с дороги и проголодались. Заходите в дом, пожалуйста. А это кто едет?

Трое всадников мчались во весь опор с запада.

— Там мой отец, — сказал Ки-Энду, — а двоих других я не знаю.

Син-Оглан, подъехав, лишь бегло поприветствовал друзей и

указал на своих спутников — усталых, забрызганных грязью воинов в иноземных одеждах.

— Гонцы мелха Халгата.

— Да, мы из Эллигата, — сказал один из них, спешившись. Он говорил недружелюбно, почти гневно. — Мы потому прибыли сюда, что только вам и никому другому мы обязаны всем тем, что обрушилось на нас и на нашу землю. Кровь наших детей и жен да падет на ваши головы!

— Какой ужас! — воскликнула Эалин. — У вас весь рукав в крови. Вы ранены! Позвольте, я вас перевяжу.

— Вздор! — Незнакомец резко отдернул руку. — Сейчас каждая минута стоит десятков жизней. Скорей собирайте своих горе-вояк и спешите к нам на помощь.

Ки-Энду взглянул на Беллана и Хайра. В его глазах появилась твердость.

— Ведите королевское войско сразу к реке, — приказал он.

— Отец, мы едем собирать наших. Выступаем через два часа. Сбор у Лунного Дэва. Опоздавших не ждем. А вы, — он обратился к гонцам, — расскажете мне все по дороге.

Рать двигалась на север, растянувшись по каменному тракту на несколько, миль: рослые, сильные всадники в желто-синих плащах, с длинными копьями и тяжелыми прямоугольными щитами — королевская дружина, — и наспех вооруженные, одетые кто во что горазд деревенские увальни — Ио-Син-а-Хут всего не больше пятисот человек.

Стемнело, луны не было видно из-за туч. Воины ехали вдоль берега Эллила в полной тьме, и никто не заметил ни слабо белевшей у дороги груды костей, ни многочисленных тонкопалых гулльских следов вокруг.

— Они появились на рассвете, — Ганах, эллигатский гонец, ехал рядом с Ки-Энду и говорил глухо, угрюмо глядя под ноги своего коня. — В тот день я дежурил на западной угловой башне — с нее хорошо виден Великий Лес. Утро было тихое, в небе ни облачка — словом, ничто не предвещало беды. Вдруг мне почудилось — солнце только-только встало — что край Леса на западе зашевелился и стал медленно приближаться. Накануне в городе был большой пир, и я подумал, что у меня просто помутилось в глазах от выпитого вина. Я подождал какое-то время, но видение не исчезало. Лес двигался. Тогда я навел на это место подзорную трубу. Зрелище, увиденное мною, было ужасно. Несметные полчища нидхагов: все в одинаковых темных плащах, с копьями и факелами — выходили из Леса. Они шли ровными рядами и уже на целую милю продвинулись в долину, а конца им все не было видно. На их пути оказался небольшой

хутор; нидхаги ворвались туда, и вскоре к небу потянулся столб черного дыма. Позже мы узнали от беженцев, что нидхаги не просто убивали женщин, детей, стариков — они изобретали все новые виды мучительной смерти, и особенно дико хохотали, расправляясь с младенцами…

Мелх собрал всех воинов на центральной площади и обратился к ним с речью. Он сказал: «Я горжусь тем, что мое отважное войско преисполнено лишь одного желания — поскорее вступить в схватку с жестоким врагом. Для меня великая честь быть предводителем таких людей! Я скорблю вместе с вами, глядя, как гибнет этот столь дорогой мне край. Но я не вправе следовать зову сердца: у нас слишком мало сил, чтобы вступать в битву в открытом поле. Будем терпеливо ждать, пока враг не подойдет поближе к крепости, и тогда обрушимся на него, нанеся противнику значительно больший урон, сохранив при этом войско».

Речь мелха была разумна, и нам ничего не оставалось, как согласиться с ним. Кстати, тогда же он сообщил нам, что всему виной вы, жители Эн-Гел-а-Сина, что это вы раздразнили нидхагов и обрушили на нас гнев великой Хумбы.

Я вернулся на башню и, сжав зубы, смотрел, как мой родной край обращается в пепел. Ведь там, в этой ныне мертвой стране, жило много моих друзей и близких. Наконец, к вечеру, оставив за собой лишь дымящиеся развалины, враги подошли к городу. Путь им преградила река и эллигатские стены. Злобные гортанные выкрики нидхагов теперь были хорошо слышны в крепости. В этот час, наконец, Халгат повел нас в бой.

— Почему вы не применили камнеметные машины, раз враг стоял у самых стен? — спросил Ки-Энду.

— Не знаю! Я не полководец! Халгат лучше знает, как ведутся войны… Мы вышли из города через западные ворота. Справа от нас была река, спереди и слева — быстро приближающаяся вражеская рать. Нидхаги тогда еще не начали переправляться через Эллил, так что все их войско находилось здесь, на западном берегу. Мелх разделил нас на два отряда, примерно по три с половиной сотни человек. Один из них он возглавил сам, во втором назначил мелхом Фунгала, отважнейшего из наших воинов. Халгат повел свой отряд прямо на врага, нам же — я был в отряде Фунгала — приказал, двигаясь вдоль реки, попытаться зайти с тыла. Мы спустились к Эллилу и поскакали на северо-запад. Сначала мы не встречали сопротивления, потом сверху, с высокого берега, на нас обрушилось большое войско косматых нелюдей. Мы приняли бой — что еще оставалось делать, сзади была река. Фунгал крикнул, чтобы мы пробивались к воротам,

навстречу Халгату. С трудом нам удалось немного потеснить нидхагов, и мы взобрались на высокую береговую кручу, откуда было видно все поле боя. То, что открылось нашим глазам, лишило мужества самых смелых: воины Халгата, не выдержав вражеского натиска, поспешно отступали в крепость, и когда последний из них укрылся за стенами, железная решетка с грохотом упала перед самым носом разъяренных врагов.

— Значит, ваш отряд был брошен на верную гибель?

— Иначе нельзя было поступить: нидхаги ворвались бы в город. Когда мы увидели, что путь в крепость для нас закрыт, многие пали духом, но Фунгал сказал, что еще есть надежда: можно было пробиться обратно к реке и переплыть на тот берег. Мы повернули коней… Что было дальше, я плохо помню. Крики, стоны, кровь, грохот мечей. Нелюди кидались на нас со всех сторон, и трудно было разобрать где свой, а где враг. Мне и еще нескольким воинам удалось прорубиться сквозь толпы врагов к берегу. Мы побросали оружие и кинулись в воду, но не успели доплыть до середины реки, как в нас полетели стрелы и камни — нидхаги, как оказалось, ловко управлялись с пращой. Только двое из нашего отряда выбрались вместе со мной на восточный берег. Мы спрятались в кустарнике, а когда вышли оттуда, то увидели, что пройти, как мы надеялись, к северным воротам не удастся. Несколько тысяч нидхагов уже переправлялись на этот берег — лодки они принесли из Леса на плечах. К счастью, они высадились в полумиле от нас, ближе к городу. Когда мы поняли, что из нашего отряда больше никто не спасся, мы двинулись на северо-восток, скрываясь за кустами и прячась по оврагам, пока не оказались на безопасном расстоянии от врага. Отдохнув, мы решили ехать за помощью. Нам удалось раздобыть лошадей, и один из нас отправился в Асгард, а мы вдвоем поехали сюда. Кроме нас сделать это было некому — Эллигат полностью окружен. Вот и все, что я могу вам сообщить, господин Ки-Энду.

Ки-Энду, нахмурившись, долго обдумывал услышанное, потом спросил:

— Почему вы не послали за помощью раньше, до того, как враг подошел к городу?

— Халгат сказал: «Наш долг — обороняться своими силами». Он очень гордый человек, наш мелх, и отважный воин. Наша поездка к вам предпринята против его воли. Мы решили взять эту ответственность на себя.

— Поистине мудрый поступок… Скажи, Ганах, добрались ли до Эллигата наши посланники — два воина, нидхаг и молодая девушка? Они должны были предупредить вас об опасности. Впрочем, я уже понял, что они побывали у вас — иначе Халгат не

стал бы винить нас во всем… Они остались в крепости или успели уехать до начала осады?

— Они были у нас за два дня до нападения. Мелх отпустил их с миром. Куда они направились, я не знаю.

— Какие меры были приняты за эти два дня? Вы как-нибудь готовились к предстоящей битве?

— Что можно было сделать за столь краткий срок? Видимо, мелх не хотел беспокоить нас понапрасну, либо решил, что времени еще много.

— Что ж, спасибо за рассказ, Ганах, — Ки-Энду надолго замолчал, потом снова заговорил: — Вина моя огромна. Если бы я мог своей жизнью искупить ее, я сделал бы это не задумываясь. Но вместо этого мне приходится подвергать опасности жизни сотен моих соотечественников, и никому не ведомо, что еще ждет нас впереди. Я развязал эту войну, и пусть проклятие падет на мою голову.

— Не смей так говорить!.. — Эалин, ехавшая позади, догнала Ки-Энду и услышала его последнюю фразу. — Быть может, ценой своей крови мы купим мир и благоденствие нашим потомкам! — Как ты здесь оказалась? Что ты собираешься делать на войне? Не хватает еще, чтобы женщины воевали, расплачиваясь за мою глупость! — Разве на войне не нужны врачи? Я не вернусь, даже если ты мне прикажешь. И не стоит тебе брать всю вину на себя: без нас, без нашей поддержки ты бы ничего не сделал. Мы все в ответе за случившееся. Не падай духом, Ки-Энду, лучше подумай, как нам разумнее всего вести войну. Я считаю, что, поскольку нидхаги сильно превосходят нас числом, мы должны делать ставку прежде всего на внезапность нападения.

— Эалин, — Ки-Энду внимательно и серьезно посмотрел ей в глаза, — я никому не говорил таких слов. Ты самая мудрая, отважная и благородная женщина в мире.

Она улыбнулась.

— Знаешь, мне иногда больше хочется быть самой красивой. Ки-Энду растерялся, не зная, что сказать. Тоща Эалин снова заговорила о деле. Разумнее всего, сказала она, было бы напасть на нидхагов до рассвета, но для этого придется отказаться от остановки на ночлег. Ки-Энду согласился с ней и после совещания с Гиором, предводителем королевской дружины, они объявили двухчасовой отдых.

Воины развели несколько небольших костров и занялись приготовлением пищи — благо Балг и десяток женщин, поехавших с ними, позаботились о запасе продуктов.

Стояла тихая, теплая майская ночь. Эллил чуть слышно плескался, накатывая ленивые волны на низкий берег. Было

совсем темно, лишь кое-где в траве горели звездочки светляков.

Балг, который всю дорогу тащился в хвосте отряда, гоня перед собой небольшое стадо баранов, теперь, отдав все необходимые распоряжения, подсел к костру, вокруг которого расположились ветераны Ио-Син-а-Хута — те, кто участвовал в изгнании нидхагов. Все были немного растеряны и напуганы события развивались слишком стремительно.

— Мы собрались в такой спешке и так торопились всю дорогу, что я даже не успел толком прочувствовать, что произошло, — сказал Вайл из Серой Лошади. А теперь я вижу, что нам по-настоящему придется драться и никакие хитрости не помогут. А ведь вы, господин Ки-Энду, когда затевали все это, обещали, что ни крови, ни жертв не будет…

— А тебя, между прочим, никто не заставлял, приятель, — оборвал его Балг. — Все мы добровольно пошли на это, и нечего все валить на господина Ки-Энду. Думаешь, мне не страшно?.. Меня ведь вытащили прямо из погреба — я как раз наливал пиво в кружку, — и не могу теперь вспомнить, завернул ли я кран. Так-то!..

— Вы что, перетрусили все, да? — возмутился Хайр. — Никто вас тут не держит! Можете возвращаться, мы и без вас обойдемся!..

— Мне не нравится, господин Ки-Энду, боевой дух вашего войска, неодобрительно заметил Гиор, королевский военачальник.

Ки-Энду какое-то время молчал, потом ответил негромко, не поднимая головы:

— Вы ошибаетесь… Во всем мире нет такого, чей дух был бы крепче, чем у этих людей.

Все замолчали, удивленно переглядываясь.

— Это он про нас, что ли? — шепотом спросил Вайл у Рилга из Приречья. Это у нас такой дух?..

— Не знаю, — пожал плечами Рилг. — Вряд ли. У меня так точно нет.

Когда войско двинулось в путь, до рассвета оставалось еще часа три-четыре. Этого времени им едва хватило, чтобы добраться до предместий Эллигата. В призрачном свете нарождающегося дня они увидели страшную картину: крепостные стены поднимались из серовато-бурой массы лежащих тел. Нидхаги, в своих коричневых шерстяных плащах, спали прямо на земле, кое-где горели костры; коренастые, кривоногие фигурки часовых вразвалку вышагивали между спящими. В отдалении, на западном берегу Эллила, стояло несколько шатров — там, видимо, находились предводители вражеской армии.

— По крайней мере ясно, что наши еще держатся, — с надеждой сказал Ганах, ехавший впереди вместе с Гиором и Ки-Энду, — но я почему-то не вижу никого на стенах. Впрочем, вон один появился.

На площадке надвратной башни действительно показался силуэт воина. Но уже в следующее мгновение он взмахнул руками и упал навзничь.

— Проклятие! — с отчаянием произнес Ганах. — Они подстрелили его, как куропатку! Почему наши не использует камнеметные машины?

— По-моему, ваш мелх вообще неправильно ведет войну, — сказал Ки-Энду. Я сильно опасаюсь каких-нибудь непредвиденных осложнений. Нам надо быть начеку во всем, что связано с Халгатом. Но довольно разговоров, скоро встанет солнце.

Ки-Энду остановил коня и повернулся к войску.

— Друзья! — торжественно произнес он, когда Ио-Син-а-Хут и королевская дружина, подъехав, столпились вокруг. — Сейчас начнется бой — Нам предстоит убивать, а кому-то суждено быть убитым. Но мы не имеем права отступиться: ведь если нидхагов не остановить сейчас, то они, захватив Эл-а-Ден, нападут на нашу родину — Эн-Гел-а-Син. Не падайте духом, друзья! Добро и зло вечные враги, но добро в конце концов обязательно победит! Наша первая боевая задача не так уж сложна — пробиться через лагерь спящих нидхагов к воротам и войти в крепость. Не задерживайтесь, по возможности не ввязывайтесь в длительные схватки. С нами великие дэвы! Вперед!

Ки-Энду затрубил в рог, ему ответил горн мелха Гиора, и войско поскакало к южным воротам Эллигата. Нидхаги не ожидали нападения с тыла, взоры часовых были обращены на крепость, да и те были не слишком внимательны, поскольку за минувший день воины Халгата ни разу не беспокоили их вылазками или сколько-нибудь серьезным обстрелом со стен. Когда армии Эн-Гел-а-Сина оставалось не более четверти мили до вражеского лагеря, часовые наконец заметили приближающихся всадников и подняли тревогу. Нидхаги едва начали просыпаться и хвататься за оружие, когда Ки-Энду и передовой отряд Ио-Син-а-Хута уже ворвались в их лагерь. Кони сбивали копытами растерянных нидхагов, и почти никто из них не оказывал сопротивления. Ровным строем, низко опустив копья, налетела на врага дружина эн-гел-а-синского короля. Несколько врагов было убито, остальные обратились в бегство. Но на другом берегу уже стояла несметная вражеская рать; первые лодки с нидхагами устремились к восточному берегу — на помощь отступающим. Увидев, что столь внезапно появившиеся всадники не преследуют

их и, по-видимому, желают лишь поскорей достичь ворот, нидхаги, бросившиеся было бежать, остановились по обе стороны дороги и начали обстреливать противника из луков. Но всадники мчались быстро, и вражеские стрелы редко настигали их; сама же дорога оказалась практически свободна. Не прошло и минуты, как армия Эн-Гел-а-Сина столпилась у городских ворот. Гиор со всей силы ударил древком копья по железной створке.

— Открывайте! Эн-Гел-а-Син пришел вам на подмогу!

— Привет, друзья! — раздался голос с башни у них над головами. — Сейчас открою. Лихо вы проскочили. Клянусь своей бородой, вы подоспели как раз вовремя. Нам тут туго пришлось. Только что застрелили моего товарища. Отойдите-ка от ворот, они открываются наружу. Господин мелх был очень сердит, что вы раздразнили нидхагов, ну да раз вы сами пришли нам помогать, то, конечно, он вас простит…

— Будьте любезны, поторопитесь с воротами, — крикнул Гиор. Множество нидхагов уже переправлялись с западного берега на восточный; построившись полукругом они приближались, осыпая толпившихся у стены всадников градом копий и стрел. Гиор и Ки-Энду отогнали своих людей на некоторое расстояние, чтобы дать воротам открыться; гиоровы дружинники спешились, вышли вперед и, сомкнув щиты, заслонили остальных. Часовой на башне почему-то замешкался; наконец раздался металлический лязг, и скрытые в стенах механизмы медленно раздвинули створки ворот. За ними оказалась железная решетка, между прутьев виднелась булыжная мостовая, по ней к воротам шла группа людей. Впереди шествовал мелх Халгат в блестящих доспехах, с серебряным обручем на лбу. Задрав голову, он крикнул часовому:

— Остановись! Эти люди из Эн-Гел-а-Сина предали нас. Они заодно с нидхагами.

— Что вы, господин мелх! Я же видел, как они с боем прорывались через их лагерь. Они пришли к нам на помощь!

Нидхаги с пронзительными воплями кидались на строй королевских дружинников. Некоторые, разбежавшись, пытались перепрыгнуть через заслон щитов; многие из них натыкались грудью на копья и, извиваясь всем телом, встречали смерть; но пока ратник стряхивал с копья одного нидхага, на него сверху обрушивались другие. Дружинники попятились, тесня своих к воротам. У решетки началась давка. Ужас охватил бойцов Ио-Син-а-Хута. Широко раскрытыми глазами глядели они на ревущую толпу кровожадных нелюдей и, бессильные что-либо сделать, ожидали неминуемой гибели. Ки-Энду ничем не мог помочь своим воинам — его конь был прижат к железным прутьям и

лишь отчаянно взбрыкивал ногами.

— Клянусь десницей Таргала и мудростью Элиара, — вскричал Ки-Энду, — это ты, Халгат, предатель!

Шум битвы был ясно слышен по ту сторону решетки. Спутники мелха в чем-то яростно убеждали его, указывая на гибнущее у ворот войско. Наконец он махнул рукой и крикнул наверх:

— Поднимай!

Нападающие тем временем прорубились сквозь строй воинов Гиора; нидхаги, люди и кони смешались в один шевелящийся кровавый клубок. Казалось, еще минута, и все будет кончено — бурлящее море озверевших нидхагов поглотит горстку людей у стены. Но вот решетка медленно поползла вверх, обезумевшие всадники потоком устремились в город. Кони натыкались друг на друга, спотыкались, люди перелетали через их головы и падали на мостовую, в то время как десяток воинов из последних сил сдерживал ожесточенный натиск врага.

— Закрывай! Закрывай быстрей! — крикнул Халгат, отойдя в сторону с дороги.

— Все вошли? — спросили сверху.

— Всех пускать не обязательно, — усмехнулся мелх, — нидхагов можно оставить снаружи.

Решетка упала с грохотом, едва не придавив замешкавшегося Балга. Он только что дровяным топором разрубил голову нидхагу и ошалело смотрел на свои забрызганные кровью руки.

Оглянувшись, Ки-Энду увидел, что не все успели войти — схватка продолжалась по ту сторону решетки. Там оставалось пять или шесть дружинников и Вайл из Серой Лошади. Никто не мог теперь помочь им, и Ки-Энду, бессильно опустив руки, смотрел, как их убивают…

Наконец все было кончено. Нидхаги еще кричали что-то, просовывая свои кривые мечи между прутьями решетки, потом отошли, оставив перед воротами груду мертвых тел.

Все стихло. Солнце вышло из-за туч, осветив зубчатые стены и грозные башни. В Эллигате начинался третий день осады.

Глава 13
СОЛНЦЕ

В приемном зале мелх-а-бета было жарко и душно. Полуденное солнце заливало его своими горячими лучами. К счастью, через разбитое окно иногда пробивался в помещение прохладный ветерок: слугам было недосуг вставить стекло, которое Бхарг выбил щитом во время бегства. За столом, друг против друга, сидели Ки-Энду и Халгат.

— Не будем сейчас сводить счеты, — сказал Ки-Энду, — Нам обоим есть в чем упрекнуть другого… Я пришел, чтобы обсудить план действий. Я осмотрел укрепления, видел твоих воинов — у тебя осталось человек триста, не так ли? — и нашел, что с тем, что у нас есть, мы вполне можем снять осаду. Если ты согласишься выслушать мой план…

— Когда же ты успел так подробно все разведать, о славный мелх? Ты что, совсем не отдыхал после битвы и бессонной ночи? Я весьма озабочен тем, что ты так себя переутомляешь.

Ки-Энду поморщился.

— Тунам оставь свои заботы! Слушай. Вот на чем основав мой план. Армия нидхагов разделена Эллилом на две части. Меньшая стоит на восточном берегу, большая — на западном. Мосты есть только внутри крепости, поэтому переправляться с берега на берег нидхаги могут лишь на лодках, которых у них немного. Уничтожив лодки, мы полностью разобщим две половинки вражеской армии…

— Послушай, мелх Ки-Энду, — сказал Халгат, — ни к чему все это. Я уже предпринял вылазку — всего одну, в первый день осады. Это стоило мне половины войска. Здесь мы в безопасности. Эллигат абсолютно неприступен. Провизии пока хватает. Подождем, пока ситуация не изменится или не придет какая-нибудь серьезная помощь.

— Кому, нидхагам? Им она, вернее всего, придет и скоро. Ты же отказался послать за помощью. Нас известил случайно спасшийся боец из отряда, который ты отправил на смерть. Не надо водить меня за нос, Халгат. Я вижу тебя насквозь.

Тонкие губы Халгата растянулись в злобной усмешке:

— Лучше держи свои домыслы при себе, друг. В этом городе пока командую я. Все здесь доверяют мне и знают, что я безгранично предан дэвам и народу. Ты просто жалкий щенок по сравнению со мной. Не серди меня, Ки-Энду, советую тебе ради твоего же блага.

— Я знаю, что твои люди тебе верят, — сказал Ки-Энду, с трудом сдерживая гнев. — Потому я и пытаюсь договориться с тобой. Но тебе не кажется, что ты слишком самонадеян? У тебя всего три сотни воинов, а у меня здесь четыре с половиной. Стоит ли тебе со мной ссориться?

Глаза Халгата сузились, рука его потянулась к веревке звонка. Ки-Энду, усмехнувшись, достал рог и положил его перед собой на стол.

— Не спеши! Я не так наивен, как ты думаешь — Здесь под окнами два десятка моих людей. Если ты позвонишь, я дуну вот в это, и тогда…

Халгат опустил руку и недобро рассмеялся.

— Не будем ссориться, Ки-Энду. Наши разногласия — пустяк по сравнению с делом защиты отечества. Готовь свою операцию. Я дам тебе и катапульты, и корабли, если они понадобятся. Но людей своих я не вправе заставить участвовать в этой затее.

— С нами пойдут только добровольцы.

— Ну разумеется — Удачи тебе, друг.

Спустя час после разговора Халгат собрал своих воинов на площади перед мелх-а-бетом.

— Храбрые защитники Эллигата, — обратился он к войску. — Я позвал вас, чтобы посоветоваться, ибо никому я не доверяю так, как вам, мои доблестные воины. Мы беседовали с Ки-Энду, мелхом вновь прибывшего войска, и у нас с ним возникли разногласия. Я считаю, что мы должны оборонять крепость и не выходить за ворота. Здесь нам ничто не угрожает, а результаты нашей вылазки вы помните: четыреста человек погибло, а враг отброшен не был. Правда, Ки-Энду считает, что это я виноват во всем — я, мол, послал Фунгала на верную смерть.

Халгат сделал паузу, давая возможность воинам выразить свое мнение. Из толпы донеслись возгласы: «Неправда! Халгат храбро сражался! Врагов было слишком много! Халгат не виноват!» и даже: «Долой Ки-Энду!»

— Не судите его слишком строго, — продолжал мелх. — Такой опытный полководец имеет право на собственное мнение. Ведь это он выгнал нидхагов из Ио-Синских гор. Ему принадлежит честь разжигателя войны — Тише, друзья.

Когда смолкли возмущенные крики воинов, Халгат продолжил речь.

— Ки-Энду хочет сделать еще одну вылазку. Он считает, что имеющимися силами мы можем разбить противника и отбросить его обратно в Лес. Я долго пытался отговорить его от этой безумной затеи. Я приводил все возможные доводы — и пусть никто не говорит потом, что это я послал его на гибель, — но,

увы, все было впустую. Ки-Энду продолжал упорствовать, и мне пришлось отступить. Вечером он поведет своих людей в бой. Мы поможем ему дадим корабли и будем обстреливать врага со стен. Если кто-нибудь из вас захочет присоединиться к его отряду, я не стану вас задерживать. Но я надеюсь, что здравый рассудок в вас возобладает, и вы не станете ввязываться в это безнадежное дело. Скажите, друзья, прав ли я, что не посылаю вас в бой вместе с пришельцами?

— Прав! — крикнул один из воинов. Еще несколько голосов поддержали его.

В этот момент Ганах, ездивший в Эн-Гел-а-Син, поднял руку.

— Дайте мне слово!

Собравшиеся притихли.

— Друзья! — начал Ганах. — Это я призвал Ки-Энду и его людей к нам на помощь. Я видел, как они откликнулись на мой призыв, — не раздумывая, не сомневаясь, они помчались в Эллигат, едва узнали о нашей беде. Быть может, они и совершили ошибку, когда первыми напали на нидхагов и тем самым развязали войну. Но сколько же можно было терпеть бесчинства этих нелюдей? Если жители Эн-Гел-а-Сина и виноваты, то они готовы кровью искупить свою вину. Я участвовал в битве у южных ворот. Я видел, как сражаются эти люди. Поверьте моему слову — на них можно положиться. Ки-Энду и Гиор — хорошие полководцы, они не поведут своих ратников в бой, если дело действительно безнадежно. Я доверяю им и пойду с ними. Надеюсь, что многие из вас поступят так же.

Слово взял Синлаг, часовой, открывавший ворота армии Эн-Гел-а-Сина.

— Вот что я хочу сказать, ребята. Чего мы с вами тут дожидаемся? Сидим в безопасности, в то время как нидхаги все вокруг жгут и опустошают. Вы скажете — мы обороняем Эллигат. Но должны-то мы всю страну защищать. Надо идти с пришельцами на вылазку. Опасно? Конечно, опасно. Только, по-моему, лучше нам в бою погибнуть, чем сидеть тут, как трусам, за высокими стенами! Теперь про пришельцев. Правильно говорит Ганах: пусть они виноваты, но они же сами пришли сюда помогать нам — за одно это их надо простить. И потом, скажу вам по секрету, мы с ними квиты. Есть и у нас перед ними вина — когда они подъехали, мы долго не открывали ворота — господин мелх по ошибке решил, что это враги нападают, ну, словом, вышла заминка. И пока мы соображали, что к чему, нидхаги больше полусотни этих бедняг перебили. Так что нечего нам поминать свои обиды и спорить, кто в чем виноват. Был мир — мы бездельничали, теперь война пришла, и наше дело — драться,

а не отсиживаться в крепости. В общем, пойдемте-ка, ребята, в бой вместе с Ки-Энду и его войском! — Верно! — кричали воины. — Хватит нам ждать у моря погоды! Пора идти в бой!

Халгат печально покачал головой:

— Что ж, друзья, дело ваше. Вы вправе поступать, как хотите. Но знайте: я не в ответе за то, что с вами будет, если вы пойдете с пришельцами. Более того, я должен сложить с себя все полномочия. Пусть Ки-Энду командует здесь всем до завтрашнего утра. И если после боя кто-нибудь из вас останется жив, пусть он вспомнит, как ваш верный, мудрый мелх отговаривал вас…

Сказав это, Халгат, не оборачиваясь, поднялся по ступеням мелх-а-бета и захлопнул за собой дверь.

После того, как Халгат временно уступил свою власть Ки-Энду, в крепости немедленно закипела работа. Син-Оглан и Хайр вместе с десятком воинов Ио-Син-а-Хута обошли дома, приютившие беженцев, — среди них оказалось немало мужчин, которые согласились принять участие в битве. Оружия на городских складах хватило на всех, и к вечеру под началом Ки-Энду находилось, считая эллигатский гарнизон, около двенадцати сотен воинов.

Ган-а-Ру, назначенный адмиралом и получивший в свое распоряжение сто человек, отправился в порт. Они спустили на воду четыре быстроходных корабля, установили на каждом по две легкие катапульты и натаскали камней. Новоиспеченный адмирал с опаской поднялся по шаткому трапу на палубу и, обойдя внушительную груду булыжников, принялся рассматривать метательную машину.

— Остановись, — приказал он воину, принесшему еще один камень, — а то вся эта штука потонет, и река выйдет из берегов… Дай-ка мне этот-булыжник.

Ган-а-Ру зарядил катапульту, покрутил ручку, сжав до отказа главную пружину и, недоуменно пробормотав: «А как стрелять-то?», принялся шарить в механизме. Что-то щелкнуло, и булыжник со свистом унесся вдаль.

— Ой!.. — присел от неожиданности Ган-а-Ру. Послышался звон разбитого стекла. — Это называется камень в свой огород… Интересно, там никого не ушибло?

Вскоре выяснилось, что камень попал в мелх-а-бет, выбив еще одно окно в приемном зале, что создало приятный сквознячок и окончательно избавило Халгата от необходимости проветривать помещение.

Гиор руководил перестановкой сил в крепости. Большая часть камнеметных машин с башен и стен западного берега была перенесена на восточный, а также на башни над мостами. Сюда

же были поставлены усиленные отряды стрелков.

Эалин привела два десятка женщин к мелх-а-бету, несмотря на протесты слуг, они заняли дом и через несколько часов превратили второй этаж в госпиталь. Туда были перенесены раненые, и их тотчас окружили внимание и заботой.

Балга назначили поваром. Силами шести эллигатских трактиров ему удалось организовать грандиозный обед на пять тысяч персон. Городские кладовые заметно опустели, но Балг сказал, что это не беда — все равно завтра осада будет снята. Чтобы на всякий случай пополнить запасы, половина действующей армии была отправлена на реку с неводами; пока они вычерпывали из Эллила всю рыбу от стены до стены, остальные выше ее чистили. «Ничего, — приговаривал Балг, — поработаете, зато накормим этих несчастных беженцев, они уже третий день голодают».

Ки-Энду еще не знал, на какое время назначить начало операции, так как было неясно, когда будут закончены приготовления. Вопрос этот был разрешен самым неожиданным образом. Часа за два до заката над городом появился голубь; сделав несколько кругов, он опустился на центральную площадь. К ноге его был привязан кусок пергамента. Послание передали Ки-Энду. Тот прочитал его вслух перед собравшимся народом:

> *«Мелху Халгату и всем защитникам Эллигата от мелха Геласа привет. Узнав о нашествии нидхагов, мы, жители восточного Эл-а-Дена, собрали большую рать. Тысяча воинов готова прийти вам на подмогу. Мы стоим лагерем в десяти милях к северу от города. Врагу об этом, как мы надеемся, ничего не известно. Мы планируем сегодня в полночь напасть на нидхагов; если возможно, поддержите нас из крепости и будьте готовы открыть северные ворота, чтобы впустить нас».*

— Птица принесла нам благую весть, — сказал Ки-Энду, закончив чтение. Теперь все сразу стало ясно: нам надо выступать за полчаса до полуночи.

— Послушайте, господин Ки-Энду, — подал голос Рилг из Приречья, — как же мы будем сражаться в темноте? Луны-то, похоже, не будет — вон какие тучи нагнало.

Ки-Энду задумался, почесал в затылке и сказал неуверенно:

— Есть у меня одна идея, только вот сможем ли мы ее осуществить? В Рагнаиме я видел маяк — это такой яркий светильник, указывающий путь морякам. Мы могли бы устроить такие же маяки на башнях, только для этого нужно достать зеркала, как можно больше зеркал.

— У Халгата в мелх-а-бете их полным-полно, — сказал Ганах, — ив других домах наверняка есть. Мы с товарищами сейчас принесем их.

Ки-Энду с несколькими помощниками направился в городскую кузницу. Жители Эллигата нанесли туда множество зеркал самых разнообразных размеров и форм. Ки-Энду принялся за работу, и через три часа воины водрузили на башни северных и южных ворот большие, по два человеческих роста в диаметре, круглые предметы, похожие на неглубокие чаши, собранные из зеркальных осколков на металлическом каркасе. Туда же подняли запас дров и сколоченные из досок щиты, которые должны были скрыть до времени огонь от нидхагов.

Солнце зашло, и осажденный город погрузился во мрак. Стих шум во вражеском лагере. Низкие тучи затянули все небо; ни звезд, ни луны не было видно. Медленно разгоралось красноватое зарево на высоких надвратных башнях. Пятьсот воинов безмолвно стояли у южных ворот; Ки-Энду нервно сжимал в руке рог, поглядывая то на небо, то на озаренную зловещим сиянием вершину башни, то на песочные часы. Время, казалось, замедлило свой бег: песчинки сыпались так лениво: словно хотели оттянуть неминуемую битву.

Наконец условленный час настал. Ки-Энду затрубил, и с северо-запада тотчас же прилетел ответный сигнал — Гиор со своими пятью сотнями стоял наготове в противоположном конце крепости. Железные ворота раздвинулись, и Ки-Энду, в последний раз окинув взглядом свое молчаливое войско, рванулся с места. Всадники помчались следом; громко топоча башмаками по мостовой, бежали сзади пешие ополченцы. Впереди из темноты послышались тревожные, тягучие звуки нидхагских рожков, замелькали во мраке сгорбленные силуэты. Сбившись неровным строем, направив на людей копья, кровожадные нидхаги подпрыгивая в неистовстве, выгибали спины, хищно скалились, предвкушая кровавое буйство, и рычали: «Шрак! Тэт фра дейр! Смерть им!»

Внезапно яркий свет залил все вокруг: воины на башне убрали заградительные щиты, и точно сфокусированный луч ударил прямо в глаза передовому отряду нидхагов. Жутко взвыв, ослепленные нелюди стали жмуриться, закрывать руками лица, многие заметались, как безумные, в луче света. Нидхаги, не видя, кто перед ними — свой или враг, насмерть разили друг друга, забыв от страха обо всем на свете, кроме неистребимой жажды крови, навеки вживленной тунами в их черные души. Безмолвно и стремительно налетел Ио-Син-а-Хут на растерявшегося противника. Все глубже врезались всадники во вражеский стан, и

огненный эллипс двигался перед ними, освещая им путь. Бегущие сзади пешие воины ловили и убивали немногих разбегающихся нидхагов. Поле было завалено трупами.

Но чем больше удалялось войско Ки-Энду от крепости, тем слабее и рассеяннее становился свет маяка. Вот уже нидхаги не разбегаются перед всадниками; некоторые из них оборачиваются и, прикрывая глаза ладонью, пытаются обороняться… Продвижение войска замедлилось; несколько ратников упали, пронзенные нидхагскими копьями, посланными из темноты. Слева вновь протяжно затрубили рожки, в воздухе засвистели стрелы.

— Стойте! — крикнул Ки-Энду своим воинам. — Надо поворачивать! Мы слишком далеко забрались.

Всадники развернули коней и поскакали к воротам; теперь маяк уже не мог им помочь, и они скакали во тьме — к счастью, воины на башне догадались снова поставить заградительные щиты, чтобы не слепить им глаза. Увидев впереди какое-то движение, Ки-Энду решил, что это его отставшие пехотинцы, и велел им поворачивать назад. В ответ донеслась рычащая брань, и на всадников обрушился дождь стрел и копий. По приказу Ки-Энду отряд свернул направо, но там тоже были нидхага… Увидев, что схватки не избежать, воины поскакали прямо на врага, и во мраке закипел бой. Не видя почти ничего, ратники разили наугад, и вскоре все так смешалось, что никто уже не мог сказать, где свои, а где врага, и что они делают — отступают ли, наступают или просто кружатся на месте. Ки-Энду время от времени трубил в рог, и воины отвечали ему криками, чтобы дать понять, где они находятся, но с каждым разом ответов было все меньше. Многие воины окончательно потеряли своих. Те из них, кому удалось выбраться из свалки, пытались поодиночке добраться до ворот, но сделать это было практически невозможно, так как нидхага рыскали повсюду в поисках жертв. Ки-Энду понял, что через несколько минут его отрад попросту перестанет существовать, рассеявшись в темноте. Зарубив кинувшегося на него сбоку нидхага, Ки-Энду громко крикнул:

— Собирайтесь сюда все, кто меня слышит! Я придумал, как нам спастись!

Едва раздался сигнал к началу битвы, решетка, перегораживавшая реку под южным мостом, поднялась, пропуская потоки воды и огромные пуки водорослей. Из-под арки выскользнули два корабля (два других в это время выплывали из-под северного моста). Проходя под поднятой решеткой, корабли попали под дождик, и Ган-а-Ру, стоявший у руля на переднем судне, поморщившись, заявил, что это их боевое крещение, и им

теперь не страшно утонуть, так как это всего лишь продолжит начавшийся процесс промокания. Гребцы изо всех сил налегали на весла, и корабли быстро и почти бесшумно скользили по черной воде. На правом, западном берегу, не было заметно никакого движения, тоща как слева мелькали какие-то тени. Оттуда, с востока, доносился стук множества копыт, топанье башмаков и протяжные звуки нидхагских рожков, трубивших тревогу. Неожиданно вспыхнул огонь на башне, и тотчас же страшный вой поднялся во вражеском лагере на левом берегу.

— Смотрите-ка, как на них подействовало, — обратился Ган-а-Ру к стоящему рядом с ним эллигатскому воину. — Должно быть, они решили, что чародей Ки-Энду вытащил из-под земли солнце, чтобы осветить путь своему войску.

— Солнце? А что, я бы и сам мог так подумать! — ответил воин. — Ваш мелх и вправду творит чудеса.

— Ки-Энду у нас — голова, — сообщил Ган-а-Ру, подруливая к берегу. — Эй, ребята, пора! Смотрите, не простудитесь!

Стоявшие наготове у борта люди — человек пятнадцать — попрыгал» в воду, быстро выбрались на сушу и принялись отвязывать лодки и отталкивать их от берега. Оставшиеся на корабле зацепляли их баграми и подтаскивали к корме. Быстро справившись со своим делом, продрогшие, мокрые люди вскарабкались обратно на палубу. Дружно ударили весла, и корабль стал медленно выплывать на середину реки, таща за собой вереницу лодок.

На берег тем временем набежала целая толпа нидхагов: они спешили на помощь своим, что вели бой по ту сторону Эллила. Не найдя лодок, они недоуменно бегали туда-сюда вдоль воды, потом наконец кто-то заметил корабль. Три сотни глоток яростно взревели что-то наподобие «Рса дейр, ворр-р!», и в отплывающих полетели стрелы. «Сейчас, сейчас, — пробормотал Ган-а-Ру, — минутку!» Выйдя на середину, корабли развернулись бортами вдоль берега и бросили якоря. Воины навели все четыре катапульты на столпившихся у воды врагов и открыли стрельбу. Первые же выстрелы оказались удачными, прорубив глубокие бреши в самой гуще беснующейся толпы. Уже после пяти залпов нидхаги поспешно отступили в темноту, оставив на земле десятки искалеченных тел.

Воспользовавшись передышкой, Ган-а-Ру приказал поднять якорь, и корабль оттащил захваченные лодки в город. Там уже стояло штук двадцать таких же трофеев — северная флотилия справилась со своей задачей не хуже, чем южная. В городе светились почти все окна — никто не спал, ожидая исхода битвы; при этом улицы были совершенно безлюдны и стояла

непривычная тишина…

Корабль вернулся на боевые позиции. Там было по-прежнему спокойно нидхаги пока не пытались форсировать реку. Воины со второго судна, все так же стоявшего на якоре, сообщили адмиралу, что за время его отсутствия ничего существенного не произошло. «Не нравится мне это затишье, — нахмурился Ган-а-Ру. Впрочем, шум боя на восточном берегу, по-видимому, приблизился теперь были отчетливо слышны крики людей, хриплый рев нидхагов и звон оружия. Через некоторое время из темноты, где-то совсем близко, раздался знакомый голос:

— Ру! Эй, Ру! Где ты? Забери нас отсюда, будь другом!

— Хан дэвин! Никак это ты, Ки-Энду? Какими судьбами? Что ты там делаешь?

— Слишком много вопросов! Скорее возьми нас на корабль, а то будет поздно!..

Корабли подошли к берегу, и остатки отряда Ки-Энду — все, кого ему удалось собрать в кромешной тьме и сумятице боя, не более сотни измученных воинов, — поднялись на палубу. Посадка еще не была закончена, когда налетели нидхаги, и матросам Ган-а-Ру с трудом удалось задержать их залпами катапульт, пока последние бойцы взбирались на борт. Лошадей пришлось оставить, к великому сожалению Ки-Энду и всех остальных, — для них все равно не хватило бы места.

Корабли двинулись к городу. Ган-а-Ру подошел к Ки-Энду и, мрачно глядя ему в глаза, спросил:

— Где остальные? Ки-Энду отвел взгляд.

— Не знаю. Я растерял всех воинов в темноте. Одна надежда, что они сумеют вернуться поодиночке, благо нидхаги не гуллы и сейчас так же слепы, как и мы. Не смотри на меня так, Ру, я не привык видеть тебя таким угрюмым.

Ган-а-Ру горько усмехнулся и не ответил.

— Узнать бы, что происходит у нас на северном флоте, — сказал Ки-Энду, видя, что молчание затянулось, — пришел этот мелх Гелас со своими ополченцами или нет?

— Пришел, должно быть, раз обещал. Во всяком случае, в последние полчаса на восточном берегу стало гораздо тише — вероятно, нидхаги перебрасывают свои войска на север. Что ты собираешься делать?

— Вернуться к воротам, зажечь маяк и снова пойти в атаку. Со светом дела у нас шли гораздо лучше, чем в потемках… Подожди-ка… Что это за звук?

В наступившей тишине был ясно слышен грохот, доносившийся с северо-запада, со стороны города.

— Я уже давно прислушиваюсь, — сказал Ган-а-Ру. — Видишь

ли, нидхаги с западного берега остались не у дел. Насколько я понимаю, они решили, чтобы хоть как-то себя занять, выломать западные ворота и захватить Эллигат. И это им легко удастся, ведь у нас на той стене не осталось ни людей, ни камнебросалок.

— Проклятие! Как я мог не предусмотреть этого? Скорее в город!..

Корабли прошли под мостом и сразу же пристали к западному берегу. Ки-Энду немедленно разослал гонцов во все концы крепости: было приказано перекрыть Эллил решетками, снова разжечь на башнях костры (без отражателей), чтобы указывать возвращающимся воинам дорогу домой. Люди, стоявшие на восточной стене, получили приказ переходить вместе с катапультами на западную; гонцы были посланы также в поле к северу от Эллигата — им было велено разыскать сражающиеся там отряды Гиора и Геласа и вернуть их в крепость. Ворота северные и южные — должны были оставаться открытыми, пока не возвратятся последние воины или пока противник не приблизится вплотную к крепости.

Разослав гонцов, Ки-Энду повел остатки своего отряда к западным воротам. Ган-а-Ру со своими людьми отправился следом.

Поднявшись на надвратную башню, они встретили там всего десяток измотанных воинов — расстреляв все камни из своей единственной катапульты и истратив все стрелы, они уже отчаялись что-либо сделать и лишь с ужасом ждали, когда не выдержат ворота.

Ки-Энду посмотрел вниз. В темноте он с трудом разглядел громадную осадную машину, вокруг которой суетилось множество нидхагов. Машина стояла у самых ворот и ритмично, раз за разом, била в них тяжелым железным тараном. От каждого удара башня содрогалась, но ворота пока оставались невредимыми. Ратники принялись обстреливать нидхагов из луков, но было еще слишком темно, и потому стрелы редко достигали цели. Тогда Ки-Энду приказал воинам носить камни для катапульты.

— Надо хоть что-то делать, — сказал Ган-а-Ру, — ничто так не лишает людей мужества, как бездействие, пусть даже вынужденное.

Небо на востоке понемногу становилось светлее — скоро должно было взойти солнце. Вражеская машина продолжала методично бить по воротам; снизу сообщили, что железные засовы погнулись, но створки уперлись в решетку и пока держатся. «Вода и камень точит… — заметил Ган-а-Ру. — В конце концов их все-таки выломают».

Наконец прибыли катапульты с восточной стены; пока их при помощи блоков поднимали и устанавливали на башне, прибежал запыхавшийся гонец от мелха Гиора. Взобравшись на площадку, он разыскал Ки-Энду и радостно сообщил, что на севере одержана полная победа.

— Гелас подоспел как раз вовремя! И маяк нам очень помог. Мы окружили нидхагов и разбили их наголову; потом прошли вдоль восточной стены до самых южных ворот… Впрочем, я вижу, господин мелх, что вас не радует моя весть. Нам уже сообщили, что нидхаги западного берега пошли на штурм, поэтому Гиор и Гелас со всем войском спешат сюда. Я думаю, они уже в городе. Надеюсь, что серьезной опасности нет — ведь Эллигат, как известно, неприступен.

Снизу раздался громкий скрежет и грохот обваливающихся камней.

— Все, кто не занят с катапультами, — вниз! Скорей! — крикнул Ки-Энду, и воины помчались по крутой лестнице к подножию башни. Оказалось, что не выдержала каменная кладка стены в том месте, где к ней крепились воротные петли. Лицевой слой камней обрушился, и искореженная левая створка ворот упала на землю. Теперь только продавленная решетка стояла на пути разъяренных вражеских полчищ.

Встало долгожданное солнце, но то, что увидели в его свете защитники Эллигата, наполнило отчаянием их отважные сердца — нескончаемое море косматых нидхагских голов да страшная машина, без устали работающая своим тараном…

Ки-Энду еще не успел принять никакого решения, когда возникла новая опасность — сверху крикнули, что нидхаги принесли длинные лестницы и лезут по ним на стены. Это означало, что теперь уже поздно применять камнеметные машины, которые, к тому же, еще и не готовы. Ки-Энду понял, что нидхаги скоро ворвутся в крепость, и приказал строить баррикады и завалы на всех улицах.

Вскоре подошел Гиор со своим войском и Гелас, предводитель ополченцев восточного Эл-а-Дена. Это был небольшого роста старичок с длинной бородой. Несмотря на его почтенный возраст, жители края единодушно избрали Геласа своим вожаком — он пользовался всеобщим уважением как самый мудрый и образованный человек в округе. Вернулись и многие воины из отряда Ки-Энду, потерявшиеся в темноте. Теперь в Эллигате было не менее двух тысяч бойцов, однако, по сравнению с неисчислимыми ордами нидхагов, это было ничтожно мало.

Ки-Энду послал несколько человек, чтобы те обежали все дома и велели женщинам, детям и старикам поскорее уходить из

города на восток. «Пока это еще возможно, — сказал Ки-Энду. — Не зря же мы пролили столько крови, очищая восточный берег».

Дополнительные отряды воинов были посланы на стены — отбиваться от лезущих по лестницам нидхагов. К оставшимся внизу Ки-Энду обратился с краткой речью:

— Я благодарю вас всех за мужество и доблесть, проявленные вами в бою, сказал он. — Вы храбро сражались и честно выполнили свой долг перед дэвами и людьми. Теперь каждый из вас имеет право выбрать: погибнуть, до конца защищая Эллигат, или уйти, пока не поздно, на восток — путь еще свободен. Я никого не задерживаю и не принуждаю… А сейчас все, кто остается — на баррикады!

В это время железная решетка прогнулась под ударами тарана; ее нижние прутья, пропахав в земле глубокие борозды, приподнялись, и нидхаги стали по одному пролезать через образовавшуюся щель в город; бойцы Ио-Син-а-Хута бросились к воротам, и там началась жаркая битва. В это же время закипел бой на стенах. Нидхаги и люди, сцепившись в схватке, падали вниз и разбивались о камни мостовой.

Внезапно воины услышали сзади негромкий, но твердый голос Халгата:

— Теперь вы видите, к чему привела безумная затея Ки-Энду! — сказал он, обращаясь к войску. — Вчера вы не послушали моего совета. Надеюсь, что сейчас вы, наконец, поняли, кто из нас был прав, и больше не будете противиться моей воле. Приказываю прекратить бесполезное сопротивление и немедленно уходить из города. Всем следовать за мной к южным воротам. Пусть Ки-Энду и его люди прикрывают наш отход, это будет только справедливо.

— Уходите! — крикнул Ки-Энду, оборачиваясь. — Уходите все, кто хочет! Мы вас прикроем!..

Халгат повернулся и зашагал по переулку в сторону моста. Среди воинов, строивших баррикады, возникло замешательство. Люди Геласа, считавшие Халгата единовластным законным правителем страны, готовы были подчиниться его приказу; в то же время они видели, что остальные ратники не уходят и продолжают работу.

— Что здесь у вас происходит? — обратился Гелас к одному из воинов эллигатского гарнизона. — Разве между господами Халгатом и Ки-Энду были какие-то разногласия?

Однако ему не суждено было получить ответ. Железная решетка с лязгом и грохотом обрушилась на мостовую; сверху полетели выломанные из стены камни и нидхаги диким стадом ворвались в город. Ио-Син-а-Хут и дружинники Гиора вступили в

смертельный бой. Им на помощь поспешили остальные защитники крепости; но натиск был слишком силен, и воины, терпя огромные потери, все дальше отходили от ворот…

В этот роковой миг откуда-то с севера донесся ясный и чистый звук серебряных труб. Люди, стоявшие на надвратной башне, ликующе воздев к небу руки, закричали все разом:

— Мы спасены! Дэвы с нами!

Услыхав это, нидхаги растерялись, сникли и той же дикой толпой бросились вон из крепости. Теперь отступающие превратились в преследователей и мчались следом за врагом.

Выйдя за ворота, Ки-Энду увидел три или четыре десятка золотоволосых, светлоликих всадников на белых конях; высоко подняв ослепительно сверкающие мечи, они приближались к Эллилу с северо-востока. Вслед за дэвами скакала небольшая группа людей.

Напрасно нидхагские мелхи размахивали кривыми мечами и грозно рычали, пытаясь одержать свое разбегающееся войско; их солдаты мчались со всех ног к Великому Лесу. Сражавшиеся на стенах побросали оружие и сдались.

Достигнув реки, кони дэвов не останавливаясь, вошли в воду и поплыли; люди же, приехавшие с ними, направились в город. Вот дэвы выбрались на берег и, проскакав мимо выломанных западных ворот, устремились в погоню за бегущим врагом. Ликующие защитники Эллигата приветствовали их восторженными криками. Воины прекратили погоню — было ясно, что дэвам не понадобится помощь…

Ки-Энду стоял посреди поля и, улыбаясь счастливо и чуть-чуть растерянно, смотрел вслед лучезарным всадникам. Вдруг сзади раздался звонкий женский смех.

— Братец! Что же ты нас не встречаешь? Мы с ног сбились, тебя разыскивая!

— Мирегал! — Ки-Энду обернулся, глаза его светились счастьем победы и радостью долгожданной встречи. Перед ним стояли его друзья — растрепанные, счастливые, смеющиеся — Гил, Энар, Бхарг и Мирегал.

Глава 14
БЫК

Шумной и радостной была встреча друзей, словно после долгой разлуки, ибо хоть они всего неделю как расстались, мир за это время изменился так сильно, будто прошла вечность. Мирегал без умолку болтала, обнимая брата. Все смешалось: и слезы, и смех, и сбивчивые рассказы о пережитых приключениях, и поздравления с победой. Гил тоже полез обниматься с Ки-Энду, требуя, чтобы тот немедленно рассказал о битве, и как они сюда попали, и как дела дома, и как поживает Халгат, и не собирается ли он снова их арестовывать, потому что у Мирегал только-только зажил нос, который ей разбил этот мерзавец стражник, да и то зажил только потому, что Ану ее вылечил, а дэвы — такой удивительный народ, они такие добрые и мудрые, им стоит провести рукой, и все раны сразу исчезают, словно их и не было, а еще нам подарили в Асгарде чудесные мечи, ведь мы только что из Асгарда, мы весь день и всю ночь скакали сюда, и еле-еле успели, а то бы еще неизвестно…

Энар пытался их урезонить: «Ну что вы набросились на беднягу Ки, он же устал после битвы, на нем лица нет, дайте ему передохнуть. Ох, молодежь…» — но и он не мог скрыть своего восторга и даже похлопал Ки-Энду по плечу. Бхарг, причесанный, умытый, аккуратно одетый — словом, совершенно преобразившийся Бхарг, — молча стоял в стороне и только широко улыбался, скаля начищенные мелом зубы.

— Спасибо, дорогие мои, спасибо! Простите меня, радость встречи отняла у меня последние силы — я ведь две ночи не спал, все бегал да сражался, был даже мелхом эллигатским! Раз вы тоже не спали сегодня, я думаю, нам лучше всего сейчас пойти немного отдохнуть. Я остановился тут в доме одной женщины. Ее муж и сын погибли в первый день войны. Этот грязный гулл Халгат послал их на верную смерть. Специально послал, я уверен, хоть и не могу доказать. Так что места в доме хватит на всех.

— Ки, а много людей погибло? — спросил Гил. — Наши все живы? Мы видели Балга, и Ру, и Рилга, а остальные?

— Не знаю, Гилли. У меня не было времени это выяснить. Давай пока отложим этот разговор.

Путешественники тоже были порядком измучены — шутка ли, больше суток в седле, — и теперь, после встречи с Ки-Энду, усталость особенно дала о себе знать. Гила неудержимо потянуло ко сну. Войдя в город, Ки-Энду подобрал две небольшие дощечки

и острым обломком камня стал царапать на них рисунки-пиктограммы.

— Нужно отдать последние распоряжения, — объяснил он друзьям.

Надпись на первой дощечке гласила: «Всем участникам битвы строжайший приказ: немедленно идти спать. Мелх Ки-Энду». Вторая содержала следующий текст: «Халгат, только ты и твои слуги не сражались сегодня ночью, поэтому сейчас извольте заняться приготовлениями к приему дэвов. Если ты помешаешь отдыхать кому-нибудь из воинов, я выпущу из тебя потроха. На этом твои полномочия тебе возвращаю. Ки-Энду».

Поймав двух мальчишек, Ки-Энду вручил им по дощечке и объяснил, кому передать.

— Ну, теперь все. Пойдем.

Они свернули налево и, пройдя четверть мили, достигли северного моста. Здесь была одна из многочисленных лестниц, ведущих на стену.

— Ой, — сказала Мирегал, — я так хочу подняться и посмотреть на город сверху. Мы же успеем выспаться, ну правда, Ки?..

Ки-Энду вздохнул, но не смог ей отказать, и они вскарабкались по крутым ступеням. Наверху была узкая, в пять локтей дорожка, ограниченная снаружи прямоугольными каменными зубцами высотой в человеческий рост. Через щели-бойницы был виден убегающий вдаль Эллил, поле и полоска леса на горизонте. Бхарг последним поднялся на стену. Он хмурился и шагал неуверенно, словно чего-то опасаясь.

— Что ты, Бхарг?.. — обратилась к нему Мирегал. — Ты очень устал, да?

— Что-то мне не по себе. Как будто знобит немного, — нидхаг отвел взгляд.

— Посмотрите-ка сюда! — встревожено сказал Энар, внимательно гладя в бойницу. — Что-то странное происходит с рекой. Я никогда такого не видел. Везде вода спокойная, а в одном месте волны и водовороты. И это место движется — Оно приближается в нам!

— Правда, — пробормотал Гил. — Что же это может быть?

— Похоже, как будто под водой перемещается какой-то очень большой предмет, — сказал Ки-Энду.

— Наверное, кит! — беспечно предположила Мирегал.

— Радость моя, — киты в реках не водятся, — нахмурился Гил. — Они живут только в море.

— Ну и что. Может, он случайно перепутал. Может, это глупый кит — забыл, что ему надо жить в море, и приплыл сюда.

— Но он плывет вниз по течению, со стороны Леса, — возразил Энар. Маловероятно, чтобы…

Участок неспокойной воды быстро приближался к мосту. Теперь было ясно видно, что в глубине действительно движется большое темное тело. Оно уже почти достигло решетки, когда раздался плеск и над поверхностью показалось нечто, отдаленно напоминающее гигантскую бычью голову с единственным торчащим вперед рогом.

— Что-то не нравится мне этот глупый кит, — проговорил Ки-Энду, не отрываясь от бойницы. — Бхарг, как ты думаешь, что это такое?

Ответа не последовало. Все посмотрели на Бхарга и замерли от удивления. Нидхаг стоял, закрыв глаза, и трясся мелкой дрожью. Пот ручьями стекал по его побледневшему лицу. Он не в состоянии был вымолвить ни слова.

Внезапно снизу, из-под моста, раздался звук, подобный раскату грома; что-то зашипело, заклокотало, и в тот же миг стену и стоящих на ней людей заволокло облаком горячего пара. Стена дрожала, словно и ее тоже охватил необъяснимый ужас. Потом шум внизу стих, осталось только негромкое шипение и плеск, доносящиеся уже с другой стороны моста. Таинственное нечто сокрушило решетку и проникло в город.

Пар рассеялся, и потрясенные люди увидели, как из реки медленно выползает на берег неведомое чудовище. Бычья голова на толстой шее крепилась к массивному туловищу обтекаемой формы, закованному в блестящий, похоже металлический, панцирь; вместо ног было множество колес, охваченных широкой гибкой лентой.

— Что это, Ки?! — Гил схватил Ки-Энду за руку. — Что это за чудовищный бык?..

— Это наша смерть, Гил… — тихо сказал Ки-Энду. — Против таких вещей человек бессилен. Смотри, смотри!..

Половина корпуса быка была уже на берегу. Голова его медленно повернулась, и конец того, что напоминало рог, озарился ослепительным пламенем. Грянул гром, и стоящее поблизости здание разлетелось миллионами осколков. Поднялся столб дыма и пыли, потянуло гарью; в воздухе появился какой-то незнакомый едкий запах.

Несколько мгновений Гил стоял как вкопанный, с ужасом глядя на сверкающего быка, потом глаза его заблестели, и он воскликнул:

— Мы не бессильны, Ки! У нас есть асгардские мечи! Ки-Энду метнулся к окаменевшему Бхаргу и выхватил меч у него из ножен:

— Бежим!

Гил помчался вниз по лестнице следом за Ки-Энду, крича ему вдогонку:

— …Они рубят все на свете! Таргал сказал: с размаху не бить, а резать, как ножом… Это когда что-то очень твердое — железо или камень… И ни в коем случае не прикасаться к лезвию! Ты понял, Ки?..

— Да! — не оборачиваясь крикнул Ки-Энду. — Я попробую возле головы, а ты ближе к хвосту. Прыгаем!

Они уже спустились со стены и оказались на мосту; перебежав на другую сторону, перескочили через низкие гранитные перила и с высоты в сорок-пятьдесят локтей бросились в воду.

Когда Гил и Ки-Энду побежали вниз, на мост, Энар какое-то время стоял в растерянности, глядя то на свой меч в ножнах, то на удаляющихся друзей.

— Эй, ты тоже окаменел, Энар? — крикнула Мирегал, изо всех сил тряхнув его за плечи. — Можно взять твой меч? А, ладно, я и без спросу возьму!..

Выйдя из оцепенения, Энар отстранил ее руку.

— Нет! Я сам.

С этими словами он побежал вниз, тут же споткнулся и едва не загремел носом по ступенькам.

— Тюлень неповоротливый, — с досадой пробормотала Мирегал, сжимая кулаки, — лучше бы мне дал… Бхарг! Она повернулась к нидхагу — тот уже не стоял, как прежде, у бойницы, а сидел на корточках, сжавшись в комок и обхватив руками голову, и дрожал всем телом.

— Бхарг, милый, ну не трясись! — Мирегал, присев рядом, принялась гладить его по затылку, отчего нидхаг еще сильнее сжимался, втягивая голову в плечи. — Ну пожалуйста, объясни мне, что это такое? Почему ты так испугался? Ну не молчи, я же вижу, что ты знаешь, прошу тебя, Бхарг!

Наконец она услышала глухой, хриплый голос Бхарга, — забывшись, тот снова заговорил на родном языке:

— Рса тэт, ойр тэт. Рса гхар… Гхарр…

— Ну, ну, я понимаю. Кто? Великие кто? Говори же!

— Гхарр тунр! — выкрикнул Бхарг сорванным, неузнаваемым голосом и повалился на гладкие камни, словно моля кого-то о пощаде.

Вода была теплой, почти горячей. Гил, никогда в жизни не прыгавший с высоты в воду, едва не захлебнулся и с трудом выплыл на поверхность; одежда сковывала движения, и ему пришлось сбросить плащ и башмаки. Пока он барахтался под

мостом, Ки-Энду уплыл далеко вперед. Убедившись, что асгардский меч крепко сидит в ножнах и никуда не денется, Гил бросился догонять товарища.

Задняя часть туловища быка по-прежнему была в воде. Голова его поворачивалась из стороны в сторону, и огнедышащий рог раз за разом исторгал из себя пламя. Каждую вспышку сопровождал удар грома, и неведомая страшная сила сокрушала окрестные дома, обращая их в груды дымящихся обломков. Люди в ужасе метались по улице, одежда на многих пылала; они падали на мостовую и умирали в корчах и судорогах. В воздухе распространялось нестерпимое, удушливое зловоние.

Ки-Энду доплыл до задней части бычьего корпуса, вскарабкался на его широкую спину и побежал к вращающейся голове. Гил к этому времени почти догнал своего друга. Он с трудом заполз по крутому боку чудовища. Металлическая поверхность быка оказалась горячей и шероховатой. Гил встал на ноги и вытащил меч из ножен. Поставив клинок вниз острием, он зажмурился и всем своим весом налег на рукоятку. Меч вошел неожиданно легко, словно у быка была не железная, а обычная шкура. Гил ожидал, что из раны брызнет густая кровь, а животное заревет, начнет брыкаться, однако этого не произошло. Голова по-прежнему вращалась, наводя свой смертоносный рог то на одно здание, то на другое.

Ки-Энду находился на загривке быка, до него было шагов сто. Гил посмотрел на свой меч, по самую рукоятку погруженный в живую, как он думал, плоть. «Неуязвим? — мелькнуло в голове. — Нет! Не может быть! «Он принялся резать горячий металл и только сейчас заметил, что клинок светится голубоватым светом и чуть слышно потрескивает при соприкосновении с бычьим телом. Гил сделал три пересекающихся разреза, и вдруг треугольный кусок панциря провалился внутрь. Под металлической шкурой не оказалось плоти. Ни капли крови не вытекло из черного отверстия; напротив, в него со свистом устремился воздух.

Не думая, что он делает, Гил шагнул прямо в дыру, и воздушный поток втянул его в утробу чудовища. Он упал плашмя на что-то твердое, но не ушибся. Подняв голову, огляделся… Кругом туман. Светлый треугольник неба над головой. Пахнет ужасно: запах тления, запах тетагирских склепов, смешанный с чем-то ядовито едким. Дышать нечем. Что-то гудит… какие-то странные механизмы. Вот оно что… Это же не бык, это огромная машина! Как я раньше не догадался! Ки-Энду, небось, знал, мог бы сказать. Меч. Где мой меч? Потерял! Нет, вот он, слава дэвам, лежит рядом. Любую машину можно сломать. Так… Ух, сколько

железок. Все, больше не гудит. Но грохочет сверху по-прежнему. Хоть бы глоток свежего воздуха…

Внутренний голос торопил его: «Быстрее! Думай, действуй! Время дорого».

Гил побежал вперед, к голове и наткнулся на стенку. Помедлив секунду, вырезал в ней прямоугольное отверстие и проник в следующий отсек. Снова гудящие механизмы. Туман здесь был гуще, дышать труднее. Стены излучали слабый серебристый свет. Гил быстро расправился с неведомыми машинами, превратив их в груду мертвого металла, и двинулся дальше. Опять стена. Клинок искрился и горел голубым пламенем, вспарывая стальную перегородку. За ней были пустота и мрак. Гил шагнул вперед. Здесь, в третьем отсеке, стены не светились и почти ничего не было видно. Но Гил чувствовал, что этот отсек много больше прежних. Гила охватил приступ внезапного страха — он вдруг ясно ощутил чье-то незримое присутствие. Нет, не бездушные железные механизмы что-то огромное и ужасное ждало его в темноте — хуже чем нидхаги, хуже чем гуллы, — он чувствовал это всем телом.

Впереди было само зло, сама ненависть, сама смерть. Липкий холодный пот тек по лицу Гила, руки дрожали, рассудок мутился — он шел, словно во сне, держа обеими руками меч — его голубое сияние слабело с каждой секундой и наконец погасло. Кромешная тьма окружила Гила. Сердце отчаянно колотилось, легкие судорожно втягивали зловонный ядовитый туман.

Вдруг впереди он различил чуть заметные мерцающие искры — они, казалось, висели в воздухе и чуть подрагивали. Гил сделал еще шаг вперед. Искры обозначились яснее. Не просто страх, смертельный ужас проник в мозг Гила вместе с их тусклым светом.

«Я схожу с ума! — испугался он. — Милые, славные искорки… Звездочки в тумане… Мерцают, подрагивают… Все хорошо, сейчас мне будет тепло и спокойно».

Он закрыл глаза. Ноги его сделались ватными, руки опустились, и он отступил на шаг. Меч выпал из ослабевших рук. Его глухой стук как бы разбудил Гила: «Это же сердце быка… Не трусь, Шем-ха-Гил!»

Подняв меч, он бросился вперед и вонзил клинок в то невидимое, что было перед ним. В последний миг Гил понял, что искрами мерцала кожа враждебного существа. Теряя сознание, он увидел то, что потом до конца дней преследовало его в мучительных кошмарах: сверху, из тьмы, на него опускалась светящаяся мертвенным бледным сиянием громадная костлявая рука.

Гил очнулся через несколько мгновений, не ощущая ничего, кроме удивления, что он еще жив. Чудовищный призрак исчез. Сверху, через неровное отверстие в потолке, пробивался дневной свет. Гил приподнялся на локте и огляделся. Туман и полумрак скрывали от него большую часть помещения, поблизости был виден только ровный пол и черная поблескивающая стена…

Страх исчез. Сердце билось спокойно, во всем теле была необъяснимая умиротворенность. Он сел, прислонился к «стене» и тут же отпрянул — «стена» была горячая и мягкая.

Гил поднялся на ноги, сделал несколько шагов. «Стена» закруглялась и полого уходила во мрак на высоте его роста. В одном месте зияла глубокая дыра, из которой вытекало что-то черное, тут же застывающее студенистыми натеками. Сомнений не было — перед ним лежала туша чудовища.

Гил почувствовал, что силы вновь покидают его, он упал на колени, закрыл лицо руками и разрыдался. И тут он услышал голос Ки-Энду:

— Успокойся, Шем-ха-Гил.

Голос звучал глухо, словно издалека; но когда Гил поднял голову, он увидел, что Ки-Энду стоит в двух шагах от него. Взгляд его был устремлен вдаль, лицо выражало отрешенность, покой.

— Успокойся, все кончено. Пусть теперь рыдает враг, пусть слезами и воплями переполнится Город Зла в горах Ио-Тун-Гир. Великий подвиг совершили мы ныне, и память о нем не померкнет, пика растет трава и светит солнце.

— Что это было, Ки? Кого мы с тобой убили? — Гил поднялся и, подойдя к другу, крепко обнял его.

— Пойдем, Гилли. Скорей пойдем отсюда. Здесь нельзя долго находиться.

Они миновали машинные отделения и через прорубленное Гилом отверстие вылезли наружу. Стоя на блестящем металлическом панцире того, что Гил по-прежнему называл быком, Ки-Энду глубоко вздохнул и сказал негромко:

— Мы убили туна, Гилли. — И, помолчав, добавил с грустью — Если бы нам удалось совершить еще семьдесят девять таких подвигов — мир был бы спасен.

Когда Гил очнулся, было уже утро. Он проспал целые сутки; более того, он решительно ничего не помнил, начиная с того момента, как Ки-Энду сказал ему, что они убили туна.

Жуткое воспоминание заставило его вздрогнуть. «Подумаю о чем-нибудь другом, — решил он. — Интересно, где я и как я сюда попал? Комната знакомая. Ну конечно! Это же спальня в доме Халгата, где мы ночевали и где нас чуть не схватили! Теперь-то Халгат не сунется. Хейм-Риэл сказал про него: Халгат добрый

человек, но он не выдержал испытания. Не быть ему больше мелхом».

Гил продолжал рассеянно размышлять о Халгате, когда дверь открылась и вошла Эалин. Гил с трудом узнал сестру в необычном белом одеянии. Лицо у нее было строгое и усталое. Эалин улыбнулась вымученной улыбкой и сказала:

— Я рада, что вы проснулись, господин Шем-ха-Гил. Как вы себя чувствуете? За время вашего забытья было проведено лечение, в результате которого нам удалось полностью снять шоковое состояние и нормализовать все функции организма. Теперь ваша жизнь все опасности…

— Эа, ты чего? Ты меня не узнала? Это же я!

— Ах, Гилли, прости меня, я так устала, что уже ничего не соображаю! Она присела на край кровати, и Гилу показалось, что в уголках глаз у нее блестят слезы.

— Кто бы мог подумать, что это ты, Гилли, мой младший братик, которого я всегда считала таким маленьким и бестолковым! Теперь ты стал героем, все только и говорят о вашем подвиге. Как ты был плох, когда тебя принесли! Я не верила, что тебя можно спасти. Но, слава дэвам, они, едва вернулись из Леса и узнали обо всем, сразу же помчались сюда и возвратили тебя к жизни.

— Эа. послушай, мне так много нужно узнать. Ты же мне все расскажешь, правда? Мне ведь нельзя волноваться, а я ужасно волнуюсь, потому что ничего не знаю.

— Конечно, я отвечу на все твои вопросы: У меня даже есть на это время: с тех пор как дэвы взяли на себя все заботы о раненых, мне почти нечего стало делать — Первый свой вопрос можешь даже не задавать: с Мирегал все в порядке, она, правда, тоже перенервничала — ведь она рвалась сюда, к тебе, а ее не пускали. Она проревела вчера весь день внизу, в прихожей, и только под утро заснула, когда ей сказали, что ты останешься жив. Ки-Энду перенес все гораздо легче, чем ты. Правда, он тоже надышался отравленным воздухом, но нервы у него оказались покрепче. Он уже давно встал и принялся за дела.

— А Энар, он остался там, на стене, или тоже поплыл к быку?

— Он побежал по берегу и попытался напасть спереди. Он рисковал, пожалуй, даже больше, чем ты. Это просто чудо, что он остался жив. Если бы не Энар, вам бы не удалось совершить свой подвиг: он отвлек внимание врага в решающий момент. Тун, по-видимому, первым заметил Энара. Он уже навел на него свое оружие, но гром не успел грянуть — в этот момент ты нанес ему удар куда-то в область поясницы. Тун попытался расправиться с тобой, но опять не успел Ки-Энду свалился на него сверху и

дважды пронзил ему шею. Но я вижу, что зря рассказала тебе все это: ты опять побледнел, и пульс у тебя участился. Поспи еще немного. Или, может быть, хочешь поесть?

— Нет, подожди. Расскажи мне еще, как прошла битва. Или нет, это потом, сейчас я только хочу узнать, не погиб ли кто-нибудь из наших?

— Мы победили, ты же знаешь. Погибших мало, нам очень повезло.

— Ну, а наши все живы?

— Ты имеешь в виду Ио-Син-а-Хут? Что ж, я скажу. Смешно скрывать что-то от человека, зарубившего туна и оставшегося после этого в живых… Мы… потеряли многих, Гилли. Очень-очень многих. Ио-Син-а-Хут всегда был впереди, во всех схватках. Я не буду перечислять всех погибших, ладно? А из наших соседей — это Вайл и Беллан. Вайла не стало еще позавчера утром — он пал в битве у южных ворот. А Беллана зарубили в ночном сражении. Но самая тяжелая утрата ждет нас впереди: смертельно ранен Син-Оглан, он доживает последние часы. Ки-Энду не отходит от его постели.

— А дэвы? Что же они его не лечат?

— Они оказались бессильны. Единственное, что им удалось, — оттянуть смерть на несколько часов, чтобы Син-Оглан успел попрощаться с близкими. О, если бы ты знал, как это тяжело, — дежурить у постели умирающего, особенно, когда это такой человек… почти родной. Я… я даже плакала, веришь, Гилли. Ки-Энду проклинает свою глупость, во всем, что случилось, винит себя, говорит, что лучше бы ему не родиться на свет, называет себя убийцей и могильщиком рода человеческого, а его старый умирающий отец утешает его. Смотреть на это невыносимо. Син-Оглан, который с самого начала отговаривал сына, убеждал его не нападать на нидхагов, теперь, умирая, говорит, что тот все делал правильно. Это ужасно, Гилли, ужасно все, что мы сотворили, и впереди только мрак, и ничто не спасет нас! Горе нам, и всему миру горе!

Гил обнял сестру, и она безудержно разрыдалась.

— Прости меня, братик!.. Я сейчас… Все, я больше не буду, — бормотала Эалин, заливаясь слезами. Наконец ей удалось взять себя в руки, она встала и, улыбнувшись Гилу, молча вышла из комнаты.

Вечером в приемном зале мелх-а-бета состоялся тайный совет. От дэвов на нем присутствовали Кулайн, Илмар и Хейм-Риэл; приглашения получили также предводители людских воинств, мелхи Халгат, Ки-Энду, Гиор и Гелас; Верховный повар Балг, начальница госпиталя Эалин и прославленный капитан Ган-

а-Ру; приглашен был и Хайр, после ранения Син-Оглана возглавивший оборону восточной стены и, разумеется, славные герои Шем-ха-Гил и Энар, вместе с Ки-Энду уничтожившие страшного быка.

Все собравшиеся выглядели усталыми, измученными и угрюмыми; и у всех были на то причины: Ки-Энду только что потерял отца, Гил и Энар еще не пришли в себя после битвы с быком, Гиор, Ган-а-Ру и Хайр были ранены. Даже дэвы, и те были печальны, хотя никто из собравшихся еще не знал причину их грусти.

Один только Халгат держался спокойно и уверенно, сохраняя достоинство и всем своим видом показывая, что если и произошли какие-то неприятности, то он тут совершенно ни при чем. На правах хозяина он взял слово первым. Своим тихим, чуть дребезжащим голосом он заговорил на древнем языке, которому дэвы учили первых людей:

— О дэвин хан да люмиен, ом одомгард, абсу ла хет-а-белин, омн ойр сан хайре виден ди…

— Оставь церемонии, Халгат, — прервал его Илмар, — говори так, чтобы все тебя понимали. Современное южное наречие ничем не хуже старого дэвинмола, и не нужно делать из языка что-то большее, чем просто язык, только потому, что его разработала мыслящая машина по имени Мидмир.

— Хорошо, я буду говорить по-нашему и без всяких церемоний скажу, что рад видеть в своем доме высоких гостей, спасших наш город от разорения и гибели. Приветствую вас, о великие дэвы, да не померкнет в веках ваша слава. Что могу я сказать об обороне Эллигата? Сверх того, что вам поведал гонец, мне почти нечего добавить. Ведь в последний день, когда произошла главная битва, я был фактически отстранен от власти. Я призывал своих воинов к благоразумию, но они не подчинились мне и предпочли встать на сторону господина Ки-Энду, который и руководил всеми мероприятиями накануне и во время сражения. Посему я не в ответе за то, что произошло вчерашней ночью. Продлись моя власть, мы бы спокойно и без жертв дождались вашего прихода, о великие.

— Хорошо, Халгат, — сказал Илмар, — хорошо, что ты сложил с себя свои полномочия накануне битвы. Как нам известно, ты сделал это по своей воле и без принуждения. К сожалению, это чуть ли не единственно верное решение из всех, которые ты принял за последнее время. Мы подробно изучили все твои поступки и решили, что хоть ты, вероятно, человек от природы честный, достойный и мужественный, вверенная тебе власть дурно повлияла на твою душу. Не огорчайся. Испытание

властью — одно из самых страшных, и мало кто из людей способен его выдержать. Не выдержал и ты. Поэтому мы решили передать твою должность другому. Жители Эл-а-Дена выберут себе нового мелхаи, по всей видимости, им станет Гелас. Для тебя же мы подыскали другое место, на котором ты тем не менее сможешь проявить все то добро, что в тебе, мы знаем, осталось.

— Никто не сравнится с вами в мудрости и справедливости, о лучезарные. Что же это за место?

— Мы формируем новое большое войско в Меллнире, в горах Ио-Рагн. Тебе мы хотим доверить командование одним из отрядов.

— Благодарю, — Халгат склонил голову, пряча злобную усмешку. — Я весьма польщен оказанной мне честью. Как знать, может быть, мне и впрямь удастся лучше проявить себя на новой должности. А тебе, Гелас, если ты действительно займешь мое место, желаю снискать на нем больше почета и славы, чем удалось мне, недостойному.

Сказав это, Халгат сел и до конца совета не проронил ни слова.

После короткой паузы заговорил Хейм-Риэл.

— Я должен сказать кое-что об уничтоженной вражеской машине и погибшем туне. Мы опознали его — это Хасмод, один из главных создателей Мидмира, впоследствии — верховный смотритель Хумбы, правая рука Шемай-Лоха. То, что Гил, Ки-Энду и Энар сразили его — поистине чудо из чудес. Никогда раньше ни туны, ни дэвы не погибали от руки человека. Поэтому то, что случилось, для нас не только радостно, но и грустно немного, ибо лишний раз напоминает о том, что мы всегда знали, но о чем старались реже задумываться: отпущенный нам срок не бесконечен. Быть может, наше время уже подходит к концу, и вам, людям, предстоит вскоре остаться одним в этом мире. Он ваш по праву, мы же здесь чужие; придет день, и вам нужно будет самим отвечать за его судьбу. Историю нельзя повернуть вспять. Нас становится все меньше, вас — все больше; мы слабеем, вы же набираетесь сил — ваш дух уже настолько тверд, что вы можете убивать нас.

— Но это же не так, — возразила Эалин, — вы сильны по-прежнему. Я видела, как вы обратили в бегство целую армию нидхагов, даже не вступив с ними в бой.

— Нидхаги по самой своей природе — рабы. У них в крови ужас и преклонение перед нами. Век нидхагов недолог, ибо они не способны к развитию. Без тунов, без Хумбы их ждет быстрое вырождение и деградация. Но не о них сейчас речь. Будущее принадлежит людям.

Ты говоришь, Эалин, что мы сильны по-прежнему. Послушай же, как завершилась наша погоня. На границе Леса навстречу нам вышли пятеро тунов. И мы не оказались столь же удачливы — или столь же сильны, как вы — Ки-Энду, Энар и Гил. Хоть нам и удалось заставить врага отступить, один из нас пал в бою. Его тело — тело славного Иаяра, смотрителя асгардского эликона, — лежит в поле, скрытое от людских глаз, и ожидает погребального костра. Оберегая людей от ненужных волнений, мы хотим сохранить в тайне гибель Иаяра. Поэтому прошу вас не передавать никому того, что вы услышали. Костер мы сделаем сами; вам же сообщаем это для того, чтобы вы знали: наши силы не безграничны, мы уязвимы и смертны; вам нужно больше полагаться на себя и не ждать от нас каких-то чудес.

— Я тоже хочу участвовать в сожжении Иаяра, — поднялся Гил. — Я успел полюбить его за время нашего краткого знакомства, и мне горько слышать, что его больше нет. Но вдвойне горько мне будет, если я даже не смогу оказать ему последних почестей!..

— Людям нельзя видеть мертвых дэвов, — сказал Илмар, — а тем более тебе, Гил. Оставим этот разговор. Давайте лучше обсудим наши военные дела.

— Пока остается хоть малейшая возможность добиться перемирия, — сказал Кулайн, — мы будем делать для этого все, что в наших силах. Элиар хочет встретиться с Шемай-Лохом на нейтральной земле и обсудить условия мира. Возможно, придется пойти на большие уступки — все же это лучше, чем продолжить кровопролитие. Однако надежды на мир мало. Туны разгневаны, Хумба предвещает им победу, наше оружие по-прежнему заперто в меллнирских подземельях, и враг начинает догадываться, что оно не будет использовано никогда. Одним словом, скорее всего, нам придется воевать. И сейчас наша главная задача — показать врагу, что мы сильны. Это сделает его уступчивее и заставит пойти на переговоры.

Я не буду подробно рассказывать о наших военных планах. Скажу лишь о том, что считаю самым главным: мы должны вести только оборонительные бои. Если наши воины вторгнутся на территорию врага, договориться с Шемай-Лохом будет уже невозможно. Начнется война, после которой одна из сторон перестанет существовать. А у нас слишком мало шансов на победу в такой войне. Ведь сейчас на каждого человека в мире приходится два или три нидхага, а на каждый десяток людей — один гулл. Поэтому единственная наша надежда продержаться до заключения мира. Особенно хочу предупредить тебя, Ки-Энду: не надо больше дерзких предприятий. Остановись, одумайся, пока

не поздно. Для тебя найдутся другие дела. Сейчас нужно собирать войско: для обороны Эл-а-Дена потребуется пятнадцать-двадцать тысяч человек. Если удастся собрать больше, пошлите часть отрядов в Меллнир — враг, скорее всего, направит свой главный удар туда в надежде захватить оружие, поэтому там следует сосредоточить наши основные силы. Воины, пришедшие из Эн-Гел-а-Сина, пусть останутся здесь; для защиты вашей родины хватит людей: как нам известно, король собирает в Элоре большую армию. Теперь я хочу дать несколько советов, как лучше вести оборонительную войну…

Кулайн говорил еще очень долго, и Гил вскоре понял, что не успевает следить за его мыслью. Решив, что, в конце концов, он человек маленький и вся эта стратегия к нему отношения не имеет, он и вовсе перестал слушать и вернулся мысленно к гибели Иаяра и странной фразе, произнесенной Илмаром: «Людям нельзя видеть мертвых дэвов, а тем более тебе, Гил». Почему нельзя? С трудом дождавшись конца совета, Гил задал этот вопрос Ки-Энду.

— Действительно, — сказал тот, — ни один человек еще не видел мертвого дэва, если не считать тех воинов, что сражались в битвах Первой войны. В те дни случалось, что дэвы убивали друг друга на глазах у людей. От тех далеких времен до нас дошли только темные, неясные слухи, поэтому точно ответить на твой вопрос я не могу. К тому же погибших дэвов всегда немедленно сжигали обычно в течение часа после их смерти. Но я слышал в Асор-Гире — а случай с гуллами показал, что асор-гирские сплетни бывают порой достоверными, — дэвы после смерти преображаются. Тело их распухает, якобы даже в несколько раз, и меняет свою форму. Кожа темнеет почти до черноты, и только кисти рук остаются мертвенно-бледными, черты лица искажаются и становятся настолько ужасными, что на них нельзя смотреть без содрогания…

Одним словом, Гил, мертвые дэвы становятся похожи на тунов. Чем вызвано это сходство, сказать трудно — ведь мы до сих пор очень мало знаем о дэвах. Однако учащиеся Высокой школы в Асор-Гире выдвинули два предположения. Первое — так называемая гипотеза «зло и зло». Известно, что облик дэвов находится в полной гармонии с качественным состоянием души. Поэтому смерть, будучи злом, преобразует их точно так же, как внутреннее перерождение, когда душа отвращается от добра.

Другая точка зрения — «смерть и смерть». Согласно ей, посмертное преображение дэвов объясняется физиологическими особенностями их организма. То есть приходится признать, что дэвы, исчезнувшие вместе с Шемай-Лохом из эликона в Ойтре, в

процессе своего превращения в тунов пересекали порог смерти. Так или иначе, дело это темное, и есть в нем что-то такое, во что человеку лучше не соваться… Пусть дэвы хранят свои тайны! Все равно людям не суждено понять их до конца.

А сейчас нам с тобой не мешало бы пойти отдохнуть. Вечером я тебе расскажу еще кое-что.

— Расскажи сейчас!

— Нет, я должен еще раз все взвесить.

— Значит, ты действительно что-то задумал?

— Да. До вечера, Гилли.

Глава 15
ПРОЩАНИЕ

Друг мой, далеко есть горы Ливана,
Кедровым те горы покрыты лесом,
Живет в том лесу свирепый Хумбаба,
Давай его вместе убьем мы с тобою,
И все, что есть злого, изгоним из мира!
Нарублю я кедра, — поросли им горы,
Вечное имя себе создам я!

«О все видавшем», эпос о Гильгамеше, II

Тихонько постучав, Ки-Энду вошел в комнату, оглянулся и, убедившись, что в коридоре никого нет, осторожно прикрыл дверь. Гил валялся на кровати и читал книгу. На столе горела свеча. Окно было открыто, и огонек чуть подрагивал.

— Ты еще не спишь, Гил?

— Вот, стихи читаю. Ты что такой странный? Случилось что-то?

— Смешно! Мало еще тебе событий? Гил, у меня серьезный разговор — Мирегал у себя?

— Нет. Пошла в госпиталь помогать.

— Бхарг, Энар?

— Ужинают. Хозяйки тоже нет. Никого нет. Да в чем дело-то? Если у тебя какие-то тайны, лучше не говори мне — я все разболтаю Мирегал.

— В тебе я уверен… Ты никому слова не скажешь, тем более Мирегал…

Ки-Энду уселся в кресло, положил на стол свой берет и внимательно посмотрел на Гила.

— Дурные новости, — сказал он после долгой паузы. — Только что прискакал гонец от короля Ас-а-Дена Бел-Шамаха. Он сообщил, что нидхаги снова наступают, идут бои на подступах к Асор-Гиру. Дэвы срочно покидают Эллигат и отправляются туда.

Они продолжают твердить что-то о скором конце войны, но любому разумному человеку ясно, что надеяться на мир с Шемай-Лохом бессмысленно. Война разгорелась, и никто уже ее не остановит. Так что все эти разговоры об обороне, по-моему, равносильны самоубийству: тот, кто не наступает, — проигрывает. Понимаешь, к чему я клоню?

— Понимаю. Ты задумал какую-то хитрость и хочешь с отрядом в пять человек проникнуть в Ио-Тун-Гир и перебить всех тунов.

— Почти. И если раньше я еще сомневался, то теперь, когда враг снова перешел в наступление, я окончательно уверился в том, что другого пути у меня нет. Я говорю «у меня», потому что не знаю, пойду один или с кем-то. Вообще-то следовало бы идти одному, потому что это я виноват во всем, это из-за моей глупости началась война. И я уже слишком много потерял, чтобы дорожить такой мелочью, как собственная жизнь. Но, к несчастью, мне будет не под силу одному сделать то, что я задумал.

— Кстати, ты так и не сказал, что именно. Но в любом случае, один ты не пойдешь. Хотя бы потому, что на самом-то деле это я во всем виноват. Если бы я в свое время послушал тебя и мы поскакали бы не к тебе, а к Белым Камням, никто бы не погиб, и нам просто не пришло бы в голову затевать эту историю с трубами… Короче, я иду с тобой. Остается только узнать, куда.

— Спасибо, Гилли. Я не сомневался, что ты так скажешь. Мы с тобой с самого начала были вместе, так пусть же мы останемся вместе до конца.

Ки-Энду снова замолчал, задумчиво глядя на пламя свечи.

— Ки, я и не знал, что ты можешь быть таким невыносимым!

— Поклянись, что не скажешь никому.

— Ты же сейчас говорил, что уверен во мне!.. Ну, клянусь.

— И не будешь мне мешать, если сам передумаешь?

— Ки! Ты издеваешься надо мной?

— Прости. Я сейчас все скажу.

Ки-Энду встал, выглянул в окно, прислушался.

— Как будто все тихо… Гилли, я задумал проникнуть в Великий Лес и уничтожить Хумбу.

Гил резко сел на кровати:

— Гуллин ме хабе! Какой вздор! Ты что, спятил?!

Переведя дыхание и вытерев пот со лба, Гил продолжал более спокойным голосом: ему было стыдно, что он так вспылил.

— Послушай, Ки. Я понимаю, что тебя постигла тяжелая утрата, что ты к тому же мучаешься сознанием собственной вины, и тебе очень хочется одним махом все исправить. Но зачем же даром отдавать свою жизнь? Я боюсь, ты только не обижайся, что

у тебя действительно не все в порядке, вот здесь, Гил постучал пальцем по виску. — Или, может быть, это просто изощренный способ самоубийства? Хочешь искупить свою вину, да еще и героем стать? Погиб при попытке уничтожить великую Хумбу?

Ки-Энду весь как-то поник и сжался, слушая Гила; при последней фразе глаза его вспыхнули гневом.

— Пошел ты к гуллам! Считай, что этого разговора не было. Он направился к двери, Гил окликнул его:

— Подожди, не сердись. Ты же знаешь, я тебя одного не пущу. Если ты не передумаешь, я все равно пойду с тобой. Ки-Энду вернулся к столу, взял свой берет, скомкал его.

— Но неужели ты и вправду думаешь, — продолжал Гил, — что у нас есть хоть малейший шанс убить Хумбу? Ее что, совсем не охраняют? Или все нидхаги, населяющие Лес, лежат при смерти?

Ки-Энду заговорил очень тихо, было видно, что каждое слово достается ему с трудом и причиняет боль.

— Послушай меня, Гил. Шансов у нас мало, но они есть. Один из ста, а может, из тысячи. И все-таки стоит попробовать! Что наши жизни? А если не будет Хумбы, враг будет обезглавлен, не сможет рассчитывать будущее, начнет делать ошибки. Наконец, перестанут появляться новые гуллы. Я не говорю о впечатлении, которое это произведет на тунов. Тут-то они и пойдут на переговоры, вот увидишь!

— Ладно, это ты мне можешь не объяснять. Я согласен, что попробовать стоит, даже если есть один шанс из тысячи. Но где он, этот шанс?

— Наберись терпения!.. Великий Лес, или Ха-мерк, это нечто совершенно непознанное, но одно мы знаем точно: он не является чем-то единым, целостным, его разрывают противоречия, в нем слишком много разнородных, несовместимых элементов. Там обитает великое множество нидхагов, это правда. Но там есть и гуллы. Насколько я понял из разговоров с Бхаргом, Хумба играет главную роль в их создании. Гуллы, к счастью, не могут размножаться. Значит, все они происходят из Леса. Там должны быть гуллские поселения, гуллские дороги и так далее. Но нидхаги боятся гуллов так же, как и мы, если не больше, и гуллы пожирают их при первой возможности. Следовательно, Лес наверняка поделен на гуллские и нидхагские участки, между которыми должны быть какие-то «ничейные» полосы, — по ним мы и будем передвигаться. Кроме того, сам Лес — то есть деревья, кустарники и травы, — это творение Хумбы и тунов, он имеет неживую, вероятно, «гуллскую» природу. Я не знаю, каковы эти растения и их свойства; но они наверняка несъедобны.

Значит, вокруг нидхагских поселений должны быть островки нормальной растительности — поля, пастбища, огороды. Мы можем двигаться по краю этих островков, и, с какой бы стороны ни возникла угроза, нам будет куда отступить. Наконец, я уверен, что границы Ха-мерка не охраняются: туны знают, что никто из людей по своей воле туда не сунется. Оборонительная тактика дэвов им тоже известна… Конечно, большая группа людей не сможет пройти незамеченной, но нас будет только двое!..

Сложнее будет расправиться с самой Хумбой, — продолжал Ки-Энду. Известно, что она охраняется, и охраняется надежно. Вокруг нее семь каких-то таинственных «деревьев ужаса» — так сказал Бхарг. Остается надеяться, что эти деревья, чем бы они ни были, не устоят перед асгардскими мечами. Что касается тунов, то мы знаем точно, что в Ха-мерке их всегда было семеро. Одного, Хасмода, мы убили. Пятерых встретили дэвы во время погони. Они были на границе леса, в его юго-восточной части, то есть напротив Эллигата. Поэтому можно предположить, что сейчас, когда нидхаги наступают на Асор-Гир, эти пятеро тунов находятся там, в районе боев. В таком случае, в самом лесу находится только один тун, да и тот может быть где-то далеко от Хумбы.

Говоря все это, Ки-Энду расхаживал по комнате и бурно жестикулировал. Сначала он был очень возбужден, потом немного успокоился, словно, убедив Гила, и сам убедился, что пойти и убить Хумбу — пустяковое дело.

— Но, Гил, не думай, что я уверен в успехе. Нужно смотреть правде в глаза. Это дело, скорее всего, будет стоит нам жизни. Если Хумба погибнет, в лесу поднимется такой переполох, что нам вряд ли удастся уйти оттуда живыми. Я хочу, чтобы ты ясно представлял себе, на что мы идем. И все же стоит рискнуть.

— Ладно, Ки, я согласен. Ради такого дела и умереть не жалко. То есть, конечно, жалко, но… Ты ничего не слышишь?

— А что?

— Какой-то шорох за дверью… Ки-Энду прислушался.

— Вроде тихо. Пойду посмотрю на всякий случай. Едва Ки-Энду направился к двери, из коридора донесся звук удаляющихся шагов: чьи-то легкие нога чуть слышно прошелестели по каменному полу.

— Нас подслушали, Ки?

— Очень похоже. Неужели в Эллигате есть шпионы?

— Может, это Халгат?

— Будь он проклят!

— Что же делать?

— Идти! Будем надеяться, что они не успеют ничего предпринять.

— Когда выходим?

— Сегодня уже не успеем: надо запастись едой, а сейчас это сделать невозможно. Еще какое-то снаряжение потребуется, и самое главное: нужно под каким-то предлогом одолжить у Бхарга или Энара асгардский меч. Так что, думаю, выйдем завтра ночью. А сейчас набирайся сил. И не вздумай завтра ни с кем прощаться и все такое — никто не должен догадаться, что мы куда-то собираемся:

— Ки!.. — с упреком и обидой воскликнул Гил.

— Ну-ну, спокойной ночи!

Ки-Энду закрыл за собой дверь, и Гил сразу же заснул.

Наступивший день был днем скорби.

С утра клубы черного дыма заволокли Эллигат, повсюду в полях горели погребальные костры. Нигде не было слышно ни смеха, ни громких разговоров. Опустевший город затих. Огромные толпы людей в молчании вышли проводить в последний путь тех, кто пал в бою. Угрюмо стояли вокруг костров воины, сжимая рукоятки мечей, и сердца их исполнялись жаждой мести. Скупые слезы текли по морщинистым лицам стариков. Распустив длинные и черные, как ночь, волосы, безутешно рыдали женщины, притихшие дети испуганно цеплялись за их одежду.

В отдалении от остальных горели пять больших костров. Возле них не было ни души; воины, сложив их, сразу вернулись туда, где обращались в дым и пепел тела их близких.

Один только Бхарг задумчиво бродил вокруг этих покинутых костров, прощаясь с погибшими сородичами и размышляя о судьбе своего несчастного народа, не согретого любовью, лишенного будущего, обреченного до конца своих дней жить одним лишь злом и вечно терзаться в тщетных попытках залить чужой кровью пустоту своих душ…

Ки-Энду уже простился со своим отцом и понуро смотрел на кучу дымящегося пепла, в котором одиноко белели кости тех, кто еще недавно стоял с ним в одном строю, был сильным или слабым: веселым или грустным, простодушным или мудрым; он любил их всех, каждый был ему близок и дорог.

Эалин подошла к нему; ее волосы спутались и растрепались, наполовину закрыв лицо; голова была посыпана пеплом.

— Смотри, Ки-Энду, — сказала она глухо. — Вот и все, что осталось от наших братьев. Не то ли суждено и нам, и всему нашему миру? К чему все наши мечты и планы, наше горе и радость, книги, искусство, наша любовь — к чему все это, если судьба наша — стать горстью праха, кучкой холодной золы, развеваемой ветром?

Ки-Энду опустил голову.

— Зачем ты говоришь это, Эалин? Разве ты не видишь, как мне тяжело? Конечно, ты права, умом я понимаю это, но сердце отказывается верить. Оно ищет хоть какого-то выхода и нашептывает безумные мысли. Иногда мне кажется, что смертно только наше тело. Кто знает, может, душа после смерти попадает в какой-то иной мир, где нет ни зла, ни страха, ни времени, и пребывает там вечно в покое и счастье? Да, это безумие, я знаю. Наверное, я дошел до какого-то предела, после которого мозг отказывается воспринимать новое горе. Не слушай меня, Эалин, я не знаю, что говорю…

— Милый мой, должно быть, тебе очень плохо, иначе ты не стал бы сочинять эту смешную сказку о бессмертии душ. Вспомни: Гил тоже хотел найти бессмертие. Но он отправился за ним в Асгард, к дэвам, у него была вполне определенная цель. Ты же пытаешься найти вечную жизнь в собственных фантазиях. Твоя сказка по-своему красива и, наверное, могла бы стать утешением для отчаявшихся и обреченных. Но это удел слабых… Пойдем в город, тебе надо успокоиться и отдохнуть.

Ки-Энду улыбнулся:

— Знаешь, это не единственная безумная идея, которая пришла мне в голову за последние дни. Например, вчера я подумал, что могу погибнуть, и Ио-Син-а-Хут останется без мелха. Поэтому я написал завещание и хочу, чтобы оно хранилось у тебя, — с этими словами он передал ей свернутый кусок пергамента.

— Здесь написано, что в случае моей гибели или исчезновения мое место должен занять Ган-а-Ру.

Эалин посмотрела ему в глаза с болью и жалостью.

— Ты хочешь обмануть меня, Ки? Я же читаю в твоей душе, как в открытой книге. Ты задумал совершить подвиг, но не можешь открыть свою тайну… Не говори ничего, просто обними меня. Вот так, а теперь прощай. А если твоя сказка сбудется, мы встретимся снова.

Вечером Гил подошел к мелх-а-бету и робко постучался. Дом теперь полностью перешел в распоряжение госпиталя: Халгат и его слуги покинули Эллигат и вместе с дэвами отправились на север, в Асор-Гир.

В прихожей Гила остановили две женщины в безупречно белых одеждах.

— Сюда нельзя, господин Шем-ха-Гил. Здесь раненые.

— Но мне нужно поговорить с Мирегал, моей невестой.

— Хорошо, мы позовем ее. Вообще-то у нас это не принято, но для вас мы готовы сделать исключение. Только, пожалуйста, не

задерживайте ее надолго, ведь у нас на счету каждая пара рук.

Спустя несколько минут Мирегал сбежала вниз.

— Что ты, миленький? Что случилось?

— Мы с тобой так давно не виделись! Вчера я так и не дождался тебя, заснул, а когда встал, ты уже снова убежала. Я соскучился. У тебя правда столько работы?

— Ну, Гилли, мы же теперь долго-долго будем вместе, до самой смерти! Зачем расстраиваться из-за нескольких дней? Вот кончится эта глупая война, и все сразу станет замечательно!

— Не понимаешь ты ничего!.. Вдруг со мной что-нибудь случится? Вдруг меня завтра убьют? Может, сегодня мы в последний раз вместе…

— Глупенький, неужели ты думаешь, что нас что-нибудь может разлучить? Ну, пока, я спешу, — она чмокнула его в нос и убежала.

Гил вздохнул и направился к выходу.

— Если бы только она знала! — прошептал он. — Если бы только могла вообразить, какой удар ее ожидает! Впрочем, может, оно и лучше, что она ничего не знает.

За окном уже совсем стемнело.

— Вроде ничего не забыли, — Гил в последний раз заглянул в мешок. Провизия тут. Кстати, у кого ты взял меч — у Энара или Бхарга?

— У Энара. Бхарг наотрез отказался отдать мне свой. Даже обиделся…

— Наверное, подумал, это из-за того, помнишь?.. Но ведь на самом деле он не трус, верно, Ки? Он же не виноват, что у него в крови страх перед тунами.

— Конечно. Ну все, нам пора. Пошли!

Под окном раздался шорох.

— Нас опять подслушивают! — воскликнул Ки-Энду. — Проклятье!

— Задуй поскорее свечку.

Ки-Энду прихлопнул ладонью огонек, и друзья прижались носами к стеклу. Какая-то тень двигалась по переулку, быстро удаляясь от окна. Понять, кто это, было совершенно невозможно. Но вот на мгновение свет из окна соседнего дома упал на неизвестного, и Гил успел рассмотреть сгорбленный силуэт в плаще с капюшоном.

— Кто же это?

— Вчера я был уверен, что это Халгат или его люди, — сказал Ки-Энду. Кому еще могло придти в голову следить за нами? Но Халгат прошлой ночью уехал отсюда вместе со всеми своими людьми. Не знаю, что и думать. Может, это лазутчики из Ха-

мерка? Но почему они наблюдают именно за нами? Неужели… Нет, об этом даже страшно подумать!

— Ты хочешь сказать, что Хумбе стали ведомы наши мысли?

— А как же еще это можно объяснить? Хотя это и кажется невероятным, но, по-видимому, Хумба почуяла опасность…

— Что же теперь делать?

— То, что задумали!.. С одной стороны, враг оказался сильнее, чем мы ожидали. Но раз он принимает какие-то меры против нас, значит, мы представляем для него реальную угрозу. Хумба боится нас — следовательно, она уязвима.

— Ну, тогда пошли. Нужно опередить их.

Через минуту они были уже у реки. Ки-Энду заранее присмотрел подходящую лодку — маленькую, как раз на двоих, и достаточно быстроходную. Они отчалили и, проплыв под мостом, где до сих пор чернели опаленные остатки разрушенной быком решетки, двинулись вверх по течению в сторону Леса.

Вскоре набежали тучи, с юга подул сильный ветер, пошел дождь. Ки-Энду греб, Гил всматривался во мрак, но кроме смутных очертаний берегов ничего разглядеть было невозможно.

Около часа они плыли в молчании, потом Гил предложил Ки-Энду сменить его. Они стали пересаживаться. Вдруг Гил замер, насторожившись. Сзади, сквозь шум дождя, явственно слышался плеск.

— Что это, Ки? Неужели погоня?!

— Да, Давай грести вместе. Они налегли на весла, и лодка пошла быстрее. Так прошло два часа. Дождь продолжал лить, и путники давно уже промокли насквозь; наконец они позволили себе немного передохнуть. Сзади ничего не было слышно, кроме шипения дождевых капель.

— Кажется, оторвались, — сказал Ки-Энду, — но все равно надо спешить. До рассвета хорошо бы миновать населенные места. Они стали грести по очереди, и когда тучи на востоке осветились первыми лучами солнца, до Леса оставалось не более мили. Зеленые цветущие поля Эл-а-Дена остались позади, берега были безжизненны и голы, лишь кое-где из мокрой глины торчали чахлые ростки.

Лес приближался. Вскоре путники смогли разглядеть отдельные деревья. Толстые, корявые стволы, покрытые буграми и наростами, на небольшой высоте делились на множество ветвей. Мокрая серая кора отсвечивала матовым, водянистым блеском и казалась гладкой и скользкой, как лягушачья кожа. Ветви отдельных деревьев сплетались в сплошную сеть, такую густую, что даже птица не смогла бы пролететь сквозь нее. Побеги во многих местах срослись, и теперь невозможно было понять, где

кончается одно дерево и начинается другое. Лес стал единым организмом, гигантским спрутом с миллионами щупалец, расползающимися по земле. На ветвях не было ни одного листа; тонкие побеги, гладкие и полупрозрачные, слабо шевелились, покачивались, изгибались, сжимались и вытягивались. От этого весь Лес наполнялся омерзительным шуршанием.

— Ну и место! — с отвращением пробормотал Гил. — Это же не деревья, это какие-то осьминоги. Как же мы здесь проберемся?

— Не знаю, возможно, придется прорубать себе дорогу. Во всяком случае, пока ничто не мешает нам проплыть по реке еще миль тридцать, потом Эллил поворачивает на восток — там уже придется идти пешком.

Но не успела лодка войти в Лес, как путники увидели, что выше по течению река перегорожена перекрещивающимися железными цепями, натянутыми между берегами. В этом месте к реке с обеих сторон подходили широкие просеки.

— Приплыли! — сказал Гил, сидевший на веслах. — Куда теперь прикажете, капитан?

— Давай пока к левому берету. Попробуем перенести лодку. Деревья у воды были вырублены; просека, имевшая около пятидесяти шагов в ширину, уходила на запад, почти под прямым углом к берегу; по середине просеки шла хорошо утоптанная дорога. Вдоль края Леса с обеих сторон тянулись высокие земляные валы, гребни которых были утыканы железными кольями, густо оплетенными проволокой. В начале просеки, недалеко от воды, стояла покосившаяся деревянная постройка — то ли хлев, то ли сарай. Едва Гил и Ки-Энду ступили на берег, из этого сарая вышли четверо нидхагов в полном вооружении. Друзья уже схватились было за рукоятки мечей, как вдруг один из нидхагов, видимо, главный, в темном плаще с железной застежкой в виде черепа, обратился к ним на чистейшем южном наречии:

— Что-то я вас раньше не видел. Новенькие, что ли? Передайте своему хозяину — владычица разгневана. Во имя каких гуллов он навел на нас этих грязных асгардских убийц? Ему придется хорошенько постараться, чтобы заслужить прощение. Ну, давайте, что там у вас!

Ки-Энду решил использовать ошибку нидхагов, хоть и не знал, за кого именно их приняли. Медленно, с расстановкой, тщательно взвешивая каждое слово, он ответил:

— У нас секретное поручение к владычице. Мы должны говорить с ней лично. Будьте любезны пропустить нас; насколько я понимаю, эта дорога доведет нас до места, не так ли?

— С каких пор наш верный друг перестал доверять слугам

своей госпожи? Впрочем, нам нет до этого дела. Сдайте оружие, мы свяжем вам руки и доставим вас куда надо.

— Не пристало вам так обращаться с посланниками, исполняющими важнейшую миссию на благо владычицы, — сказал Ки-Энду, доставая из ножен меч, как будто для того, чтобы отдать его. — И мы не можем доверить вам свое оружие, ибо оно не простое. Оно обагрено черной кровью Хасмода, и получено нами от дэвов, чтобы нести вам смерть!

Взмахнув мечом, Ки-Энду обрушил его на нидхага. Ослепительно вспыхнуло лезвие, и тело врага, рассеченное надвое, упало на скользкую глину. Нидхаги не успели опомниться, как Ки-Энду пронзил второго, а Гил — третьего. Последний оставшийся в живых нидхаг, жутко взвыв, отскочил в сторону.

— Бежим! — крикнул Ки-Энду, и друзья со всех ног помчались по дороге. Сзади раздались крики и рев: целая толпа нидхагов высыпала из сарая и бросилась в погоню.

— Догоняют! — крикнул Гил, бежавший позади. — Сворачивай в Лес!

Они вскарабкались на крутой вал и оказались перед заграждением. Асгардские клинки, искрясь и вспыхивая голубым пламенем, рассекли проволоку, и через мгновение беглецы скатились вниз, к тесному строю влажных серых стволов. Сплетение ветвей, голых и мокрых, преградило им путь. Ростки шевелились, как прозрачные пальцы чудовища. Заработали мечи, и вскоре Гилу и Ки-Энду удалось углубиться в Лес на сотню шагов. Оглянувшись, они увидели, что их преследователи, достигнув проволочного заграждения, остановились, не решаясь идти дальше. Постояв немного, нидхаги побрели назад и скрылись за земляным валом.

— Отдохнем немного, — сказал Ки-Энду, и они легли на влажную, покрытую копошащимися обрубками землю.

Глава 16
ЛЕС

1. Ясень я знаю
по имени Иггдрасиль, древо, омытое влагою мутной; росы с него на долы нисходят; над источником Урд зеленеет он вечно.

Прорицание Вельвы, 19

2. Три корня растут
на три стороны у ясеня Иггдрасиль:
Хель под одним, под другим исполины и люди под третьим.

Речи Гримнира, 31

3. Сказочный лес… отражает воспоминание о лесе как о входе в царство мертвых.

В.Я. Пропп

Дождь кончился, но тяжелые капли еще падали с голых ветвей; пахло плесенью, душные испарения пропитали воздух. Все шуршало. Гил поежился от холодного прикосновения — скользкий росток ткнулся ему в щеку. Гил отмахнулся от него, как от назойливой мухи, но побег упорно тянулся к лицу. Преодолев отвращение, Гил отломил кончик — он оказался совсем хрупким, — и, осторожно держа двумя пальцами, рассмотрел его. Нежный, почти прозрачный росток слабо извивался, на сломе выступила вязкая капля.

— Как ты думаешь, — подал голос Ки-Энду, — за кого они нас приняли?

— Ясно — за шпионов, явившихся с очередным донесением. Наверное, за тех самых, которые подслушивали ваши разговоры и преследовали нас по реке.

— Хорошо, а кто такой хозяин и каких это асгардских убийц он на них навел?

— Хозяин — это, конечно, руководитель шпионов в Эллигате.

А убийцы наверняка дэвы, прогнавшие нидхагов с поля боя. Только почему они решили, что дэвов привел хозяин? Ведь гонец, позвавший их на подмогу, никак не может быть предателем?

— Это верно. Но, возможно, здесь решили, что гонца послал Халгат. Откуда им знать, что за помощью поехали трое случайно спасшихся бойцов из разбитого отряда Фунгала — поехали вопреки воле мелха? Может, Халгат и есть главный шпион и предатель? Многие его поступки подтверждают это.

— Да, конечно, но ведь есть и другой вариант: вдруг асгардские убийцы это мы с тобой? А хозяин, кто бы он ни был, виноват перед Хумбой в том, что позволил нам уйти. Правда, если в Лесу уже узнали, что мы двинулись в путь, значит, шпионы опередили нас, а этого быть не может, мы же оторвались от них на реке.

— К тому же в этом случае здешние нидхаги не были бы так уверены, что перед ними свои.

— Пожалуй. Знаешь, Ки, наверное, это не так важно — за кого нас приняли и знает ли Хумба о нашем прибытии в Лес. Если не знает, то очень скоро ей это станет известно. Шпионы-то плыли за нами следом.

— Это точно, — согласился Ки-Энду. — Действительно, для нас это теперь безразлично. Владычица все знает или скоро будет знать. Кстати, ты понял, кто это такая?

— Хумба, конечно!

— Нет. Мне показалось, что речь не о ней. Этот нидхаг явно говорил о ком-то, кого боится и перед кем преклоняется. Хумба ведь в конце концов всего лишь мыслящая машина. Я думаю, имелся в виду кто-то из тунов. Может быть, тот самый седьмой тун, о котором мы пока ничего не знаем — женщина? Возможно, подобно тому как Фенлин при помощи Мидмира создавала людей, какая-то женщина-тун в союзе с Хумбой создает гуллов и нидхагов?

— Ки, тебе не кажется, что все эти домыслы и предположения никому не нужны? Лучше подумаем, что нам делать дальше. Мешок-то остался в лодке. Может подождем ночи в попробуем его достать?

— Терять столько времени из-за мешка? Спички у меня с собой есть, а без продуктов и одеял мы как-нибудь обойдемся. Еще немного полежим и двинемся дальше. Честно говоря, мне страшно хочется спать.

— Мне тоже. Это, наверное, от духоты, — Гил зевнул. — Голова у меня тяжелая-претяжелая. Я вздремну немного, — с — этими словами Гил устроился поудобнее и тут же заснул.

Ки-Энду в последний раз огляделся и, не увидев никакой

опасности, последовал его примеру.

…Шуршание стеблей постепенно перешло в топот множества ног. Нидхаги окружили Гила со всех сторон. Глумливо смеясь, обнажая желтые клыки, они навалились на него, он чувствовал их зловонное дыхание, слышал злобное шипение, исходящее из их глоток. Они связали его так крепко, что он не мог ни вздохнуть, ни шевельнуться, и потащили куда-то. Вот его поднимают, раскачивают и швыряют в кучу мусора — нет, это огромный муравейник! Гил похолодел, осознав, какая ужасная смерть его ожидает. Вот уже громадные, с ладонь величиной муравьи заползают под одежду, вонзают свои стальные челюсти в его тело, вырывают куски мяса, заливаясь кровью… Гил закричал и проснулся.

Но действительность была не лучше сна. Он увидел ростки, прикасающиеся к самому лицу, почувствовал страшный зуд во всем теле. Он попытался встать и не смог — сотни ползучих ветвей оплели его, прижав к земле. Он ощутил, как тонкие побеги прорывают одежду и врастают, впиваются в тело, словно хищные черви.

— Ки! — отчаянно крикнул Гил. — Где ты? Спаси меня!

— Проклятие, Гил! Эти ветки хотят меня сожрать!

Поняв, что помощи ждать неоткуда, Гил принялся изо всех сил брыкаться, пытаясь высвободиться из скользких пут. С великим трудом ему удалось высвободить правую руку. Теперь дело пошло быстрее. Он обрывал целые пучки хрупких побегов, вросших в одежду и кожу, сбрасывал с себя извивающиеся обрывки, дрыгал ногами… Наконец он смог дотянуться до рукоятки меча. Лежа на спине, он принялся рубить ветки над собой; посыпался дождь скользких обрубков. Гил отмахивался от них левой рукой, а правой продолжал рубить. Наконец он расчистил над собой пространство, достаточное, чтобы встать. Преодолевая страшную боль в спине, начал приподниматься на локтях. Это было мучительно трудно — множество хищных побегов проросло, пока он спал, под его телом, намертво пришив его к земле. Гил напряг все силы и рванулся, сжав зубы, чтобы не закричать. Внизу хрустело, невыносимая боль пронзила его так, что в глазах потемнело и сердце чуть не выпрыгнуло из груди. Но он уже был свободен. Большая часть ростков осталась на земле, они извивались, покачивая окровавленными кончиками, словно щупальца лезущего из недр спрута. Другие те, что успели глубже врасти в тело, остались болтаться у него на спине вместе с комьями глины.

Гил встал. Его шатало из стороны в сторону, перед глазами плыли круги, липкие струйки крови стекали по телу. От затхлого,

пропахшего плесенью воздуха к горлу подступала тошнота. «Сейчас я потеряю сознание, — мелькнуло в голове, и это — смерть». Секунду или две он стоял неподвижно, напрягая все силы, чтобы не упасть. Наконец почувствовал, что стало легче головокружение уменьшилось, ноги обрели твердость. Он услышал голос Ки-Энду:

— Гил! Где ты? Я освободился! Помочь тебе?

— Не надо, я уже стою. Где дорога?

— Вот наш проход; Пробирайся сюда.

Гил взмахнул мечом.

— Осторожно! Я в двух шагах от тебя.

— Ага, вижу…

Гил достал нож и перерезал разделявшие их ветки. Через несколько мгновений они уже стояли рядом. Ки-Энду несколько раз ударил мечом по сплетению побегов, и друзья оказались в начале узкого хода, ведущего на север.

— Это мы прорубили, спасаясь от нидхагов, — сказал Ки-Энду. — Почему-то заросло только там, где мы спали, а в остальных местах…

— Бежим сюда! — прервал его Гил. — Потом расскажешь. Они выбрались из чащи и поднялись на вал. Дорога была пуста, и друзья спустились на нее, благо дыра в заграждении уже была ими проделана во время бегства от нидхагов.

— Воздух здесь почище, — сказал Ки-Энду, остановившись посреди дороги. Ну, как тебе наше приключение?

— Хан дэвин, Ки, на кого ты похож! — вскричал Гил, взглянув на своего товарища. — Ты же весь кишишь червями, как дохлый бык, неделю пролежавший на солнце!

— И ты, Гил, не лучше… О дэвы, как все чешется! Придется нам выковырять друг из друга эту гадость, пока она дальше не проросла. Ну-ка, раздевайся.

Гил стал снимать плащ. Это оказалось нелегким делом — одежда была словно прибита к телу гвоздями. Ки-Энду пришлось воспользоваться ножом, чтобы отпороть продырявленную материю от кожи. Затем, склонившись над Гилом, он принялся выдергивать из него прозрачные ростки. После них оставались маленькие круглые ранки, вскоре перестающие кровоточить. Но побеги были такими хрупкими, что большая часть их обламывалась, и тонкие кончики оставались внутри. К счастью, Ки-Энду быстро нашел способ их извлекать: достаточно было прижечь росток спичкой, как он сразу сжимался и выходил легко и безболезненно.

Ки-Энду провозился с Гилом не менее получаса. Наконец мучительная операция закончилась. Гил, вконец обессилевший от

боли, с трудом натянул одежду, — она была вся в мелких дырочках.

Потом они поменялись ролями.

Но с Ки-Энду что-то произошло: он сник и нахмурился, видно было, что его одолевают какие-то мрачные мысли. Гил подумал, что причиной всему боль и, чтобы как-то отвлечь его, принялся рассказывать всякие истории. Он даже пытался пошутить, заметив, что это занятие — выковыривание ростков из тела дело для него привычное, так как в детстве отец частенько посылал его в огород полоть грядки. Однако Ки-Энду не оценил юмора.

— Спички береги, — прохрипел он, — больше взять неоткуда. И постарайся быстрее закончить. Это же нидхагская дорога. Непонятно, как нас до сих пор не обнаружили.

— Ну, вот и все, — сказал наконец Гил, задувая спичку. — Можете одеваться, больной.

Они побрели по дороге на запад. Боль и усталость не давали им идти быстрее; к тому же сильно хотелось есть, а продукты остались в лодке. В тучах появились просветы, и Ки-Энду, взглянув на солнце, сказал, что они, судя по всему, проспали в Лесу совсем немного — самое большее час.

— Как же быстро растут эти дрянные деревья! — сказал Гил.

— Кстати, — заметил Ки-Энду, — тут есть одна интересная деталь. Помнишь, перед тем как заснуть, мы довольно долго беседовали? За это время никакого роста я не заметил. И проход, который мы прорубили, не зарос.

— Что ж, выходит, эти кровопийцы интересуются только спящими людьми?

— Думаю, что да. Спящими или, скорее, мертвыми. Должно быть, они приняли меня за мертвого. Боюсь, если они и ошиблись, то не сильно — на день или на два…

Гил решил не обращать внимания на дурное настроение Ки-Энду и попытался перевести разговор на другую тему.

— Знаешь, мне вдруг стало жаль нидхагов, которые здесь живут. Как это, должно быть, тоскливо — всю жизнь дышать плесенью и не сметь выйти ни на шаг за железную ограду. Вот ведь как смешно получается — после этого лесного приключения нидхаги кажутся мне чуть ли не братьями родными. У нас с ними так много общего — здесь, в Лесу. Мы одинаково боимся гуллов и этих мерзких деревьев; и нам, и нидхагам здесь одинаково неуютно.

— Это, конечно, очень трогательно, что ты испытываешь нежность к нидхагам, — ядовито заметил Ки-Энду. — Жаль только, что если они нас встретят, то вряд ли догадаются о нашем с ними родстве, даже если ты начнешь их обнимать и называть

братьями.

— Ты что, Ки? Ты хочешь меня обидеть? Не хватает еще нам с тобой сейчас поссориться!

Какое-то время они шли молча. Потом Ки-Энду сказал с глубокой тоской в голосе:

— Прости меня, Гил. Со мной происходит что-то нехорошее. Возможно, я просто схожу с ума. У меня появились навязчивые мысли. Какие-то предчувствия. Мне кажется, что я скоро умру. Это началось внезапно, когда я увидел ростки, копошащиеся у тебя на спине. Я сразу начал думать о червях, что заводятся в падали, и с тех пор не могу отделаться от этих мыслей.

— Но, Ки, ты же прекрасно знал, на что мы идем. Ты сам говорил, что, скорее всего, этот поход будет стоить нам жизни. Зачем же тоща, когда мы уже здесь и дороги назад нет, снова начинать этот разговор? Мы все взвесили, когда принимали решение, и теперь надо его выполнять.

— Я знал, что ты не поймешь меня. Ты-то останешься жив! И все остальные Эалин, Мирегал, Бхарг, Ру — все будут жить, а меня не будет. Я не хочу умирать, Гил! У меня от этого все смешалось в голове. Я уже никого не люблю. Я всех вас ненавижу! Вы будете жить, дышать, думать, чувствовать, а от меня останется только горсть золы. Я знаю, ты думаешь, что я просто струсил. Нет, я не трус. Но в душе у меня так пусто и холодно, я чувствую себя таким одиноким — Я обречен, Гил. Прости меня, я знаю, что не должен всего этого говорить, это слабость. Но предчувствие смерти лишает меня сил, отбирает мужество. Я чуть не плакал, когда ты выдергивал из меня ростки, — не от боли, а от сознания собственного бессилия перед судьбой. Кто распоряжается нами? Кто решает — кому жить, а кому умирать? Почему от нас ничего не зависит? Кто мы? Разумные существа, наследники дэвов, будущее мира? Или жалкие твари, не властные даже над собственной жизнью и смертью?

— Ки, послушай меня. Человек не может знать своего будущего. Все твои предчувствия — от страха и усталости. Почему ты решил, что умрешь, а мы все останемся живы? Как ты это определил? Ты должен понять: все, что с тобой происходит — это что-то вроде болезни. Кроме тебя самого, тебе никто не поможет. Я уверен, ты сможешь с этим справиться. Возьми себя в руки. Это болезнь. Не поддавайся ей. Помни, что мы должны убить Хумбу.

— Хорошо, Гил. Ты прав. Неважно, что это на самом деле. Я должен верить, что болезнь. Болезнь. Сейчас я с ней справлюсь. Дай мне только сосредоточиться.

Разговор оборвался. Ки-Энду шел, угрюмо глядя под ноги,

лицо его было напряжено, челюсти сжаты. Гил шагал следом, и мысли его бежали по кругу: как помочь Ки-Энду? — как достать чего-нибудь поесть? — как помочь?.. — как поесть?..

Обе проблемы, впрочем, были одинаково неразрешимы, во всяком случае, от Гила не зависело ничего.

Так они шли часа два, не проронив ни слова, углубляясь все дальше в Лес.

Дорога по-прежнему бежала прямо на запад по середине просеки. Деревьев не было видно за земляными валами, лишь еле слышное шуршание постоянно напоминало об их присутствии.

— Что-то давненько мы не встречали своих братьев нидхагов, — неожиданно произнес Ки-Энду.

У Гила отлегло от сердца: Ки-Энду улыбался! Он справился со своими страхами! Гил настолько обрадовался, что когда, спустя мгновение, они увидели впереди большую группу нидхагов, он совсем не почувствовал страха.

— А вот и они! Что будем делать, Ки?

— То же, что всегда. Пойдем, погуляем в лесочке.

Друзья посмотрели друг на друга и расхохотались. Но время терять было нельзя — нидхаги быстро приближались и в любой момент могли заметить людей. Они поднялись на вал справа от дороги, прорезали дыру в заграждении и притаились по ту сторону забора. Спускаться вниз, к кровожадным деревьям, им совершенно не хотелось, да в этом и не было необходимости. Нидхаги не заметили их. Сидя в укрытии, Гил рассматривал лес. Он был совершенно такой же, как и там, у реки. Правда, приглядевшись, Гил заметил нечто новое: маленькая белесая змейка немигающими глазами смотрела на них из ветвей. Ее тонкое тело изящно вплеталось в спутанную массу побегов.

— Гляди, змея, — тихонько сказал Гил.

— Ничего змейка, — сказал Ки-Энду. — Интересно, сколько лет прошло с тех пор, как она подохла?

— Да она живая! Видишь, повернула голову.

— Здесь не может быть ничего живого. Посмотри, какая она тощая и высохшая, какие у нее мертвые глаза. Это настоящая гулльская змейка, змеиный гулл.

— Ты уверен? — засомневался Гил. — Ой, а это что? Чуть поодаль, у самого подножия вала, лежали останки животного, по-видимому, волка. Шевелящиеся ростки пробивались сквозь свалявшуюся шерсть.

— Зря ты мне это показал, — пробормотал Ки-Энду, отворачиваясь. — Я сейчас опять начну думать о смерти и червях.

— Нет уж, пожалуйста, не надо! Смотри, нидхаги уже прошли. Можно идти дальше.

Они вернулись на дорогу. Теперь они уже не молчали — мирно беседуя, вспоминали былые времена, свою тихую счастливую жизнь, которая так внезапно оборвалась, но обязательно вернется, как только кончится война. Солнце давно уже перевалило за полдень, а они все шли, превозмогая усталость и старательно поддерживая неторопливую беседу, позволявшую им хоть на время забыть о реальности и о том, что их ждет впереди. Между тем, ранки, оставленные хищными растениями, нестерпимо чесались, и голод все сильнее давал о себе знать. Наконец

Гил не выдержал и решил все-таки задать Ки-Энду несколько тревожащих его вопросов.

— Ки, а нам еще далеко идти? — спросил он как бы невзначай.

— Довольно-таки, — ответил Ки-Энду, — по прямой от края леса до Хумбы семьдесят миль, мы прошли двадцать или чуть больше. Но мы идем не совсем правильно. Надо бы правее…

— Значит, сегодня не дойдем?

— Что ты! Если нам ничто не помешает, что вряд ли, и если эта дорога действительно ведет к Хумбе, в чем я тоже сомневаюсь, — словом, в лучшем случае мы будем там послезавтра.

— Как же мы проделаем такой путь на голодный желудок? Нет, ты не думай, я не жалуюсь, я могу идти еще долго. Но мне кажется, было бы неплохо раздобыть чего-нибудь поесть. Как ты думаешь, это возможно?

— Не знаю. Может быть, нам попадется какой-нибудь нидхагир, и мы сможем что-нибудь украсть.

— Украсть?..

— А что ты предлагаешь? Купить? У нас ведь нет выбора. И потом, мы уже научились убивать, а это большее зло, чем кража. Гил вздохнул… «Лучше не думать о еде», — решил он.

Беседа заглохла, и они долго шли молча. Вдруг Гилу показалось, что он слышит сзади шаги. Он оглянулся. Никого. Через несколько минут звук повторился. Но и на этот раз, оглянувшись, он увидел только пустую дорогу. «Странно, — подумал Гил. — Уж не схожу ли и я с ума? Вдруг эти ростки занесли в нас какую-то заразу, которая действует на мозг? Ки-Энду начал предчувствовать смерть и всех ненавидеть, а мне шаги мерещатся… Впрочем, здесь так тихо, что звук может быть слышен издалека. Возможно, кто-то действительно идет за нами — в миле, например, или в двух. Чтобы зря не тревожить друга, Гил решил не делиться с Ки-Энду своими опасениями. В конце концов, если это нидхаги, от них всегда можно спрятаться в лесу.

Дорога тянулась бесконечно, прямая, унылая и такая однообразная, что Гилу начало казаться, что она никуда не может привести их — сколько ни иди, она все так же будет бежать через лес и никогда не кончится. Гил страшно устал. От голода у него начала кружиться голова; зуд становился нестерпимым. Гил подумал, что, возможно, они не все ростки вытащили друг из друга. Может, самые кончики остались и теперь начали прорастать? Если так, только дэвы могут спасти их от медленной и мучительной смерти.

Дорога пошла круто вверх. Путники поднялись на пригорок, и их взорам открылось удивительное зрелище. Земляные валы, не подпускавшие лес к дороге, разбежались в разные стороны, окаймляя обширный, три-четыре мили в длину, четырехугольный участок — остров зелени в сером океане древесных гуллов. В середине участка располагался большой нидхагир — три десятка длинных низких домов. К западу от поселка виднелось пастбище, к югу было поле, засеянное ячменем, к северу — какие-то огороды. На восток от нидхагира, то есть прямо перед путниками, зеленел большой фруктовый сад.

— Красота какая! — восхищенно вздохнул Гил.

— Да уж!.. — протянул Ки-Энду. — А я еще сомневался, что нидхаги нам братья родные.

— Пошли скорее в сад. Смотри, какие там яблоки! Деревья были старые, с толстыми корявыми стволами. Видимо, почва и воздух не совсем подходили для яблонь: многие ветки засохли, листья пожелтели.

Гил и Ки-Энду шли по саду, выбирая дерево с плодами покрупнее. В предвкушении долгожданного пиршества они совсем забыли об опасности. Гил потряс одну из яблонь, но ни один плод не упал: видимо, яблоки были еще незрелые.

— Придется лезть, — сказал Гил и, ухватившись за сук, начал карабкаться на дерево.

Внезапно сзади раздался грубый окрик:

— Ворр, шрак! Слезат, яхр ил стрэлат! Гил свалился на землю. Ки-Энду схватился было за меч, но тут же опустил руку. Двадцать или тридцать нидхагов бежали к ним с разных сторон, грозно рыча и размахивая руками. Они окружили Гила и Ки-Энду, стали вокруг дерева и натянули луки.

— Рса тэт ар дур, — ухмыльнулся один из них, — ворр, гуллр грязныр.

— Вот и все, — шепнул Ки-Энду. — Как глупо!

Внезапно среди нидхагов возникло замешательство. Кто-то подошел к ним сзади.

— Дейр пленныкр ар гха балу, — услышал Гил знакомый

голос. Не веря своим ушам, он оглянулся и едва удержался, чтобы не вскрикнуть от изумления. Ряд вооруженных нидхагов расступился, и к яблоне направились двое — те, кого Гил меньше всего надеялся здесь встретить. Он готов был плакать от счастья! Впереди, в грязном изодранном платье, согнувшись под тяжестью огромного мешка, ковыляла Мирегал. За ней шел Бхарг в нидхагском плаще: в руке он держал обнаженный меч. Пользуясь тем, что его лесные сородичи не понимали ни слова на южном наречии, он зарычал грозным голосом, как будто ругаясь:

— Не бойтесь! Вы мои пленники! Я веду вас к государыне Ашт! Ну, шагайте вперед!

Бхарг легонько подтолкнул Мирегал, и та, притворно всхлипнув, прибавила ходу. Пробегая мимо яблони, она весело подмигнула Гилу и Ки-Энду из-под своего мешка. Друзья поспешили за ней. Растерявшиеся нидхаги посторонились, давая им пройти.

— Быстрей, быстрей! — подгонял их Бхарг. — Имя Ашт отшибло у них мозги, но не навсегда. Сейчас они сообразят, что пленники-то при мечах! Ну все, нас уже не видно. Побежали!

— Да возьми ты, наконец, свой противный мешок! — на бегу крикнула Мирегал, и Бхарг послушно взвалил ношу себе на спину. Они миновали фруктовый сад и по ячменному полю добежали до вала. Но нидхаги, находившиеся в поселке, заметили бегущих. Не прошло и минуты, как отряд косматых всадников выскочил им наперерез.

— Попались! — испуганно крикнул Бхарг.

— Ерунда, — успокоил его Гил, — отсидимся в лесу!

— В лесу? — Бхарг с ужасом посмотрел на Гила. — Нет, только не это. Нет! Я не пойду!

Ки-Энду взобрался на вал и прорубил отверстие в заграждении.

— Не бойся, Бхарг, — крикнул он сверху. — Мы уже дважды спасались таким образом. Это совершенно безопасно!

Гил и Мирегал подхватили Бхарга под руки и потащили его к дыре. Вскоре все четверо скрылись за проволокой. Ки-Энду и Гил принялись мечами расчищать проход, Мирегал и Бхарг шли следом.

— Это правда не опасно, господин Ки-Энду? — бормотал несчастный Бхарг. Почему же мне так страшно? Я никогда раньше не бывал в Хумба-Гире, но слышал, что местные никогда не заходят в лес. Говорят, здесь страшные деревья-людоеды, покойники и прочая нечисть.

Хоть Бхарга и трясло от страха, он все же не отставал от друзей, решив довериться их опыту.

Тем временем всадники поднялись на вал. Один из них поднял лук, намереваясь пустить стрелу вслед беглецам, но другие прорычали ему что-то, и он передумал. Отряд повернул вспять и скрылся из виду.

— Слава дэвам! — сказал Ки-Энду. — Теперь можно вернуться к заграждению. Куда ты так рванул, Бхарг? Мешок не потеряй!

Путники расположились на отдых на вершине вала, под самым забором. Наконец-то они могли отдохнуть и побеседовать. Ки-Энду не терпелось узнать, каким образом Мирегал и Бхарг оказались здесь, в Ха-мерке, да еще в такой критический момент, когда, казалось, их с Гилом уже ничто не могло спасти. Но ему пришлось временно подавить свое любопытство: Бхарг никак не мог прийти в себя после того, как на несколько шагов зашел в чашу, — он со страхом глядел на извивающиеся ветки, вздрагивал, мотал головой и бормотал что-то невнятное. Мирегал с Гилом сидели в сторонке, взявшись за руки, и, глядя друг на друга счастливыми глазами, беседовали о каких-то пустяках.

— Гилли, неужели ты хотел от меня убежать? — говорила Мирегал. — Помнишь, когда ты пришел ко мне в госпиталь, я сказала, что нас с тобой ничто не разлучит. Глупый, ты не поверил мне!

— Да, я помню. Я тоща немного расстроился, что ты так легкомысленно со мной простилась. Откуда мне было знать, что мы расстаемся только на день?

— Зато я это знала! Ты же от меня ничего скрыть не можешь, как бы ни старался. Я по твоим глазам все-все вижу, что у тебя на уме.

— Ну хорошо, ты могла догадаться, что я собираюсь уйти. Но как ты узнала, куда? Направление-то у меня в глазах не написано, я надеюсь?

— Пусть это будет моей маленькой тайной, — улыбнулась Мирегал.

— Какая же ты смелая! — восхищенно сказал Гил. — Ты что, пошла сюда, в этот ужасный лес, только для того, чтобы не расставаться со мной?

Мирегал кивнула и рассмеялась. Гил обнял ее. Ки-Энду, который все это время прислушивался к их разговору в надежде что-то узнать, не выдержал и обратился к сестре.

— Послушай, Мирегал. Ты все-таки должна объяснить, как вы сюда попали. Это не только ваше личное дело. Нам очень важно знать это. Понимаешь, кто-то подслушивал наши разговоры с Гилом в Эллигате, а потом, когда мы плыли по реке, за нами была погоня. Мы решили, что это шпионы из Леса, и, значит, Хумбе

известны наши планы. Но теперь получается, что это могли быть вы с Бхаргом. Я тебя очень прошу, расскажи все по порядку.

— Ах, Ки, как ты любишь, чтобы все вокруг были серьезны и говорили только о делах! Ну ладно, так и быть, расскажу. Кстати, вы случайно не голодны? У нас в мешке куча продуктов, пообедаем?

— Еще как голодны! — воскликнул Гил. — Бхарг, скорей развязывай мешок! Мы ведь из-за этого и попались — увидели яблоки и забыли об осторожности, даже не заметили, как нидхаги нас окружили.

Бхарг извлек из мешка хлеб, сыр, большой кусок вареной баранины и бутылку с водой. Даже Ки-Энду не устоял и, мгновенно забыв о своем неудовлетворенном любопытстве, набросился на еду.

Когда все насытились, Мирегал все же пришлось рассказать свою историю.

— Возвращаюсь я вечером из госпиталя, — начала она, — прохожу мимо двери Гиловой спальни и вдруг слышу очень таинственный голос любимого брата, который вещает о каких-то ужасах, как он это любит: о гуллах, тунах и прочей гадости. Нет, я вовсе не собиралась подслушивать. Но уж очень было интересно. Я только немножко постояла у двери, вот и все. Потом решила пойти прогуляться и все хорошенько обдумать. Я, конечно, сразу поняла, что раз вы решили совершить еще один подвиг, значит, вошли во вкус и отговаривать вас бесполезно. Но Гил решил от меня сбежать — вот с этим я никак не могла смириться. Нет, думаю, радость моя, никуда ты от меня не денешься!..

Я пошла к Бхаргу и рассказала ему обо всем. Мы заранее все обговорили: Бхарг сказал, что переоденется нидхагом, перестанет причесываться и чистить зубы, а я должна буду изображать его пленницу. Вчера вечером он прибежал ко мне и сказал, что вы отплываете. Мы помчались к реке — вещи у нас давно уже были собраны, — сели в лодку и поплыли за вами следом.

Сначала все шло хорошо, а потом вы, видно, нас услышали и так припустили, что мы порядочно отстали. Я боялась, что теперь мы вас не найдем в лесу, но нам повезло: мы заметили у берега вашу лодку и поняли, что вы пошли по дороге. Бхарг побеседовал с нидхагами, которые сидели в этом старом сарае, и от них мы все про вас узнали, нам даже показали дырку в заборе. Нидхаги ухмылялись и говорили: «Пусть теперь деревья обгладывают их косточки». Бхарг ужасно расстроился, но я не поверила, что вы погибли, и залезла все-таки в эту дыру. Дошла до конца прохода, где вы притаились, увидела, что вас там нет, и никаких косточек, конечно, тоже, и вернулась. Часа через три мы вас догнали, а

потом уже не выпускали из виду. Ну, вот и все, дальше вы знаете. И не надо на нас сердиться, Ки, мы же вам не помешаем! С Бхаргом куда безопаснее! Правда, он здорово придумал про пленников? Одно только плохо он каждый раз взваливал на меня этот тяжеленный мешок, когда видел нидхагов. Ну, теперь вы будете его тащить!

Не успела Мирегал договорить, как Гил снова начал ее обнимать, шептать что-то на ухо. Ки-Энду пустился в рассуждения о Хумбе и о том, что она знает и чего не знает, а Бхарг только посмеивался и ковырял в зубах спичкой…

Наконец Ки-Энду сказал, что пора идти дальше. Они двинулись по гребню вала — слева был лес, а справа, за забором, ячменное поле и нидхагир. Ки-Энду и Гил по очереди тащили мешок, а Бхарг нес три асгардских меча.

Через час они добрались до западного края огражденного участка. Отсюда снова начиналась просека. Они спустились на дорогу и продолжили свой путь на запад. Идти вчетвером было гораздо веселее — они непрерывно болтали, смеялись, шутили. Вскоре Гил и Ки-Энду забыли о том, что у них все чешется и что они хотят спать. Даже о своем страшном приключении они почти перестали вспоминать и ни словом о нем не обмолвились, решив, что ни к чему лишний раз пугать Бхарга и расстраивать Мирегал.

Когда солнце уже клонилось к западу, им повстречался нидхаг на вороной кобыле. Бхарг перекинулся с ним парой слов и, когда всадник скрылся из виду, сказал друзьям:

— Плохо дело! Дорога впереди перекрыта. Видно, здешние власти прознали, что в Лесу появились чужаки.

— Что ж, придется пробираться через чащу, — спокойно произнес Ки-Энду. Все равно дальше по этой дороге нам идти бессмысленно: давно уже пора свернуть направо. Не бойся, Бхарг, это совершенно безопасно. Главное — не засыпать.

— А если заснуть?

— Понимаешь, эти деревья очень быстро растут. Потом будет трудно выбраться из чащи.

Они вошли в лес. Шуршащие ростки, полумрак и затхлый воздух окружили их. Движение их сразу замедлилось. Вскоре стало ясно, что удобнее всего идти гуськом — один из мужчин расчищал дорогу, остальные они следом. Бхарг, видимо, сумел побороть свой страх или, по крайней мере, научился его не показывать. Мирегал постоянно болтала и шутила, прилагая все усилия, чтобы ее спутники не пали духом.

Они преодолели не более трех с половиной миль, когда начало темнеть. Сразу похолодало, запах плесени усилился и стал почти невыносимым; быстрее начали шевелиться прозрачные

побеги. Откуда-то появилось множество белых змеек — они бесшумно скользили в ветвях и время от времени падали путникам на головы, отчего Мирегал каждый раз отчаянно визжала. Ки-Энду повернулся к Гилу и сказал тихо, чтобы остальные не услышали:

— Скоро придется останавливаться на ночлег. У тебя есть какой-нибудь план?

— Ну, наверное, вырубим участок побольше, все вытопчем, выдернем все росточки… Хорошо бы развести костер.

— Боюсь, что эти деревья не будут гореть, они слишком водянистые. А на земле спать нельзя, они же вырастают оттуда за считанные минуты.

— Что же делать?

— Не знаю.

Лес быстро погружался во тьму. Скользкие ветви со всех сторон тянулись к путникам, трогая их лица, обвиваясь вокруг ног. Страх начал овладевать ими. Мирегал притихла, Бхарг снова начал дрожать.

— Я не смогу идти всю ночь, — жалобно произнесла девушка. — Давайте остановимся хоть ненадолго.

Бхарг, уже давно с трудом волочивший ноги, стал как вкопанный, и хрипло прошептал:

— Дальше нельзя. Дальше смерть.

В этот момент Гил, прорубавший дорогу, воскликнул изумленно:

— Смотрите, поляна!

Усталые путники оказались на краю небольшой, сотню шагов в диаметре, круглой площадки. Глинистая почва была полностью лишена растительности, лишь в самом центре поляны, раскинув могучие ветви, стоял огромный дуб настоящий живой дуб!

Мирегал подбежала к дереву и обняла его, прижавшись лицом к потрескавшейся коре.

— Милое дерево! — воскликнула она, и Гил не смог понять по ее голосу, плачет она или смеется. — Сколько в тебе силы, сколько мужества! Смотрите, оно же в одиночку борется с этим гадким лесом! Вокруг давно уже не осталось ни одной живой травинки, а дуб все равно не сдается, и эта мертвая поросль не смеет к нему приблизиться. Нам бы такую волю к жизни — мир был бы вечен!

— Дерево и правда красивое, — согласился Ки-Энду. — И нам очень повезло, что мы на него наткнулись — здесь мы переночуем спокойно. К тому же я вижу сухие ветки, значит, можно развести костер.

Они поужинали в наступившей темноте и легли спать, решив,

что мужчины будут по очереди охранять сон остальных. Гил вызвался нести вахту первым; он сидел у костра и, время от времени подбрасывая в огонь дубовые сучья, прислушивался к лесным шорохам. Мирегал что-то бормотала во сне. Гилу удалось разобрать отдельные слова: «Твои корни доходят до дна бездны, на твоей кроне покоится свод неба — Ты — середина мира, опора жизни… Пока ты стоишь, мы бессмертны».

«Бедненькая, — подумал Гил, — у нее тоже помутился разум, как у Ки. Милая моя, отважная девочка! Как же мне помочь тебе?»

Тихая беззвездная ночь окутала землю мраком. Зловеще шуршали древесные гуллы, чуть слышно шелестели листья старого дуба. Весело потрескивали сучья в костре; искры уносились к небу.

Гил сидел у огня; лицо его было спокойно, и в душе не было страха.

Он твердо знал, что найдет бессмертие.

Глава 17
ХУМБА

С первыми лучами солнца они двинулись в путь. Серые влажные стволы и шевелящиеся ветки вновь окружили путников. Бхарг был смертельно бледен страх опять овладел им, каждый шаг давался ему с великим трудом. Напрасно Мирегал пыталась его успокоить: чем дальше они углублялись в лес, тем сильнее дрожал бедный нидхаг. Они не успели пройти и четверти мили, когда он остановился и хрипло произнес:

— Подождите, дальше нельзя. Мы приближаемся к чему-то ужасному.

Гил тоже смутно ощущал какую-то угрозу. Он взял Мирегал за руку, и они остановились, прислушиваясь. Ки-Энду, расчищавший дорогу, тоже встал как вкопанный.

— Что там? Ты что-то увидел? — спросила Мирегал.

— Тс-с! Подойдите ко мне, только тихо! Смотрите!

Гил, Мирегал, а вслед за ними и трясущийся Бхарг подошли к Ки-Энду и посмотрели туда, куда он показывал. То, что они увидели, напоминало картину из кошмарного сна. Через сплетение ветвей была видна дорога. По ней бесконечной вереницей, в затылок друг другу, шли гуллы. Они бесшумно переставляли сухие тонкие ноги; их плоские лица были неподвижны. Руки висели, как плети; кисти были несоразмерно велики, пальцы заканчивались чудовищными белыми ногтями. Гуллы шагали на юг, словно влекомые какой-то неведомой силой. Никто из них не смотрел по сторонам; им не было никакого дела до притаившихся за деревьями людей.

Увидев, что гуллы не замечают их, Бхарг несколько успокоился.

— Сколько мертвецов! — сказал он шепотом. — Должно быть, идут в Ахел.

— Эта дорога нам очень удобна, — сказал Ки-Энду. — Она ведет прямо на север. По ней мы наверняка доберемся до Хумбы.

— Вы хотите идти по гуллской дороге, господин Ки-Энду?

— Почему бы и нет? Здесь все гуллское, Бхарг, этот лес — настоящее царство мертвых.

Но время шло, а конца страшной процессии все не было видно. Лишь через полчаса показался последний гулл. А позади колонны ехала на бледном коне юная, прекрасная женщина. Ее смуглое лицо, казалось, вобрало в себя всю красоту темных южных ночей; в ее чертах было столько благородства, величия,

что у Гила перехватило дыхание. Он почувствовал, что готов следовать куда угодно за прекрасной всадницей, без оглядки подчиняясь ее воле. Поэтому он не удивился, когда Бхарг упал на колени и, сложив руки, словно в мольбе, пробормотал:

— Приказывай, госпожа! Я твой раб!

Ки-Энду приблизил острие меча к лицу Бхарга и хрипло произнес:

— Молчи и не двигайся, или я убью тебя.

Бхарг замер, широко раскрыв глаза; только губы его продолжали шевелиться.

Гил не мог отвести взгляда от всадницы.

— Как она прекрасно, — шепнул он.

Как ни тихо это было сказано, Мирегал услышала.

— Посмотри получше, — прошептала она ему на ухо, — у нее же ледяные глаза. Неужели тебе такие нравятся?

Но Гил не слушал ее.

— Как она попала сюда, эта женщина-дэв, что она делает среди гуллов?

Мирегал ущипнула его за руку.

— Очнись! Разве это дэв? В ее лице нет ни капли добра, только холод и презрение ко всему живому. А этих гуллов она гонит в Ахел или в Эн-Гел-а-Син — на погибель нашим близким!

Всадница проехала мимо, не заметив путников. Она смотрела лишь на шагающих впереди мертвецов, а те все шли и шли по дороге на юг, безмолвные и безвольные, покорные ее взгляду.

Наконец и гуллы, и всадница скрылись вдали. Бхарг начал понемногу приходить в себя. Он встал на ноги и смущенно попросил прощения.

— Я ничего не мог с собой сделать. Если бы она приказала мне убить вас, я бы не посмел ослушаться… Это даже не страх. Мне кажется, я перестал быть собой.

— Кто эта прекрасная женщина, Бхарг? — спросил Ки-Энду.

— Ты знаешь ее?

— Как я могу не знать государыню Ашт! — воскликнул

Бхарг. — Ашт — великая владычица леса, она единственная из всех тунов, переродившись, сохранила свой прежний облик.

— Видно, такая оболочка одинаково пригодна как для добра, так и для зла, — с улыбкой заметил Ки-Энду. — Остерегайся красивых женщин, Гил!

После долгих споров Ки-Энду убедил своих спутников пойти по гулльской дороге. Было очевидно, что она ведет прямо к Хумбе; кроме того, Ашт, по-видимому, перегнала на юг всех или почти всех имевшихся около Хумбы гуллов. Это позволяло надеяться, что путникам не грозит еще одна встреча с ними;

нидхаги же наверняка не пользовались этой дорогой.

— К тому же, — сказал Ки-Энду, — у нас есть Бхарг, который чует гуллов на расстоянии… Как только тебе станет страшно, Бхарг, — сразу говори!

— Вот как, значит, и трусость может оказаться полезной? — улыбнулся Бхарг.

Они двинулись на север по гулльской дороге. Как и предсказывал Ки-Энду, этот путь оказался самым безопасным: за весь день они не встретили ни гуллов, ни нидхагов. Гил, Мирегал и Ки-Энду то и дело спрашивали Бхарга, не страшно ли ему, и он неизменно отвечал, что ни капельки. К вечеру эти вопросы превратились в своеобразный ритуал, очень веселивший путников. К тому же Мирегал заметила, что Гил и Ки-Энду постоянно почесываются, совсем как несчастные обитатели хутора Горячий Ключ, заеденные клопами, — это тоже служило предметом ее шуточек.

После ужасов и опасностей вчерашнего дня путешествие по гулльской дороге показалось Гилу развлекательной прогулкой; он шагал в каком-то полусне, и когда они после захода солнца остановились на ночлег, он почти не чувствовал усталости, хотя за день прошли добрых тридцать пять миль.

На этот раз они не стали разводить костер — не было дров; спать пришлось прямо на дороге. Короткая июньская ночь пролетела на удивление быстро, и на рассвете путники двинулись дальше на север.

Они шли около двух часов, когда Бхарг, доселе неустрашимый, сказал, что ему не по себе. Путники остановились. Стояла полная тишина, лишь ветви шуршали, извиваясь.

— Ну как, Бхарг, — спросил Ки-Энду, — что ты чувствуешь?

— Впереди какая-то опасность. Наверное, гуллы.

— Они приближаются?

— По-моему, нет. Во всяком случае, страшнее мне не становится.

— Хорошо, стойте здесь, я пойду посмотрю, — сказал Ки-Энду и быстро зашагал вперед. Поднявшись на пригорок, он махнул рукой своим спутникам, приглашая их следовать за ним.

— Наверное, ты ошибся, Бхарг, — сказал он, когда они приблизились. Дорога пуста. Правда, она кончается тупиком…

Действительно, им оставалось идти по дороге не более полумили; дальше она бесследно исчезала, упершись в деревья.

— Вот так штука, — удивился Гил. — Мы-то надеялись, что она ведет к Хумбе, а она, оказывается, не ведет вообще никуда. Зачем только ее сделали? И откуда взялись на ней гуллы и Ашт?

Дойдя до конца дороги, они увидели на земле большой металлический диск. Бхарг указал на него дрожащей рукой.

— Это там, — пролепетал он, — под этой штукой!..

— А-а, это, наверное, вход в подземелье, — сказал Ки-Энду,

— оттуда и вышли те гуллы, которых мы видели.

— Там их еще много, господин Ки-Энду! — сказал Бхарг.

— Я туда ни за что не полезу!

— А нам туда и не надо. Пойдем через лес. Мы почти у цели. Они снова углубились в чащу, мечами расчищая себе дорогу. Прошло совсем немного времени, и вдруг лес кончился. Путники очутились на краю огромного ровного поля, выложенного шестиугольными каменными плитами. Слева возвышалась ступенчатая пирамида — магдел. У ее подножия теснилось множество низких, длинных сараев. В центре поля — в миле от путников и полумиле от магдела они увидели цель своего путешествия — Хумбу.

Блестящий черный шар лежал на прямоугольной подставке, выдолбленной наподобие чаши, так что нижняя часть шара погружалась в нее.

Гил ожидал увидеть нечто более внушительное — в действительности Хумба была высотой всего в три человеческих роста. Вокруг нее стояло семь металлических столбов с перекладинами. Нигде не было видно ни души. Стояла полная тишина.

— Вот мы и пришли, — немного растерянно произнес Гил.

— Неужели все так просто? Я думал, Хумба гораздо больше, и вокруг нее стоит целая армия нидхагов, тунов и гуллов. Ну ладно, раз так, пойдем убьем ее поскорее, да и домой!

— Не говори глупостей, — оборвал его Ки-Энду. — Просто! Видишь эти кресты? Бхарг, скажи, как они называются.

— Деревья ужаса, господин Ки-Энду. Это стражи Хумбы. Они не подпускают к ней чужих.

— Интересно, как они отличают чужих?

— Говорят, есть специальные опознавательные знаки…

— Вот бы достать такой знак! — сказал Гил.

— Мы с тобой глупцы! — сказал Ки-Энду. — Надо было обыскать убитого Хасмода. Ну да ладно! Пойдем посмотрим, что это за деревья. Может, удастся срубить их или как-нибудь обезвредить.

— Подождите. Давайте на всякий случай замаскируемся, — предложил Бхарг. Отдайте мне свои мечи.

Но Гил и Ки-Энду предпочли оставить оружие у себя: они повесили мечи себе на шею, спрятав их под одеждой. Бхарг для большей достоверности связал им руки за спиной — впрочем,

узлы он сделал настолько слабыми, что веревку можно было в любой момент сбросить. Мирегал взвалила себе на спину изрядно полегчавший мешок, и все четверо зашагали прямо к Хумбе. Через четверть часа они беспрепятственно подошли почти к самым столбам. В пятидесяти шагах от ближайшего металлического креста на земле была проведена красная черта; она тянулась в обе стороны, загибаясь к северу. Нетрудно было догадаться, что это круг, центром которого является Хумба.

— Достаточно недвусмысленная линия, — заметил Ки-Энду. — Дальше чужакам хода нет. Посмотрим, однако, каким образом нас задержат.

Они подошли к запретной черте и остановились: ближайший к ним столб бесшумно повернулся, его перекладина наклонилась, так что теперь один ее конец торчал вверх, а другой был направлен на красную линию, под ноги путникам.

Несколько мгновений Ки-Энду о чем-то напряженно думал, потом сложил руки рупором и крикнул, обращаясь к черному шару, что стоял в трех сотнях шагов от них:

— Хумба, ты слышишь меня? Пропусти нас, мы можем сообщить тебе много интересного. Мы знаем, как был убит Хасмод! Ты сама увидишь тех, кто убил его!

Ки-Энду постоял немного, дожидаясь ответа, потом сказал, обращаясь к спутникам:

— Бесполезно, она не слышит…

— Может быть, она просто читает наши мысли и поэтому не подпускает нас?

— Вели бы она читала наши мысли, нас бы давно схватили и мы стояли бы сейчас перед ней в несколько ином качестве… И потом, Хумба хоть и машина, во машина мыслящая. Поэтому у нее наверняка есть, как и у Мидмира, своя индивидуальность, которая выражается прежде всего в постоянной жажде новых знаний. Мидмир необычайно любопытен, и Хумба, скорее всего, такая же. Но Мидмир служит добру, а Хумба злу. Подумай, разве мог бы такой великий разум оставаться черным и помогать тунам, если бы поступающие в него сведения не сортировались и не отбирались самым тщательным образом? Скорее всего, Хумба не может самостоятельно получать знания, она не видит и не слышит ничего, что происходит снаружи от этих крестов, и тем более не читает мыслей. Эти несчастные шпионы — он кивнул на Мирегал и Бхарга — ввели меня в заблуждение. Но теперь я не сомневаюсь, что это именно так…

— Ки, остановись! Ведь мы пришли сюда не затем, чтобы обсуждать возможности Хумбы… Что, по-твоему, сделают эти столбы, если мы перешагнем черту?

— Не знаю, — Ки-Энду посмотрел на столб, на Хумбу, на своих товарищей. Надо попробовать, вот и все. Я сейчас ее перешагну, а вы… Словом, если со мной что-нибудь случится, обещайте не падать духом и попробовать все-таки подобраться к Хумбе, ладно? Есть же и другие пути, например…

— Не торопись, братик! — перебила его Мирегал. — Твоя жизнь нам еще пригодится. У нас есть кое-что менее ценное.

— С этими словами она сняла со спины мешок и перебросила его через черту. Он вспыхнул пламенем и сгорел без следа, не долетев до земли.

Путники замерли, потрясенные и, не в силах вымолвить ни слова, посмотрели друг на друга. Мирегал чуть улыбнулась.

— Вот видите, как хорошо, — сказала она. — Больше не придется таскать этот гадкий мешок.

— Спасибо, сестра, — сказал Ки-Энду с чувством. — Ты дала мне пожить еще немного.

— Что же мы теперь будем делать? — спросил Гил. Ки-Энду посмотрел ему в глаза, как делал каждый раз, собираясь сообщить неприятную новость.

— Я вижу только один путь — гулльское подземелье. Помните люк в конце дороги? Вон там, в двух шагах от Хумбы, точно такой же.

— Гулльское подземелье… — пробормотал Гил. — Но…

— Нидхаги! — воскликнул вдруг Бхарг, указывая рукой на запад, и Гилу показалось, что в этом возгласе было больше облегчения, чем страха. Он посмотрел туда, куда показывал Бхарг. Из длинного дома — одного из тех, что стояли у подножия магдела, — вышли нидхаги, два десятка или больше; построившись прямоугольником, они быстро шагали к Хумбе.

— Бежим! — сказал Бхарг.

— Нет. Бежать нельзя, — Ки-Энду говорил быстро, чтобы успеть сказать все это до того, как враг приблизится. — Бхарг, все зависит от тебя. Сообрази, что говорить. Нидхаги обслуживают Хумбу. У кого-нибудь из них должен быть пропуск. Этот кто-то мечтает о повышении в звании. Для этого нужно выслужиться перед Хумбой. Хумба любопытна. Мы — твои пленники, мы развязали воину, мы сбежали от Халгата, мы убили быка, мы знаем замыслы дэвов… Ты привел нас по приказу Ашт… Действуй!

Нидхаги подошли к ним и остановились в десяти шагах. Один из них видимо, мелх — стоял отдельно от отряда. На лице его не было обычного для нидхагов зверского выражения, он был причесан, и его умные маленькие глазки внимательно разглядывали незнакомцев.

— Хро, бал! — поздоровался Бхарг. — Яхр…

— Воин, мне не нравится эта тарабарщина, — негромко произнес нидхагский мелх. — У нас принято говорить на йоммоле, и если тебе не известен этот язык, я предпочел бы общаться с твоими пленниками.

Нидхаг, несомненно, говорил на южном наречии, хотя и несколько необычно произнося слова. Бхарг улыбнулся и заговорил уверенно, спокойно и убедительно:

— Приветствую вас, господин…

— Тлуак, — подсказал нидхаг.

— Господин Тлуак, я прибыл сюда по приказу великой владычицы. Мое имя Ргабх, раньше я служил в Ио-Тун-Гирском магделе. Моя специальность — особо важные и секретные поручения. С начала войны я был переведен в Хумба-Гир и три дня назад, выполняя ответственное задание в Эллигате, захватил пленников, располагающих важнейшими сведениями. Владычица велела их доставить к великой Хумбе для допроса и изучения. И вот я привел их, но Хумба не пропускает нас, и я в замешательстве.

— Почему же владычица не дала тебе пропуск? — спросил Тлуак. Он говорил очень тихо, лениво растягивая слова.

— Она собиралась сама присутствовать на допросе. Когда мы встретились с ней в условленном месте на гулльской дороге…

— Ты забыл, где находишься, Ргабх, — прервал его Тлуак.

При упоминании о гуллах лицо его скривилось от отвращения.

— Я понимаю, что тебе по долгу службы приходится участвовать в темных делах и бывать в запретных местах, но оскорблять слух служителей магдела и Хумбы непозволительно. Итак, ты полагал, что владычица будет здесь к моменту твоего прихода? Как видишь, ты ошибался. Любопытно, как ты это объяснишь.

— Видимо, она задержалась. Во время нашего свидания она сказала, что вернется к Хумбе, как только выведет гу… Как только закончит дело, которым она была в тот момент занята; это должно было произойти сегодня утром…

— Странно! Мы полагали, что владычица должна вернуться вечером. Но с этим мы еще успеем разобраться. Теперь ответь мне, что ты собираешься делать.

— По-видимому, единственное, что я могу предпринять — это дождаться возвращения владычицы.

При этих словах Гил и Мирегал испуганно переглянулись, а Ки-Энду лишь чуть улыбнулся.

— Так-так… — задумчиво произнес Тлуак. — Разумеется, это

самое очевидное решение. Но самое очевидное — не всегда самое разумное. Пойдем с нами, Ргабх. Я вижу, что разговор с тобой обещает быть интересным. Твоих пленников мы пока спрячем в надежном месте. Возможно, я смогу предложить тебе что-то другое… На войне, Ргабх, всякое промедление чревато большими неприятностями. И низшим чинам иногда приходится брать на себя ответственность за решения, которые в мирное время могут принимать только верховные мелхи.

Тлуак жестом предложил Бхаргу и пленникам следовать за ними, а отряд нидхагов зашагал обратно, к низким серым домам. По дороге Тлуак несколько раз оглядывался на Мирегал.

— Ргабх, — сказал он наконец, — ты уверен, что Хумбе нужны все твои пленники? Например, эта девушка: неужели она представляет какую-то ценность для Хумбы и великих тунов? Не лучше ли нам использовать ее несколько иначе?

— Стоит ли торопиться, Тлуак? — спокойно возразил Бхарг. — Сейчас она, разумеется, нужна Хумбе, иначе я не привел бы ее сюда. Но после допроса — уж я позабочусь, чтобы прочие ее достоинства не пропали даром… Хумба, надеюсь, согласится на это, получив такое количество интереснейших сведений благодаря нам! — Благодаря нам… — в раздумье произнес Тлуак. — Я-то здесь ни при чем. Хотя… Если служитель Хумбы проявит рвение и возьмет на себя какую-то ответственность — ей на благо, — возможно, он заслужит поощрение.

— Еще бы! — поддержал его Бхарг. — Конечно, заслужит!..

Достигнув поселка у подножия магдела, Бхарг и Тлуак направились в один из домов; пленников втолкнули в небольшое каменное здание без окон, с голыми стенами и полом. Когда тяжелая дверь захлопнулась, они оказались в полной темноте. В помещении было сыро и холодно, как в погребе.

Едва они остались одни, Мирегал бросилась к Ки-Энду и схватила его за плечи.

— Что все это значит, Ки? Бхарг предал нас? Что они замышляют? Что они хотят со мной сделать? Нас допросят, убьют, превратят в гуллов? Почему мы не бежим отсюда? Дай мне свой меч!

— Не торопись, сестренка! — спокойно сказал Ки-Энду. — Бхарг повел себя не просто правильно: он проявил необыкновенную мудрость.

— Но он сказал, что будет дожидаться возвращения Ашт!

— И тем самым навел Тлуака на мысль, что этого возвращения лучше не ждать. Тлуак сообразил, что если он проявит инициативу и проведет нас к Хумбе сразу же, не дожидаясь команды, то может рассчитывать на награду. Бхарг

весьма искусно соблазнил его… и ты сыграла в этом не последнюю роль. Все пока идет хорошо. Я думаю, нам недолго придется ждать. Правда, этот Тлуак болтлив и считает себя культурным и образованным, а в Бхарге он нашел достойного собеседника… Как бы они не заговорились! Впрочем, нет, не зря же Бхарг выведал у него время возвращения Ашт. Он не даст себя заговорить.

— А если Тлуак уличит Бхарга во лжи? — засомневался Гил. — Или Ашт вернется раньше? Или нас обыщут, перед тем как вести к Хумбе, и найдут мечи?

— Разумеется, Гил, любая случайность может нас погубить. Но согласись, что наш шанс на успех — тот самый один из тысячи, с которым мы отправлялись в путь, — пока сохраняется. Давайте не будем больше об этом говорить. Сейчас все зависит от Бхарга, нам же остается только ждать…

Время тянулось медленно. Мирегал казалось, что прошла уже целая вечность. Наконец дверь отворилась, и пленники зажмурились от яркого света. На пороге стоял Бхарг.

— Встать! — рявкнул он. — За мной!

«Неужели он все-таки предал нас?» — с ужасом подумал Гил. Но его сомнения рассеялись, как только он вышел на улицу: у порога, рядом с Бхаргом, стоял Тлуак и еще трое нидхагов.

— Шагайте вперед. Сейчас вы предстанете перед Хумбой.

Они побрели к черному шару; руки у Гила и Ки-Энду по-прежнему были связаны, на шее висели скрытые под одеждой мечи. Вслед за пленниками шагал Бхарг, Тлуак и трое стражников. По пути Тлуак давал наставления:

— Если вы подробно и правдиво ответите на все вопросы, ваша смерть будет легкой и быстрой, а после вас воскресят, и вы будете… жить еще долго. Имейте в виду: обмануть Хумбу невозможно, она мгновенно распознает ложь. В этом случае ваша участь будет… весьма печальной… — Тлуак так добродушно улыбнулся, что Гил едва удержался, чтобы не броситься на него.

В десяти шагах от красной линии Тлуак приказал всем остановиться, сам же пошел дальше, спокойно переступил черту и направился к Хумбе. Подойдя почти вплотную к каменному возвышению, он что-то сказал. В ответ раздался сильный, грудной, но в то же время мягкий, женский голос Хумбы:

— Проходите, я усыпила стражей.

Бхарг, пленники и нидхагские воины перешагнули черту — железные кресты стояли неподвижно — и подошли к каменному постаменту. Слева от того места, где стоял Тлуак, на земле лежал металлический диск — дверь в подземелье. Пленники остановились возле него.

— Они уже здесь, госпожа, — сказал Тлуак.

Черный шар начал медленно поворачиваться в своей чаше; женский голос при этом произносил:

— Спасибо, Тлуак, ты заслужил награду — Пленники, назовите свои имена и звания… Отвечайте громко и четко и не смейте лгать…

Вот шар остановился; теперь на пленников был наведен одиноко блестевший на черной поверхности рубиновый глаз. В тот же миг, не дожидаясь ответа на первый вопрос, Хумба сказала:

— Тлуак, вы обыскали пленников?

— Нет, госпожа.

— Тлуак, твоя жизнь в опасности — Труби в рог… Воины, убейте этих пленников и предателя Бхарга.

Гил и Ки-Энду мгновенно выхватили мечи и бросились на стражников. Бхарг поспешил им на помощь. Поединок завершился в считанные секунды — кривые мечи нидхагов, скрестившись с асгардскими клинками, распались на части, а трое стражников остались лежать на каменных плитах.

Тлуак, стоявший в отдалении, затрубил в рог. Из домов у подножия магдела начали выбегать вооруженные нидхаги. Бхарг подбежал к Тлуаку; тот стал отступать, выставив меч; Бхарг изловчился и перерубил его лезвие, после чего Тлуак обратился в бегство.

Хумба вращалась в своей чаше, наблюдая за ходом схватки. Когда все было кончено, она сказала:

— У вас хорошие мечи — Бросьте их сюда, на железный круг, и я подарю вам легкую смерть…

— Сначала ты испытаешь их на себе, — Ки-Энду направился к шару.

— Ты пожалеешь об этом, когда я буду рвать твое тело на куски в своем подземелье, — с угрозой заговорила Хумба, наведя на Ки-Энду темно-красный глаз. Тот быстро приближался, а сзади его уже догоняли Гил и Бхарг. И тут голос Хумбы изменился: теперь с ними говорила плачущая юная девушка:

— Подарите мне жизнь, о герои… Я сделаю все, что вы пожелаете… Я дам вам великую силу, великую власть — над тунами, над дэвами и над людьми…

Ки-Энду остановился в трех шагах от шара и увидел множество приближающихся к красной черте вооруженных нидхагов.

— Разбуди стражей! — крикнул он Хумбе.

— Слушаюсь, господин.

Столбы повернулись, наклонив перекладины, и трое

нидхагов, ослепительно вспыхнув, исчезли; остальные столпились у черты.

— Прикажи им уйти!

— Убирайтесь! — приказал голос.

Нидхаги бросились наутек.

— Я стану служить добру, я уничтожу тунов и гуллов… — снова заговорила Хумба.

— Ки, может, она не врет? — крикнул Гил.

Ки-Энду, не отвечая, бросился к черному шару.

— …а нидхагов сделаю людьми… — Она говорила так жалобно, что трудно было усомниться в ее искренности, — никогда больше не будет на земле зла, настанет эпоха мира и благоде… — Ки-Энду занес меч, и Хумба мгновенно переключилась:

— Только я могу спасти мир, когда оружие дэвов попадет в руки тунов… Дослушайте же!.. — Меч опустился и глубоко рассек черный панцирь, во все стороны посыпались искры. — Только я смогу убедить тунов не применять оружия!.. Убивая меня, вы убиваете свою последнюю надеж… неисправность в блоке три-три три-ноль конец программы…

Бхарг и Гил, подбежав, вонзили в Хумбу свои мечи, но это было уже лишним. Черный шар был мертв, глаз его потускнел, став из рубинового темно-бурым.

— Ки! Мы победили, да? Она умерла?

— Да, Гил… — Ки-Энду посмотрел на друга пустым взглядом. — Мы все-таки сделали это…

Глава 18
АШТ

1. На красоту Гильгамеша подняла очи
государыня Иштар:
«Давай, Гильгамеш, будь мне супругом!»
2. …стал недуг тяжелей к Энкиду.
Одиннадцатый и двенадцатый дни миновались
На ложе своем приподнялся Энкиду,
Кликнул Гильгамеша, ему вещает:
«Друг мой отныне меня возненавидел…
Друг, что в бою спасал, — почему меня покинул?
Я и ты — не равно ли мы смертны?»
3. Энкиду, младший брат мой,
Гонитель онагров в степи пантер на просторах!
С кем мы, встретившись вместе, поднимались в горы,
Вместе схвативши, Быка убили,
Что за сон теперь овладел тобою?
Стал ты темен и меня не слышишь!
А тот головы поднять не может.
Тронул он сердце — оно не бьется.
4. Шесть дней миновало, семь ночей миновало,
Пока в его нос не проникли черви.
Как же смолчу я, как успокоюсь?
Друг мой любимый стал землею!

«О все видавшем», эпос о Гильгамеше, VI–IX

Как зачарованная смотрела Мирегал на мертвую Хумбу, на круглую голову с помутневшим взглядом, которая только что так страстно боролась за свою жизнь.

— Вдруг это правда, — задумчиво произнесла Мирегал, — то, что она сказала в последний момент? Неужели мы опять совершили ошибку?

Гил не слышал ее. Беспокойно озираясь, он сказал:

— Надо быстрее уходить отсюда!

Мирегал с трудом оторвала взгляд от Хумбы.

— Неужели тебе совсем ее не жалко?

— Мне? Но это всего лишь машина. Она хотела нас обмануть… Конечно, жалко. Но все равно, Ми, надо бежать. Пока нидхаги не вернулись.

— Нам туда, — Ки-Энду показал на северо-восток. Он совсем сник, на лице его застыло тоскливо-безразличное выражение.

— Почему? Мы пришли с юга.

— Выйдем в долину Меллнира. Это гораздо ближе, чем Эллигат

— Что с тобой? Опять предчувствия? Ки-Энду не ответил.

Они миновали круг деревьев-стражей и подошли к красной линии.

— Стойте, — Гил, оглянувшись, увидел, что столбы повернулись и навели на них смертоносные перекладины. — Они по-прежнему охраняют черту. Придется их срубить. Теперь это не трудно, раз мы внутри, а не снаружи.

Он подошел к ближайшему кресту и, примерившись, аккуратно перерезал его мечом у самого основания. Гил знал, как валить деревья, чтобы они падали в нужную сторону. Столб с грохотом обрушился на каменные плиты.

Ки-Энду и Бхарг направились к соседним столбам. Мирегал, постояв немного без дела, побрела назад к Хумбе и уселась на землю возле железного люка.

Но что это? Мирегал зажмурилась — не померещилось ли? Люк исчез. На его месте зияла дыра. Бездонный черный колодец уходил вертикально вниз. Из него поднимался трупный запах. Но теперь, глядя на вход в гулльское подземелье, Мирегал не чувствовала страха. Она посмотрела вниз, сморщила нос, фыркнула: «Ну и воняет там у них», отошла на несколько шагов и спряталась, присев за углом каменного ложа Хумбы. Отсюда она видела три поваленных креста. Мужчины находились по другую

сторону шара.

Внезапно послышался странный звук — то ли свист, то ли шипение, переходящее в пощелкивание и птичий щебет. А потом женский голос красивый и спокойный:

— Зачем ты звала меня, Хумба?

Мирегал осторожно выглянула из-за угла.

Железный круг был снова на своем месте. Возле мертвого шара стояла Ашт, вся в черном, с распущенными волосами. Она подняла бледную руку и коснулась дыры, оставленной в Хумбе мечом Ки-Энду.

Мирегал, затаив дыхание, следила за хозяйкой леса. В этот миг из-за шара раздался голос Гила:

— Ми, где ты?

Ашт повернула голову и встретилась с Мирегал глазами. Владычица произнесла какую-то фразу, состоящую из свистящих и щелкающих звуков, потом недобро улыбнулась и сказала:

— Ты забыла наш язык, красавица? Хотела обезьян под себя подделать, да вот беда — сама стала обезьяной. Ну, выйди, что прячешься, или ты боишься меня?

Мирегал почувствовала, как непреодолимая сила тянет ее прямо к Ашт.

— А, девчонка, человечек!.. — разочарованно сказала та, когда Мирегал, спотыкаясь и нелепо размахивая руками, подбежала к ней. — А ты сильная, пригодишься нам. Стой здесь.

Ашт пошла прочь, а Мирегал осталась на месте — ее тело словно окаменело. Она хотела крикнуть, предупредить друзей, но не могла произнести ни звука.

Ашт отошла всего на несколько шагов и увидела мужчин — они только что свалили последнее дерево. Бхарг скорчился на земле. Ки-Энду и Гил стояли с обнаженными мечами, растерявшись от неожиданности при виде хозяйки леса.

— Бхарг, оставайся на месте, — сказала она. — А вы, люди, подойдите ко мне. — Голос ее был спокоен и как будто беззлобен, но в нем чувствовалась такая твердость и сила, что они подчинились.

Гил, не отрываясь, глядел на прекрасное лицо государыни, в ее огромные блестящие глаза — в бездонную тьму. Не глаза — двери в черноту вечной ночи. У Гила закружилась голова, он готов был, как Бхарг, упасть на колени и шептать рабские клятвы.

Ашт лишь мельком взглянула на него и обратила взор на Ки-Энду. Тот, стиснув зубы, шел к ней уверенным шагом и крепко сжимал в руке асгардский клинок.

— Стой, — резко сказала Ашт, и Ки-Энду остановился в двух шагах от нее, словно наткнувшись на стену. Из последних сил он

начал поднимать меч, медленно, как будто огромную тяжесть. В ушах трещало, а перед глазами вспыхивали огненные искры.

Ашт простерла бледную руку.

— Брось меч.

— Нет.

Они смотрели друг другу в глаза — стройная смуглая женщина и высокий голубоглазый воин в сером плаще. Несколько мгновений продолжался безмолвный поединок. Потом Ки-Энду медленно опустил руки. Оружие его со звоном упало на камни.

— О ты, великий герой! — с ненавистью прошептала владычица. — Ты убил Хумбу! И Хасмод, верно, тоже пал от твоей руки! Это славные подвиги, они достойны дэвов… Ты могуч и бесстрашен, ты стал уже почти как один из нас. Как же ты мог поднять руку на слабую женщину? Разве ты никогда не знал любви? Разве у тебя нет сердца? — с улыбкой она прикоснулась ладонью у его груди.

Ки-Энду страшно закричал, взмахнул руками; Ашт оттолкнула его. Он упал на спину и, с трудом перевернувшись, попробовал встать. Ашт мгновение смотрела, как он корчится, и повернулась к Гилу.

Тот молча наблюдал за поединком. Сначала чудесное наваждение застилало ему глаза. Но когда Ки-Энду занес меч, в прекрасных очах государыни появился кровавый блеск: они зарделись пламенем бездны, горячим дыханием Гарма. Чудесное существо в один миг превратилось в злобное чудовище. Пелена упала с глаз Гила, и он поднял меч. Но Ашт посмотрела на него и сказала тихо:

— Безумец, что ты делаешь? Посмотри, какая я красивая!

— Глаза ее снова были черны и глубоки, голос стал теплым и ласковым. — Я всего лишь слабая женщина, за что ты желаешь мне смерти?

— Я видел твое лицо, Ашт, — прохрипел Гил, чувствуя, что не в силах убить ее.

— Опусти меч, Шем-ха-Гил. Я люблю тебя — Тебе и не снилось, сколько счастья я могу тебе подарить. Ни одна женщина земли не любит так, как я. Подойди же и поцелуй меня. — Она протянула к нему руки.

Гил выронил меч и шагнул ей навстречу. Вдруг сзади раздался отчаянный крик Мирегал:

— Не смей!..

Руки Гила и Ашт уже почти встретились, когда Мирегал, подбежав, схватила Ашт за плечи и, с неожиданной силой повернув ее к себе лицом, влепила ей звонкую пощечину.

В глазах Ашт вспыхнуло пламя. Гилу показалось, что она

начала расти. Пальцы ее скрючились, из них высунулись длинные корявые когти. Но Мирегал уже подняла меч, оброненный Гилом.

— Меня-то ты не удержишь! — сказала она, и клинок со свистом рассек воздух.

Словно черная тень пронеслась по земле — в последний миг Ашт выскользнула из-под удара. Очертания ее преобразились, теперь она была похожа на огромную кошку. Одним прыжком Ашт достигла железного люка и вместе с ним провалилась в бездну.

Меч Мирегал глубоко вошел в каменную плиту. Она перевела дыхание… Гил подошел к ней; на глазах у него блестели слезы, его трясло. Теперь, когда Ашт сбежала, наваждение исчезло, и он понял, что был на волосок от гибели.

— Мирегал… — прошептал он. — Ты спасла меня… Всех нас… Любимая моя… Я не могу теперь называть тебя девочкой, потому что ты стала совсем как…

— Теперь-то уж точно! — улыбнулась Мирегал. — Ты не поверишь, но эта ведьма сначала приняла меня за Фенлин. Гил хотел было обнять ее, но она покачала головой:

— Сейчас не время. Надо бежать отсюда. Что с тобой, Ки? Ты сильно ударился? Гил, помоги ему встать.

Ки-Энду сидел на земле с закрытыми глазами и держался за сердце. Он был смертельно бледен, лицо его исказилось от боли.

— Бегите, — с трудом произнес он. — Бегите, оставьте меня…

Мирегал только фыркнула и принялась поднимать его; Гил поспешил ей на помощь. Ки-Энду почти не держался на ногах и все бормотал, чтобы его бросили.

— Не болтай глупостей! — сказал Гил.

Бхарг по-прежнему неподвижно лежал на земле.

— Бхарг! — окликнула его Мирегал. — Ну-ка, очнись! Когда ты наконец станешь человеком?

Нидхаг встрепенулся и поднял голову.

— А где государыня?

— Я съездила ей по физиономии, и она убежала. Помоги, видишь, Ки-Энду плохо.

— О, госпожа Мирегал, неужели вы одолели саму великую владычицу?

— И совсем это было несложно. Хватит болтать, надо уносить ноги. Бхарг, ты полежал, отдохнул, сажай теперь братца себе на спину.

Ки-Энду, по-прежнему не открывая глаз, обхватил шею Бхарга, и они побежали. До Леса оставалось не более полумили, когда они заметили погоню: из поселка у подножия магдела

вышел большой отряд нидхагов — к счастью, нидхаги были пешие, а беглецы успели к тому времени сильно их опередить.

У края мощеного поля начиналась дорога, ведущая на северо-восток. Здесь путники перешли на шаг — погоня была еще далеко…

— Подождите! — сказала Мирегал. — Давайте отсидимся в Лесу, как мы делали раньше. Нидхаги поищут-поищут, и пойдут домой.

Так они и поступили. В сотне шагов от дороги Гил расчистил небольшую площадку, и путники расселись на земле, подстелив плащи. Ки-Энду впал в забытье.

— Что с ним случилось? Отчего это? Ведь его не ранило? — допытывался Гил.

— Государыня Ашт прикоснулась к нему, — сказал Бхарг мрачно. — Она велела ему умереть. Я не знаю, как он до сих пор держится за жизнь. Мне никогда не понять вас, людей. Телом как мы, а душой как дэвы. А ты, Мирегал… Я даже не знаю, как теперь называть тебя. Если ты оказалась сильнее самой Ашт — ты не человек больше. Мне хочется пасть перед тобой на колени, быть твоим рабом.

— Забудь, наконец, о рабстве, Бхарг! И не надо делать из меня дэва. Я человек, самая обычная девушка, даже не очень красивая, — краем глаза она посмотрела на Гила. — Просто я люблю Гила, вот и все.

Время шло; начинало темнеть. Ки-Энду все не просыпался.

— Сегодня мы не сможем идти дальше, — сказала Мирегал.

— Нидхаги, наверно, уже не ищут нас. Пойдем на дорогу и переночуем там.

Ночь прошла спокойно, но не принесла отдыха. Мирегал металась и кричала, Бхарг стонал, а Гил и вовсе и мог сомкнуть глаз. Его мучил голод, а на душе была такая смертная тоска, что хотелось плакать. Перед рассветом Мирегал стала звать его во сне. Он склонился над ней и тут же отшатнулся в ужасе, увидев ее правую ладонь, покрытую огромными кровавыми волдырями.

Гил разрыдался.

— Бедная моя, — бормотал он, целуя ей лоб и щеки и заливая ее слезами. Вот как далась тебе твоя пощечина!

Только Ки-Энду лежал все так же неподвижно, положив руку на грудь, и сердце его билось все слабее, и все тише становилось его дыхание.

Утром они снова двинулись в путь. Теперь Гил нес Ки-Энду — тот все еще был без сознания. Идти было неимоверно тяжело — от голода и усталости путники валились с ног. Но дорога была пуста, и Бхарг не чувствовал никакой опасности.

За весь день никто не проронил ни слова.

Они двигались теперь очень медленно и к вечеру прошли меньше двадцати миль. На закате остановились, вконец обессиленные, и решили снова ночевать на дороге. Гил осторожно положил Ки-Энду на землю и сел рядом; и тут Ки-Энду открыл глаза.

— Гил, — произнес он чуть слышно, — я хочу пить…

— Продержись еще немного, Ки, завтра мы будем в Меллнире. Дэвы тебя сразу вылечат! А воды у нас нет, ты же знаешь. Мы сами не пили больше суток.

— Мне больно, Гил. Жжет… вот здесь, — Ки-Энду положил руку на грудь. Посмотри, что там.

— Ничего — На одежде никаких следов, ни одной дырочки.

— Что одежда — Расстегни мне ворот. Это должно быть на теле.

Гил сделал так, как просил его друг.

— Дэвы! — Гил, потрясенный, не смог сдержать вопль. На левой стороне груди у Ки-Энду чернела глубокая, страшная, обугленная язва в форме пятипалой руки.

— Так и есть… — пробормотал Ки-Энду. — Что, ручка государыни Ашт?

Гил, с трудом одерживая слезы, начал говорить, что ничего страшного, что дэвы рядом, что они, конечно, вылечат его…

— Нет, Гил, меня уже ничто не спасет. Это печать смерти, мое сердце сожжено. Я не задержусь на этом свете.

— Не смей так говорить! Ты не умрешь!..

Ки-Энду долго молчал — видимо, снова впал в забытье; когда же наконец очнулся, взор его был устремлен мимо Гила, куда-то в небо — это был отрешенный взгляд человека, которому осталось жить не больше минуты.

— Ну, вот и все… — прошептал он. — Она уже здесь… Вот и сбылось то, что я предчувствовал. Что ты теперь скажешь? Мы всегда были вместе, и думали, что это навечно, но судьба решила иначе… Если увидишь Эалин, передай ей… — Ки-Энду замолчал и закрыл глаза.

Гил потряс его за плечо — сначала чуть-чуть, потом сильнее… Слезы слепили его, в горле застрял комок. Он не видел ничего вокруг — ни шуршащего гулльского леса, ни стоящих рядом Бхарга и Мирегал…

Ки-Энду очнулся в последний раз.

— Гил, — прошептал он. — Почему ты покидаешь меня? Разве ты не так же смертен, как я?

Взгляд Ки-Энду остановился, глаза помутнели. Гил, задыхаясь, припал к его груди, но не услышал биения сердца.

Горе, огромное, как мир, навалилось на него и прижало к земле. Он долго плакал — не было сил шевельнуться. «Ки, я не покину тебя», — беззвучно прошептал он.

Когда он пришел в себя, была уже глубокая ночь. Только звезды освещали призрачным светом заплаканное лицо Мирегал. Она трясла его за плечо.

— Гилли, Бхарг чует опасность, проснись. Опасность! Гилли, туны идут сюда. Очнись, надо бежать.

Гил с трудом встал и поднял с земли бездыханное тело.

— Он умер, Гил, — всхлипнула Мирегал, — оставь его здесь. Нам надо бежать!

— Они уже близко! — торопил Бхарг. — Господин Ки-Энду простил бы нас… Он сам велел бы нам так поступить.

— Я его не оставлю, — сказал Гил, и его спутники поняли, что спорить бесполезно. Бхарг направился к деревьям и, обнажив меч, стал расчищать путь; Мирегал и Гил с телом Ки-Энду двинулись за ним. Но не прошли они и десяти шагов, как Бхарг сел на землю, обхватил голову руками и сказал коротко:

— Все.

В это миг Гил и Мирегал услышали шаги на дороге — тяжелые, медленные шаги, от которых земля вздрагивала, а гуллские деревья ликующе взмахивали ветвями.

Все ближе раздавались шаги тунов. В затхлом воздухе стал отчетливо слышен запах падали.

Сквозь расчищенный Бхаргом проход Гил видел темную ленту дороги, стену деревьев на другой стороне и полосу звездного неба над ней. Вот черная тень заслонила звезды на несколько мгновений и проследовала дальше на северо-восток, тяжело ступая, заставляя притаившихся в лесу человечков вздрагивать при каждом шаге. Вот второй силуэт — чудовищная голова над деревьями — мелькнул и исчез, а за ним третий… четвертый… пятый… Наконец тяжелые шаги стихли в отдалении.

Странно, но Гил не чувствовал страха во время этой, уже третьей, встречи с тунами. Другое чувство переполняло его теперь, заставляя напрягать все силы, чтобы сдержаться, не выдать себя, не закричать, — ненависть. Как ему хотелось выскочить из укрытия, броситься на этих отвратительных чудовищ и порубить их на куски!

Еще с полчаса они стояли молча, прислушиваясь к шуршанию веток. Бхарг первый пришел в себя и встал, вытирая пот со лба. Гил по-прежнему держал на руках тело друга. Он не замечал, что его нога становится все легче и легче.

— Что будем делать, госпожа Мирегал? — спросил Бхарг.

— Надо идти. Лес должен скоро кончиться. Нам нельзя

терять ни минуты. Я чувствую, как надвигается что-то ужасное. Эти туны неспроста так поспешно идут на северо-восток.

Из всего этого Гил услышал только одно слово «туны», и его прорвало.

— Плевать я хотел на эту падаль!.. — закричал он не своим голосом. Пусть только попробуют сунуться!

Мирегал испуганно отшатнулась, но отчаянный вопль Гила не мог быть услышан врагами — он увяз в сплетении веток, заглох в густом удушливом воздухе, едва успев сорваться с губ.

— Гил, пойдем, уже светает, — попросила Мирегал. — Оставь Ки-Энду, нам не добраться с ним до Меллнира!

— Идите без меня… Я как-нибудь сам выберусь.

Мирегал с минуту сдерживалась, потом громко расплакалась. — Пожалей меня, Гил! — взмолилась она. — Я уже потеряла и отца и брата, неужели и ты меня бросишь? Зачем мне тоща жить?

— Ми, любимая, не разрывай мне сердце. Мы с Ки-Энду всегда были вместе, как же я теперь его оставлю? Разве я не так же смертен, как он? К тому же он такой легкий… О, что это?

Первые слабые лучи света пробились сквозь густые заросли, и Гил с ужасом увидел: то, что он держал на руках, уже не было телом Ки-Энду!

Хищные ветви протянулись к нему со всех сторон, оплели плотной массой, проникли под одежду. Прозрачные ростки копошились везде — во рту, в глазах, в ноздрях; кожа вспухла буграми и лопалась, и оттуда выползали скользкие черви-ростки.

Гил в ужасе отпрянул, выпустив из рук свою страшную ношу, — но она не упала, а повисла на гибких ветвях. В считанные минуты от Ки-Энду не осталось ничего, кроме нескольких клочков одежды, вплетенных в серый шевелящийся клубок.

Мирегал, не сдерживаясь больше, безудержно рыдала. Бхарг сидел на корточках и, обхватив голову руками, раскачиваясь из стороны в сторону, тоскливо выл, Гил не отрываясь смотрел на ужасное зрелище; лицо его окаменело. Наконец он положил руку Мирегал на плечо и тяжело произнес:

— Надо идти.

И они двинулись на северо-восток. Втроем.

Часа через два заросли начали редеть, воздух стал чище. В полдень гулльская поросль расступилась, и взорам путников открылась благоухающая зеленая равнина, переходящая в пологие предгорья Ио-Рагна. Там, вдалеке, белели снежные пики, а пониже, наполовину скрытый изломами скал, возвышался магдел — его черный ступенчатый силуэт отчетливо выделялся

на фоне бесформенных серо-желтых глыб.

— Вот мы и дома, — вздохнул Бхарг. — Трудно в это поверить после всего, что мы пережили.

Гил и Мирегал промолчали.

Но все же свежий воздух опьянил их, а живая зеленая травка под ногами казалась прекраснейшим из даров судьбы.

Вскоре на востоке показался конный отряд; несколько десятков всадников мчались наперерез спутникам. Впереди отряда скакал дэв — его золотистые волосы сверкали на солнце. Но вот отряд круто повернул на север; теперь всадники удалялись.

— Они нас не заметили… — с сожалением сказала Мирегал. Гил достал рог, снятый им с погибшего Ки-Энду, и затрубил. Отряд тотчас же остановился; дэв и еще четверо всадников повернулись и поскакали им навстречу.

У дэвов острое зрение — Хейм-Риэл первым узнал своих старых знакомых.

— Так вот вы где! — воскликнул он. — Мы искали вас. Хамерк! Еще ни одному человеку не удавалось пересечь его. Поедем с нами в Меллнир!..

Глава 19
ИСКУШЕНИЕ

1. В начале сотворил Бог небо и землю. Земля же была безвидна и пуста, и тьмы над бездною, и Дух Божий носился над водой. И сказал Бог: да будет свет.

Бытие,! 1-3

2. Змей был хитрее всех зверей полевых, которых создал Господь Бог. И сказал змей жене: подлинно ли сказал Бог: «не ешьте ни от какого дерева в раю?»

Бытие, 3, 1

Всадники подъехали ближе и спешились. Едва взглянув на путников, Хейм-Риэл понял, что стряслась беда.

— А где Ки-Энду? — тихо спросил он. — Впрочем, не отвечайте. Пусть сначала исчезнет боль, — он посмотрел на Гила своими грустными зеленоватыми глазами, и тот почувствовал, как стальные тиски, которыми горе сдавило его сердце, чуть разжались. Гил заплакал. Хейм-Риэл взглянул на Мирегал.

— Как ты терпишь такую боль, отважная девушка? Где твоя рана?

Мирегал протянула ему правую руку ладонью вверх. Хейм-Риэл прикоснулся к обожженной коже, и Мирегал улыбнулась:

— Ну вот, все уже прошло, — и тоже заплакала.

— Бхарг, — сказал Хейм-Риэл, — отныне ты человек. Запомни: твое сердце больше не знает страха. Ты свободен и ни перед кем не преклонишь колени.

— Благодарю вас, господин, — сказал Бхарг, чувствуя необыкновенный прилив сил и бодрости.

— Садитесь на коней!

Среди всадников, ехавших из Асор-Гира в Меллнир, находился и Халгат, бывший эллигатский мелх. Увидев Гила, он широко улыбнулся и помахал ему рукой, но Гил не ответил на приветствие.

Гил и Бхарг сидели за спинами высоких воинов в красно-синих одеждах дружинников Бел-Шамаха, а Мирегал ехала с самим Хейм-Риэлом.

Вскоре дорога начала петлять, взбираясь на поросшие кипарисом склоны сперва пологие, потом все более крутые, — пока не уперлась в высокую отвесную стену. Отряд проехал немного вдоль нее до того места, где она переходила в стену, сложенную из обтесанных плит. Теперь путники ехали по узкому козырьку, прилепленному к стене в двадцати локтях от земли. Это был единственный путь к воротам, расположенным точно посередине между двумя неприступными скалами, ограничивающими ранее широкий естественный проход в долину Меллнира. После того, как Шемай-Лох тайно проник в долину через этот проход и похитил меллнирский эликон, Меллнир-а-Ден превращен в неприступную крепость, и проход в него загорожен стеной.

Ворота открылись, и отряд, под приветственные крики стражи преодолев крутой спуск, въехал в долину. Это была каменная чаша с ровным дном, вытянутым с севера на юг, сверкающая многоцветьем июньских трав. Из ее дальнего конца текла быстрая извилистая речка; достигнув восточного края долины, она исчезала под высокой скалой. Посреди Меллнир-а-Дена высился магдел, окруженный десятком домов, похожих на шатры. Повсюду, насколько хватало глаз, стояли шатры — здесь был стан только что созданной армии.

— Давным-давно, — сказал Хейм-Риэл, — задолго до нашего прихода, здесь было горное озеро, а Эллил срывался вниз водопадом в том месте, где сейчас ворота. Но потом, во время одного из землетрясений, каменная чаша треснула, и вся вода ушла, а Эллил нашел себе новый путь… Когда мы пришли на землю, это место показалось нам таким красивым, что мы хотели даже построить здесь свой главный город.

— Почему же вы этого не сделали? — спросила Мирегал. Она была благодарна зеленоглазому дэву за то, что он своими разговорами отвлекает ее от горьких воспоминаний и боли, которая, если сказать правду, лишь немного притупилась от его прикосновения.

— Здесь слишком низко. Долина находится всего в тысяче локтей над морем; Асгард мы построили на высоте в восемь с половиной тысяч локтей.

— Вы так любите горы?

— Да. Внизу слишком много воздуха и слишком мало духа.

— Чего?..

— Ты не знаешь, что такое дух? Неудивительно, я никому из

людей этого, кажется, не объяснял — Разве что Визгору? Нет, он был слишком увлечен технической стороной… Но тебе это следует знать, ведь ты и твой друг Шем-ха-Гил — наша надежда. Может быть, вам придется когда-нибудь сменить нас… Я постараюсь быть кратким, чтобы не утомлять тебя. Как устроена жизнь на земле? Растения ловят лучи солнца и преобразуют их в свои стебли, листья и корни, то есть создают новые формы. Животные достают этот свет, спрятанный в растениях, но не выпускают его, а используют для создания других форм. Так что все живое на земле — воплощенный свет. Ну это ты, конечно, знаешь.

— Еще бы! — сказала Мирегал. Она никак не могла взять в толк, с чего это Хейм-Риэл завел с ней этот разговор в такое неподходящее время — неужели только для того, чтобы отвлечь ее? Или он спешил сообщить ей что-то очень важное, зная, что потом времени на разговоры не будет?

— Но существует еще одна жизнь, не такая, как ваша, — продолжал дэв. Это — мы. Свет нам не нужен, мы питаемся от другого источника, ведь дэвы это воплощенный дух. Дух, как и свет, способен создавать разнообразные формы. Но для света высшей формой, конечным результатом развития, является мыслящая материя — мозг. Дух же способен творить формы еще более сложные: добро, зло, любовь, ненависть, искусство… Создавая вас, мы развили в ваших предках — разумных животных — способность воспринимать дух. Потому-то вы, люди, единственные существа, питающиеся от двух источников: вам нужна пища для тела — преображенный свет, и пища для сердца — дух. Поистине, мы можем гордиться своим творением — ведь с вашей помощью мы связали воедино два мира. Жизнь света должна была завершить свое развитие, создав разум, и вы бы навсегда остались обезьянами, пусть очень умными, но все же обезьянами — вы никогда не узнали бы любви и не сочинили бы ни одной песни. Мы же помогли вам ступить в мир духа, где перед вами открылись новые бескрайние просторы. Вы сделали только первый шаг в своем развитии. Вас ждет великое будущее… Мирегал! Что с тобой?

Мирегал вздрогнула и растерянно посмотрела на дэва.

— Знаете, господин Хейм-Риэл, по-моему, я никогда не смогу все это понять.

— Тебе только так кажется. Главное — постарайся не забыть то, что услышала.

— Я хотела у вас что-то спросить… Ах, да. Этот самый… дух и свет они как-нибудь связаны? То есть я поняла, что мы, люди, их как бы соединили, а раньше?

— Хороший вопрос. Жаль, что мы не знаем на него точного ответа. Догадок разных много, но я расскажу тебе всего одну, свою собственную. Возможно, сначала был только разумный дух. Он отделил от себя некую неоформленную материю, а потом, сливаясь с ней, начал воплощаться в формах. Так появились мы. Но духу захотелось создать нечто, что развивалось бы самостоятельно, без его участия, и он сотворил свет, который, в свою очередь, стал сливаться с бесформенной материей и воплощаться опять-таки в формах. Так возникла земная жизнь. Ну, теперь понятно?

Мирегал напряженно думала, потом наконец сказала:

— Нет, так сразу я не могу. Можно, я завтра подумаю?

— Конечно. Смотри, мы уже приехали.

Отряд остановился у высокого дома с многочисленными башенками. Навстречу им со стороны магдела на белом коне скакал рыжебородый Таргал.

— Приветствую вас! — воскликнул он, подъехав. — О, кого я вижу! Где же вы пропадали, господин Шем-ха-Гил?

— Они были в Ха-мерке, — сказал Хейм-Риэл.

— Вот как? — Таргал грозно нахмурился. — Ну-ка, отвечайте, что вы там натворили?

— Не шуми, — мягко сказал Хейм-Риэл. — Они очень измучены, им надо отдохнуть.

— Ах, они измучены! И тебя совсем не волнует, что мы можем потерять драгоценное время, находясь в неведении, пока враги готовят что-то против нас! В лесу произошли какие-то важные события — это видно по резкой перемене в поведении тунов, — а мы, вместо того чтобы немедленно расспросить очевидцев, будем дожидаться, пока они отдохнут!

— Не слушайте его, — сказал Хейм-Риэл. — Проходите в дом, там вас накормят и уложат спать.

— Ладно, — проворчал Таргал, насупившись. — Конечно, забота о людях прежде всего. Посмотрим, до чего доведет эта твоя забота…

Мирегал и Бхарг уже вошли в дом; Гил, стоя на пороге, перед тем, как закрыть дверь, обернулся и сказал:

— Не сердитесь, господин Таргал. Ничего страшного в лесу не произошло просто мы убили Хумбу.

Рано утром Гил, Мирегал и Бхарг были приглашены на совет в магдел. В просторном зале на мягком ковре сидели Таргал, Хейм-Риэл и несколько военачальников — мелхов меллнирской армии. Южная стена зала была, как показалось Гилу в первый момент, прозрачной — через нее был виден Лес. Однако Гил, входя в магдел, не заметил никаких окон, к тому же до леса в

действительности было миль пятнадцать, а изображение на стене казалось во много раз ближе. «Наверное, это что-то вроде гигантской подзорной трубы», подумал Гил.

— Ну что ж, начнем. Шем-ха-Гил, будь добр, расскажи нам о вашем путешествии в Ха-мерк, — строго сказал Таргал. — Только старайся ничего не упустить, любая деталь может оказаться важной.

Почувствовав упрек в голосе Таргала, Гил гневно сверкнул глазами. «Вот как! — подумал он. — Ну попробуй только сказать, что мы опять сделали не то. Ки-Энду жизнь свою отдал, чтобы убить Хумбу!»

Но тут подал голос Хейм-Риэл:

— Может быть, ты, Мирегал, расскажешь? Бывают случаи, когда эмоциональный женский ум точнее оценивает происходящее, чем рациональный мужской, и мне кажется, что это как раз тот самый случай.

— У Гила — рациональный ум? О, вы ошибаетесь! — сказала Мирегал. — Но все-таки лучше расскажу я, мне это легче…

Первое время все слушали молча, но Мирегал рассказывала с таким артистизмом, что слушателям трудно было сохранить благопристойный вид, они поневоле вовлекались в действие, многие вскрикивали от ужаса или смеялись от радости, когда героям в очередной раз удавалось спастись от какой-нибудь опасности. А когда Мирегал стала шипеть и. извиваться, изображая гуллъские деревья, все так и покатились со смеху, К концу же рассказа мало кто из слушателей мог сдержать слезы. В зале воцарилась тишина.

Через некоторое время Мирегал сказала, обращаясь к дэвам:

— Теперь расскажите вы, что происходило здесь в эти дни. Как дела у наших друзей, оставшихся в Эллигате?

— О, у них все в порядке, — успокоил ее Хейм-Риэл. — Нидхаги больше не нападали. В Эллигате собралось большое войско, ворота и решетки приведены в порядок, стены укреплены новыми камнеметами. Гелас получил десять асгардских мечей. Так что о своих друзьях не беспокойтесь. Ио-Син-а-Хут и его новый мелх Ган-а-Ру пользуются всеобщим уважением. Балг обеспечивает войску бесперебойное трехразовое питание, Эалин заправляет всеми делами в госпитале…

— Эалин… Не говорите ей пока ничего, ладно? — попросил Гил.

— Хорошо… — сказал Хейм-Риэл после неловкой паузы. — Я еще должен рассказать вам о том, что произошло в Асор-Гире. Когда мы прибыли туда шесть дней назад, положение было очень тяжелым. Нидхаги ворвались в город и захватили почти все

правобережье. Кроме того, им удалось переправиться через Энсингел к северу от Асор-Гира. Еще немного, и армия Бел-Хемаха была бы окружена. Мы, признаться, ожидали, что одного нашего появления будет достаточно, чтобы обратить нидхагов в бегство, но не тут-то было. Они стали отчаянно сопротивляться. Видно, туны пригрозили им чем-то пострашнее, чем смерть от наших мечей. Началась битва. Нас было чуть больше сотни, из них тридцать дэвов, остальные люди. В открытом поле мы довольно легко одержали победу, — кстати, Халгат сражался отважно и показал себя настоящим героем, но на улицах города дела пошли хуже. Нидхаги разбежались по закоулкам, к тому же из Леса подходили все новые вражеские полчища. Бой затянулся. За четыре дня мы так и не смогли очистить Асор-Гир от нидхагов. Отступая, они крушили все подряд. И вдруг на пятый день ушли обратно в Лес…

— Это показалось мне невероятным, — сказал Таргал. — Что могло заставить нидхагов прекратить сражение? Ведь у них была реальная возможность победить. Я еще тогда подумал: а не случилось ли что-нибудь во вражеском лагере — в Ио-Тун-Гире или в Ха-мерке?

— Откуда же вы знали, господин Таргал, о событиях в Асор-Гире, ведь вас там не было, а господин Хейм-Риэл приехал только вчера, вместе с нами? поинтересовалась Мирегал.

— Скажи, зеленоглазый, — обратился Таргал к Хейм-Риэлу, — объясни им, это по твоей части.

Хейм-Риэл протянул Мирегал небольшую черную коробочку с мелкими отверстиями в стенках, Мирегал повертела незнакомый предмет в руках, безуспешно попробовала его открыть и отдала обратно.

— Что это?

— Это называется эйтлан, «длинное ухо». У каждого из нас есть такая штучка. Я, находясь в Асор-Гире, могу взять эйтлан и сказать вот в эти дырочки: «Таргал! Как поживаешь?» Таргал услышит меня — мой голос будет раздаваться из его эйтлана — и ответит: «Спасибо, хорошо», и я его тоже услышу.

— Разве такое бывает?!

— Конечно, это очень просто. Есть такие лучи — тог же свет, только невидимый, — они-то и переносят слова по воздуху на большие расстояния.

— Ну, ладно, — сказал Таргал. — Давайте, наконец, поговорим о деле. Прежде всего я хочу воздать должное нашим бесстрашным героям — Ки-Энду, Шем-ха-Гилу, Мирегал и Бхаргу. Они проникли в самое сердце вражьего царства и убили великую Хумбу, нанеся тем самым врагу невосполнимый урон. Своим

поступком вы прославили человеческий род и показали, что по силе своего духа приблизились к нам: я бы сказал, что вы уже на две трети дэвы.

Одного вам только не хватает: здравого смысла. Ведь гибель Хумбы может обернуться великим злом для нас всех. Если бы нам удалось сохранить мир, зло было бы побеждено. Починить Хумбу или построить новую тунам уже не удастся они и так уже выкачали все силы из своего эликона, да и Хасмод, творец Мидмира и Хумбы, погиб. За несколько лет должен зачахнуть и сгинуть гулльский Ха-мерк, и на его месте снова зазеленеют живые деревья. Род нидхагов тоже придет в упадок, и в конце концов они выродятся в диких зверей — правда, это произойдет лишь через двести-триста лет. Мерзкие гуллы, ужаснейшее из творений Шемай-Лоха, к счастью, недолговечны, и от них скоро не останется и следа. Короче, если бы на земле был мир, могуществу тунов со временем пришел бы конец. Беда лишь в том, что туны понимают это не хуже нас, так что, пока они живы, мира нам не дождаться.

— Что же они теперь будут делать? — спросил один из мелхов.

— Если бы мы знали! Сразу после гибели Хумбы они вывели свое войско из Асор-Гира и прекратили войну. Я думаю, это было сделано лишь для того, чтобы приготовить новый, более мощный удар. Быть может, они попытаются захватить Мидмира и заставить его служить злу. Только у них ничего из этого не выйдет. Мидмир не пойдет у них на поводу и погубит их лживыми советами.

— Я все-таки надеюсь, что они еще могут переродиться, вернуть себе прежнее обличье и воссоединиться с нами, — сказал Хейм-Риэл.

— Нет, Зеленоглазый, не верю я в это. Ты о многих думаешь лучше, чем они того заслуживают. Это относится, кстати, и к Халгату, ведь это ты настоял на том, чтобы простить этого предателя и дать ему возможность исправиться. Боюсь, как бы твоя доброта не обошлась нам слишком дорого!

— Он уже исправился, Таргал, он храбро сражался с нидхагами в Асор-Гире. Халгат неплохой человек, просто ему власть вскружила голову.

— Ладно, посмотрим!.. Так вот… туны… Скорее всего, они обрушат сейчас всю свою мощь на Меллнир и попытаются захватить оружие. Если это случится, мы и оглянуться не успеем, как будем обращены в пыль. Правда, некоторые считают, что наши железные яблочки могут выпустить из-под земли Гарма. Тогда все провалится в бездну, и туны с нидхагами тоже. Но

тунов это вряд ли остановит. Они подумают: все равно погибать, так уж лучше вместе с людьми и дэвами.

— Я не верю, что они настолько неразумны, — начал Хейм-Риэл. — Ведь у них есть способ выжить — для этого лишь надо вернуться на путь добра…

Хейм-Риэл замолчал, заметив, что никто его не слушает. Взгляды всех, кто был в зале, обратились на южную стену — ту самую, сквозь которую был виден Лес. Но теперь изображение изменилось. Из Леса в долину выходила армия нидхагов — не менее десяти тысяч воинов. За ними ползли механические тараны и странны блестящие боевые машины с башнями, колесами и рогами. Многие нидхаги несли длинные осадные лестницы. Из Леса выходили все новые полчища, а над деревьями вдалеке двигались пять громадных черных фигур.

— Вот так, — мрачно сказал Таргал, — не оправдали они твоих ожиданий? Теперь придется собрать все силы, чтобы наше оружие им не досталось.

— Воистину, Таргал, пришла, наконец, пора его уничтожить! Зачем нам лишний риск? Хумбы нет, враг обречен, время на нашей стороне. А сейчас они могут захватить Мелллнир. Открой свои подземелья, давай поскорее покончим с этим ужасом, нависшим над миром!

Таргал ответил не сразу:

— Жалко мне его уничтожать. Я все-таки почти две тысячи лет хранил его. Мы много раз собирались с ним разделаться, и всегда в конце концов оставляли.

— Правильно. Мы хотели держать тунов в страхе, чтобы они не начали войну. Но они-то все равно уже воюют!

— Можно было уничтожить оружие тайно. Раз Элиар этого не сделал, значит, все же допускал возможность его применения. Давай попробуем, Хейм. Одно яблочко в середину их армии

— ведь не развалится же мир от этого!

— В том-то и дело, что мы ничего не знаем. Риск слишком велик. Посоветуйся лучше с Элиаром.

— Хорошо, — отрывисто бросил Таргал, доставая эйтлан. Он приблизил коробочку к губам и быстро-быстро заговорил что-то на щелкающе-свистящем языке, похожем на пение птиц. Мирегал сразу узнала эти звуки — так пыталась говорить с ней Ашт, приняв ее за Фенлин. Видимо, язык дэвов позволял необычайно быстро выражать мысли — всего несколько мгновений ушло у Таргала на разговор с Элиаром.

— Старик отослал нас к Мидмиру.

— Он прав как всегда.

— Ну так поехали. Только сначала нужно предупредить

воинов.

Таргал снова поднес к губам эйтлан, трижды повторил слово «Меллнир» и отдал приказ: готовиться к защите южной стены. Многократно усиленный голос Таргала раздавался с вершины магдела, и его было слышно по всей долине.

Спустя минуту оба дэва, Гил, Мирегал и мелхи, присутствовавшие на совете, скакали во весь опор к северной оконечности Меллнир-а-Дена. Там, на плоской скале, что возвышалась над чистым холодным ключом — истоком Эллила, — стоял черный куб высотой в тридцать локтей. На его передней грани блестело рельефное изображение гигантской головы с курчавой бородой и темно-синими глазами. Всадники остановились внизу о родника, а Мидмир смотрел на них сверху немигающим взглядом.

Таргал и Хейм-Риэл просвистели что-то на своем языке, и Мидмир ответил им голосом старого, умудренного опытом человека:

— Вы сообщили мне важные сведения. Я должен подумать.

Наступило молчание.

— Мидмир — очень полезная машина, но слишком умная, — сказал Хейм-Риэл. Как-то его спросили, может ли быть одержана окончательная победа над злом. Так он думал целый день, прежде чем ответить «не знаю».

Но на этот раз Мидмир молчал не больше минуты.

— Оружие следует немедленно уничтожить, — сказал он.

— Почему? — спросил Таргал.

— Тектоническая обстановка крайне нестабильна. Движение Гарма усилилось. В ближайшие дни ожидаются сильные землетрясения. Возможна активизация вулканов, особенно Гефа и Таха. Победу над тунами можно одержать и обычными средствами.

Снова наступила тишина.

— Что ж, ваша взяла, — буркнул Таргал. — Едем в подземелье!

Они поскакали обратно к магделу. Долина напоминала растревоженный муравейник. Повсюду бегали вооруженные люди, слышалось ржание лошадей и призывные звуки труб. И все же в этой суматохе не было беспорядка. Каждый знал, куда ему идти. Часть воинов направлялась к южной стене, что преграждала вход в долину со стороны Леса. Другие поднимались на крутые склоны, ограничивающие Меллнир-а-Ден с востока и запада, — там вдоль гребней тоже тянулись ряды укреплений.

Военачальники, принимавшие участие в совете, просили у Таргала разрешения присоединиться к своим отрядам, но он

сказал: «Вы должны помочь нам. Позовите еще человек пятьдесят из числа самых надежных, в ком вы уверены, как в себе, и мы пока приготовим все необходимое, чтобы вы могли пройти в подземелье».

Гил, Мирегал и Бхарг сильно отстали от остальных и последними подъехали к магделу. Теперь они стояли у пирамиды одни: мелхи отправились собирать людей, а дэвы скрылись за черной дверью.

— Жаль, что Таргал не смог настоять на своем, — сказал Гил. — Как бы я хотел своими руками превратить в пыль всех этих тунов и гуллов, весь этот вонючий Лес! — Мне кажется, дэвы слишком добры, — заметил Бхарг. — Они, похоже, жалеют не только своих, но и врагов.

— Своих-то они как раз не жалеют! — взорвался Гил. — Вместо того чтобы применить оружие и победить без всяких потерь, они заставляют нас биться врукопашную с этой огромной армией!

— Но, Гил, Мидмир же сказал, что тектоническая обстановка… — начала Мирегал.

— Много ты понимаешь!

Мирегал уже собралась было обидеться, но тут сзади послышался знакомый дребезжащий голос:

— Что я вижу! Вы ссоритесь! В чем же причина, друзья мои?

— А, это ты, Халгат, — буркнул Гил. — Что ты тут делаешь?

— Как и все, спешу занять свое место на стене. Но вот увидел вас и решил спросить… Вы же были в Лесу. Может быть, вам известно что-нибудь о судьбе наших несчастных земляков? Я имею в виду жителей Эл-а-Дена и Эн-Гел-а-Сина.

— О чем ты?

— Как, вы не знаете? — Лицо Халгата помрачнело. — Ясно. Дэвы решили, что вы уже хлебнули достаточно горя, и ничего не сказали вам. Что ж, прошу прощения. Всего наилучшего.

Халгат пошел прочь, но Гил ухватил его за плащ:

— Ну-ка, рассказывай. Что такое случилось в Эн-Гел-а-Сине?

— Не могу, — развел руками Халгат. — Не имею права.

— Халгат, миленький, ну будь человеком, расскажи, — заискивающим голосом попросила Мирегал.

— Ну ладно, раз ты просишь. Только обещайте не выдавать меня. Три дня назад в Асор-Гир прибыл гонец из Элора с письмом от вашего короля. Там говорилось, что гуллы переплыли реку и вторглись в Эн-Гел-а-Син. Войско в ужасе разбежалось. Мертвецы подходят к столице. Повсюду опустошение и смерть. Вот и все, больше никаких вестей оттуда не было. Дэвы хотели броситься туда на помощь, но опоздали: армия нидхагов, которая перед

этим захватила и разрушила Эллигат, вышла к морю и отрезала Асор-Гирское войско от южных стран.

Мирегал дико закричала, Бхарг со стоном закрыл лицо руками и прислонился к черной стене магдела. Гил невероятным усилием воли подавил подступающую тошноту и, вцепившись обеими руками в плащ Халгата, тихо спросил:

— Халгат, что ты знаешь об оружии дэвов?

— Самое главное их оружие — айрапин, железные яблоки, — сказал Халгат. Один небольшой шарик уничтожает все живое на три мили вокруг.

— Как они приводятся в действие?

— Очень просто. Нужно поднести айрап к лицу и сказать трижды «оружие», а потом назвать номер — на каждом написано определенное число. Дэвы могут делать это на расстоянии, при помощи эйтланов. Отпусти меня, Шем-ха-Гил, мне нужно спешить, а то подумают, что я уклоняюсь от битвы…

Халгат направился к южной стене. Мирегал всхлипывала.

— Не плачь, Мирегал, — сказал Гил, — я отомщу им.

Халгат обернулся, услышав эти слова. Глаза его сверкнули.

— Да, отомсти им! — воскликнул он. — Я верю в тебя. Ты один на это способен!

Гил молча кивнул.

Глава 20
ОРУЖИЕ ДЭВОВ

1. Я увидел звезду, падшую с неба на землю, и дан был ей ключ от кладезя бездны. Она отворила кладезь бездны, и вышел дым из кладезя… и помрачилось солнце и воздух от дыма из кладезя.

Апокалипсис, 9, 1-2

2. …Сразить его можно оружьем великого Брахмы.

О Рама, подобной стрелы не найдем в трех мирах мы!..

В ее острие было пламя и солнца горенье,

И ветром наполнил создатель ее оперенье…

Окутана дымом, как пламень конца мирозданья,

Сверкала и трепет вселяла в живые созданья…

И — смерти приспешница — ратников мертвых телами

Кормила стервятников эта несущая пламя.

Рамаяна, 108

3. Винт-Тор от сна

разъяренный встал; увидел, что Мьелльнир молот пропал…

Локи сказал, рожденный Лаувейей:

— Тор, ты напрасно об этом толкуешь!

Асгард захватят етуны тотчас, если свой молот не сможешь вернуть.

Песнь о Трюме, 1-18

Мирегал безутешно рыдала.

— Не плачь, пожалуйста, Ми, — уговаривал ее Гил. — Сейчас начнут собираться люди. Мы не должны показывать виду, что все знаем, нас тогда могут отправить спать, лечиться и еще не знаю куда, и не пустят в подземелье. Ми, успокойся. Смотри, люди уже идут. А ну, перестань реветь! рявкнул он наконец, потеряв терпение. Мирегал обиженно всхлипнула, вытерла слезы и отвернулась.

Вскоре у входа в магдел собрался народ. Вот черная дверь скользнула в сторону, и на пороге показались Таргал и Хейм-Риэл.

— Все готово, — сказал Таргал. — Время у нас еще есть — нидхаги пока стоят у опушки, то ли чего-то ждут, то ли заканчивают приготовления. Гил, что с тобой? Ты весь светишься!

— Что вы, господин Таргал. И не думаю даже.

— Ты светишься лучами духа, невидимыми для вас. Ты стал вдвое сильнее, чем полчаса назад! Теперь я уже не сомневаюсь, кого назначить верховным мелхом на время моего отсутствия.

— Вашего отсутствия?

— Да. Сейчас тридцать человек спустятся в подземелье. Там вы увидите три двери. То, что за левой и средней дверьми, нужно поднять наверх — это мечи, огненные копья, метательные и самоходные машины и другие боевые устройства. Часть мы оставим здесь, остальное отвезем в Асгард. Для этого я попрошу тех, кто останется снаружи, подогнать сюда штук двадцать телег. Мы с Хейм-Риэлом поможем погрузить оружие, потом я спущусь вниз и уничтожу то, что лежит за правой дверью — там хранятся айрапин, те самые шарики, которые, якобы, могут уничтожить мир. После этого мы завалим шахту, и я поеду в Асгард сопровождать телеги с оружием. Мне не по душе бросать вас тут одних перед самым началом битвы, но у меня нет выхода.

— А вы, господин Хейм-Риэл, вы-то останетесь с нами? — спросил один из воинов.

— К несчастью, я тоже должен ехать в Асгард. Элиар призвал меня; потому-то я и покинул Асор-Гир раньше остальных. Надвигаются грозные события, и я обязан находиться в столице, чтобы наблюдать за всем, что происходит в мире, и вовремя давать нужные распоряжения. Я понимаю, все это выглядит так, словно мы испугались и бежим с поля боя, бросив вас на произвол судьбы. Прошу вас, верьте, что это не так/Мы вызвали Кулайна и остальных дэвов из Асор-Гира, они будут здесь сегодня ночью и помогут вам.

«Они оставляют Асор-Гир, — мелькнуло в голове у Гила. —

Значит, весь Юг уже захвачен врагами. Правду сказал Халгат».

— Проходите, — Таргал указал на открытую нишу в стене магдела.

Тридцать воинов, и среди них Гил, Мирегал и Бхарг, вступили в проем. Последними вошли дэвы. Гил уже знал, что это помещение — передвижная комната, которая быстро доставит их в нужное место магдела. Дверь бесшумно закрылась, послышалось негромкое гудение, и через несколько мгновений воины оказались в небольшом зале с железным люком, занимавшим почти весь зал. Все, кроме дэвов, встали на крышку, и она тотчас начала быстро опускаться в шахту. Спуск длился долго. Вход в колодец становился все меньше, вот он уже превратился в едва различимую точку. Наконец железный круг остановился.

— Ну и глубина, — пробормотал Бхарг, вглядываясь ввысь, — добрых две мили.

Воины теперь находились в ярко освещенной комнате с тремя выходами. Сначала все подошли к правой двери — каждому было любопытно посмотреть на таинственное и грозное оружие, способное уничтожить мир. Однако то, что они увидели, не оправдало их ожиданий. В маленькой комнатке стояло два ящика с тускло поблескивающими округлыми предметами, формой и размером действительно напоминающими яблоки. Гил попытался представить себе дерево, на котором они могли бы расти — высокое, до самых облаков, совершенно прямое, черное и страшное. Дерево Смерти.

Поглядев на невзрачные айрапин, воины принялись за работу. В левой и средней комнатах лежали мечи — такие же, как у Гила, Мирегал и Бхарга; длинные тонкие трубы — огненные копья Ха-Бул, и множество непонятных механизмов. Все это предстояло погрузить на железный круг. Гил начал работать вместе со всеми, шепнув Мирегал, чтобы та не отходила от него ни на шаг. Спустя несколько минут Гил, улучив момент, проскользнул в правую комнату. Мирегал юркнула за ним. Гил взял из ящика два железных шара, один передал своей спутнице, другой сунул в карман. После этого они поспешно выскочили из запретной комнаты и присоединились к работающим. Все прошло хорошо: никто не заметил их краткого отсутствия.

Вскоре железная платформа была полностью загружена и отправилась наверх. Через четверть часа она вернулась уже пустая, и воины продолжили работу. Вместе с третьей, последней партией оружия наверх поехали и люди. Они помогли дэвам перетащить все в передвижную комнату, а потом погрузить на телеги.

Теперь можно было немного передохнуть, пока Таргал внизу в подземелье уничтожал смертоносные яблоки.

Гил тщательно прикрыл складками плаща оттопыренный карман и переглянулся с Мирегал. Та подмигнула ему.

Хейм-Риэл смотрел в небо, лицо его выражало покой и умиротворение: наконец-то пришел конец грозному оружию, извечному страху мира!

Через некоторое время вернулся Таргал. Хмуро взглянув на Хейм-Риэла и стоящих вокруг людей, он достал эйтлан и трижды произнес слово «Меллнир», после чего его голос мощно зазвучал с вершины магдела.

— Слушайте меня, о воины, защитники долины Меллнира! К вам обращается верховный мелх Таргал. Только что я уничтожил страшное оружие, две тысячи лет хранившееся здесь в подземелье. Теперь мы можем вздохнуть свободно: в мире нет больше силы, способной выпустить из-под земли кровожадного Гарма. Но уничтожено только самое мощное оружие. Все остальное необходимо отвезти в Асгард, чтобы враг не захватил его, если наша крепость падет. Сорок мечей я оставляю здесь, они помогут вам в битве. Самому мне придется сопровождать оружие. Как ни тяжело мне покидать вас в такой момент, я не могу нарушить свой долг. Сегодня ночью к вам на помощь прибудет Кулайн и тридцать дэвов из Асор-Гира. До его прихода верховным мелхом я назначаю Шем-ха-Гила. Этот человек вместе со своим другом, отважным Ки-Энду, совершил множество славных подвигов. Это они изгнали нидхагов из Эн-Гел-а-Сина, сразили туна Хасмода и его страшную боевую машину, проникли в гуллький Ха-мерк и уничтожили великую Хумбу. Поистине, Шем-ха-Гил достоин занять мое место. Слушайтесь его и будьте мужественны.

— Я не заслужил такой чести, господин Таргал, — сказал Гил. — Прошу вас назначить кого-нибудь другого.

— Какая же это честь? Это тяжкий труд и великая ответственность. Мне больше некого назначить. Возьми мой эйтлан, — Таргал протянул Гилу черную коробочку. — Чтобы обратиться к войску, нужно трижды сказать «Меллнир». Чтобы обратиться к кому-то из дэвов, трижды назвать его имя. Ну, поехали!

Таргал и Хейм-Риэл вскочили в седла. Телеги с оружием тронулись и, растянувшись вереницей, покатились на север; по обе стороны от них ехали вооруженные всадники.

— Некстати меня назначили мелхом, — пробормотал Гил.

— Какой у тебя план? — спросила Мирегал.

— Да никакого плана! Послушай, шла бы ты лучше в дом.

Отдай мне свой плащ, айрап и иди. Все равно ты не будешь участвовать в битве.

— Ах, Гилли, разве ты еще не понял, что от меня нельзя так просто отделаться? Хочешь, чтобы я опять ходила за тобой тайком?

— Кстати, обо мне тоже не надо забывать, — сказал Бхарг, незаметно подошедший к ним. — Я с вами в доле, что бы вы ни задумали.

— Это правда, — сказала Мирегал и быстро, так что Гил не успел помешать ей, посвятила Бхарга в их тайну.

Наспех перекусив в одном из передвижных трактиров, верховный мелх Меллнирской армии Шем-ха-Гил направился к Южной стене. Вместе с ним ехали Мирегал и Бхарг. Внешне Гил был совершенно спокоен, лишь необычный для него мрачный, решительный взгляд выдавал внутреннее напряжение.

Поднявшись на стену, Гил осмотрел укрепления. На первый взгляд Меллнир-а-Ден казался совершенно неприступным, но Гил знал, что это впечатление может быть обманчивым. Южная стена, закрывавшая единственный вход в долину, имела двадцать локтей в толщину и около мили в длину; слева и справа она упиралась в отвесные скалы. Как и в Эллигате, воины, находившиеся на стене, были защищены высокими прямоугольными зубцами, между которыми имелись узкие щели для стрельбы. Напротив каждого третьего проема стояла метательная машина; грудами лежали чугунные ядра. Над стеной возвышались двенадцать башен, на двух из них были установлены огненные копья Ха-бул, но с ними могли управляться только дэвы.

К единственным воротам по искусственному козырьку вдоль стены вела узкая дорога; козырек держался на железных балках, и при помощи специальных механизмов его можно было обрушить в пропасть.

На стене находилось не менее тысячи воинов; одни стояли у катапульт, другие — с луками — у бойниц. Видно было, что каждый здесь хорошо знает свои обязанности. Гил подумал, что такая армия вполне может обойтись без мелха.

Гил и его спутники поднялись на башню, чтобы посмотреть в подзорную трубу. Нидхаги медленно двигались по долине. Пока они отошли всего на милю от опушки; еще три им оставалось пройти до начала предгорий и пять — по холмам. Впереди шли пешие воины, за ними — конница. Гил насчитал пятнадцать механических таранов — каждый тащила на канатах целая толпа нидхагов, и шесть самоходных машин, похожих на эллигатского быка. Шествие замыкали девять черных великанов. Даже с такого

расстояния и при ярком солнечном свете были видны их жуткие глаза, пылающие красным огнем.

— Девять тунов, — сказал Гил, оторвавшись от подзорной трубы. — И еще шестеро, вероятно, управляют быками. Что скажешь, Бхарг? Не поехать ли тебе в Асгард, пока не поздно? Все равно от тебя здесь тачку не будет.

Бхарг нахмурился и произнес глухим голосом:

— Хейм-Риэл сказал, что я человек. А раз так, я не буду бояться. И не оставлю вас, пока жив.

Мирегал огляделась и, убедившись, что поблизости никого нет — все воины находились в другой части башни, у катапульты — спросила дрожащим от волнения голосом:

— Гил, ты хочешь использовать эти яблочки прямо сейчас?

— Да. Пятнадцать тунов и сорок тысяч нидхагов — не такая уж плохая месть за Ки-Энду и… всех остальных.

— Я придумала: давай забросим яблоки катапультой прямо в середину их армии, а потом отдадим им приказ этой коробочкой, ну, которую дал тебе Таргал. — Мирегал выпалила это единым духом и от нетерпения стала дергать Гила за рукав, чтобы он поскорее ответил.

Гил внимательно посмотрел на нее и ничего не сказал. Они покинули башню и прошли еще немного по стене. Около одной из метательных машин они встретили Халгата. Он отошел от остальных воинов и обратился к Гилу:

— Поздравляю с назначением, господин мелх! Позвольте поинтересоваться: успешно ли прошло уничтожение оружия?

— Вполне, — сухо ответил Гил.

— И ни одного железного яблока не оставили, ну, скажем, на всякий случай?

— Должно быть, так.

— Ну и правильно, — Халгат хитро прищурился. — Значит, вы рассчитываете на победу в этой битве?

— Безусловно.

— Я верю вам, господин мелх. Я очень вам верю, — и он вернулся к своему отряду.

Пройдя еще немного, Гил спросил у одного из воинов, на какое расстояние можно бросить небольшой камень при помощи катапульты.

— На полторы мили, — был ответ.

— Видишь, не получается, как ты хотела, — обратился Гил к Мирегал, когда они отошли на достаточное расстояние. — В мои планы вовсе не входит погубить вместе с врагами и своих. К тому же, я не очень-то доверяю Халгату. Вдруг он обманул нас, и эти айрапин приводятся в движение как-то по-другому. Тоща они

попадут в руки тунов, а страшнее этого и придумать ничего нельзя.

— Что же делать?

— У нас, по-моему, нет выбора. Сейчас я сяду на коня и поеду навстречу вражеской армии. Когда удалюсь от стены на три мили, подпущу нидхагов поближе и приведу айрап в действие. Если ничего не получится, я успею вернуться в крепость. Наконец, если станет ясно, что Меллнир будет захвачен, я уничтожу айрапин — просто разрежу их мечом.

Мирегал вздохнула.

— Гил, ты говоришь так, как будто собираешься делать все в одиночку! Ведь мы же договорились!..

— Да, но зачем нужны бессмысленные жертвы? Зачем вам с Бхаргом умирать, если от этого никакого не будет проку? Нет, Мирегал, я не возьму вас. Я приказываю вам оставаться здесь.

— Какой же ты стал сухой и бесчувственный, Гил! Ладно. Я вижу, ты не станешь меня слушать, если я скажу, что мне незачем жить без тебя. Но я могу привести и другие доводы, почему тебе нельзя идти одному. Дело это слишком важное, чтобы допустить хоть малейший риск. Что будет, если твой конь, например, упадет и сломает ногу?

— Ми, я не желаю ничего слушать. Мой приказ остается в силе.

— Ах, так! Ну, тоща вот тебе мой последний довод: плевать я хотела на твои приказы! Мы с Бхаргом все равно поедем с тобой. А если ты попытаешься задержать нас силой, я расскажу всем, что ты украл из подземелья оружие, и в доказательство покажу вот это! — Мирегал достала айрап и высоко подняла его над головой, глаза ее бешено сверкали.

— Убери! Убери! Что ты делаешь? — в ужасе вскричал Гил.

Воины, встревоженные шумом, уже начали поворачивать головы в их сторону. Мирегал спрятала железный шарик, и Гил сказал хмуро:

— Поступайте как хотите. Я хотел спасти вам жизнь, но если вам это не нужно — пожалуйста. Можете хоть сейчас прыгнуть со стены головой вниз.

— Гилли, давай не будем ссориться. Может быть, завтра нас уже не будет, а мне… не хочется умирать в ссоре с тобой. Лучше поцелуй меня.

Гил повиновался, но Мирегал не почувствовала в его поцелуе ни капли любви. Ее сердце больно сжалось, однако она ничего не сказала.

Они спустились со стены, сели на коней и подъехали к воротам.

— Куда вы собрались, господин мелх? — удивленно спросил один из стражников.

— Я должен выполнить секретное поручение Таргала, — сказал Гил. — Не беспокойтесь, я вернусь задолго до начала битвы.

— Не лучше ли послать кого-нибудь другого? Дело-то, наверно, рискованное.

— Видишь ли, никто, кроме нас троих, с ним не справится. К тому же это совершенно безопасно. Открывайте ворота!

Гил, Мирегал и Бхарг проехали по узкому козырьку вдоль стены, повернули на юг и поскакали по дороге навстречу врагу.

— Гил, со мной происходит какая-то чепуха, — сказала вдруг Мирегал. — Я понимаю, что это смешно и ни к месту, но мне безумно хочется спать.

Гил удивленно взглянул на нее.

— Надо же. И у меня тоже слипаются глаза. А ведь мы не так давно встали.

— Господа, — сказал Бхарг. — Мне кажется, я все понял. Дело в том, что я тоже прямо-таки засыпаю на ходу. Нам, должно быть, подмешали что-то в пищу.

— Зачем? Кто это мог сделать?

— Помните, выходя из трактира, мы натолкнулись на Халгата? Не слишком ли часто он в последнее время нам попадается?

— Но, Бхарг, это не доказательство. Скорее всего, мы просто слишком сильно перенервничали и устали.

Они скакали вперед, удаляясь от стены. Им оставалось преодолеть не больше мили, когда Гил вдруг услышал женский голос, показавшийся ему знакомым. С большим трудом он отогнал сон и заставил себя прислушаться. Голос шел из эйтлана, висящего на цепочке у него на шее.

— Таргал, — шептал голос. — Таргал, ты слышишь меня? Еще не поздно одуматься. Вам не одолеть нас, Таргал, зачем бессмысленные жертвы? Открой ворота, отдай нам оружие, отдай нам Мидмира… Что же ты молчишь? Ты можешь не делать этого, если не хочешь; все, что хотим, заберем силой…

Голос замолчал, а потом, неуловимо изменившийся, продолжал:

— Таргал, хотя бы сам приходи. Я так давно тебя не видела! Я жду тебя! Вспомни, как мы любили друг друга. Моя любовь к тебе и сейчас жива. Я люблю тебя, Таргал! Шемай-Лох стар… С тобой вдвоем мы легко одолеем его. Мир будет принадлежать нам, только нам одним…

— Можешь не стараться, Ашт, — сказал Гил, поднеся к губам

эйтлан, Таргал тебя не слышит. Ты говоришь с Шем-ха-Гилом, верховным мелхом.

— Ах вот как! Ты все-таки дополз до своих, мой маленький? Как жаль, что ты далеко. Я бы заставила тебя оплакивать Хумбу кровавыми слезами.

— Мне тоже жаль, грязная ведьма, что ты далеко. На этот раз ты бы не удержала меня, и я увидел бы, какого цвета у тебя кровь!..

— Ах, мой дорогой, я забыла спросить, как себя чувствует твой дружок Ки-Энду? А твоя милая подруга — у нее уже выросла новая ручка?

— Очень скоро ты подавишься своими словами, Ашт! — Гил решительно спрятал эйтлан.

Мирегал и Бхарг ничего не слышали — они давно уже ехали с закрытыми глазами; голова Бхарга моталась из стороны в сторону; Мирегал клевала носом. Гил почувствовал, что еще минута — и он тоже заснет. Он оглянулся.

— Ладно, — пробормотал он, — будем считать, что на три с половиной мили мы отъехали. Мирегал, Бхарг! Проснитесь хоть на секунду! Мы уже на месте! Бхарг, не открывая глаз, проворчал что-то, остановив коня, сполз с него и улегся в высокой траве. Мирегал с великим трудом приподняла отяжелевшие веки, тупо посмотрела на Гила и зевнула.

— Мы приехали, Ми, — сказал Гил. — Видишь нидхагов? Сколько до них, по-твоему?

— М-м-миля.

— Может быть, попрощаемся?

Мирегал встрепенулась, взгляд ее немного прояснился.

— Гилли… Мы так и не успели сыграть свадьбу… Прощай, мой дорогой. Спокойной ночи…

Она затихла, обняв лошадиную шею.

«Нам действительно что-то подмешали, — подумал Гил. — Успеть бы».

Он слез с коня и достал айрап. Глаза слипались, ноги отказывались стоять. Гил лег на землю, прочитал номер на железном яблоке и тут же выронил его.

— Вот видишь, Ки-Энду, — пробормотал он. — Я одержал свое слово. Я сказал тогда, помнишь, что не покину тебя?

В последний миг перед тем, как заснуть, Гил тихо и отчетливо произнес:

— Оружие, оружие, оружие. Шестьсот шестьдесят шесть.

И настала тьма.

…Он плыл на большом корабле. Черные тучи застилали небо; молнии с шипением разрывали мрак. Море бурлило. Он

чувствовал, как качается палуба. Внезапно над самым ухом он услышал дребезжащий голос:

— Проклятое землетрясение! Как некстати! Ну, спите, спите, голубчики.

Это толстый старый попугай сидел на мачте и, щелкая клювом, ковырялся в перьях.

— Оружие, оружие! — проскрипел попугай. — Хе-хе! Он почувствовал, как кто-то роется у него в карманах. Какой-то пьяный матрос. Гил хотел его прогнать, но почему-то не смог пошевельнуться; попытался сказать что-то, но издал лишь слабый сгон.

— Один есть, — крикнул попугай. — А девка-то, девка! Как не свалится! Прямо на лошади спит. Еще один. Все. Приятного сна, мои драгоценные.

Попугай взмахнул крыльями и полетел прочь. Ветер подул с новой силой, мачта накренилась и вдруг — трах! — обрушилась на палубу.

— Гил! Проснись! Нас предали!

Гил открыл глаза. Мирегал лежала на земле — от очередного толчка она упала с лошади — и кричала ему, чтобы он проснулся.

Навстречу надвигающимся нидхагам быстро скакал Халгат. Он был уже довольно далеко.

Гил прикусил язык, чтобы отогнать сон. Пожалуй, слишком сильно. Во рту появился вкус крови.

— Стой! — закричал он, вскакивая. — Халгат, я убью тебя! Бросай оружие!

Гил бросился к коню; на седле должен был висеть лук, но его не было. Халгат остановился и крикнул, злобно ухмыляясь.

— Не сердись, Гилли. Видишь, я даже не убил тебя. Я хочу, чтобы ты увидел своими глазами, как ваше царство превратится в пепел! Эх вы, дурачки-простачки! Таким, как вы и ваши дэвы, не место в мире! Только те, кто хитер и силен, достойны жить здесь!

Халгат поскакал прочь, а Гил бессильно опустился на землю. Сон снова овладел им.

— Будь ты проклят! — шептал он. — Чтобы тебе провалиться в бездну, чтоб тебя сожрал Гарм! Чтоб тебе стать змеей, без рук, без ног, ползать на брюхе в грязи до скончания века и шипеть!

Глаза слипались. Теперь уже все кончено — Теперь можно спать. Хоть до самой смерти. Пускай приходят нидхаги и туны. Пусть гуллы сожрут нас всех. Теперь все равно…

Через час после отъезда верховного мелха, когда только что прекратились подземные толчки, а передовые отряды нидхагов уже поднимались по пологим склонам и были всего в четырех милях от стены, защитники Меллнира услышали великий рев,

поднявшийся над вражеской армией. Нидхаги, задрав головы, орали; рога железных быков полыхнули огнем и грянули громом; туны торжествующе воздели к небу белые костяные руки, издав нестерпимо тонкий, пронзительный вой, от которого у воинов волосы встали дыбом, а сердце сковало холодом.

Как только стих этот чудовищный шум, вражеское войско повернулось и пошло прочь, оставив потрясенных защитников Меллнира недоумевать и теряться в догадках. Туны вели свою армию на запад, в страну гейзеров и дымящихся рек в долину Гарм-а-Ден.

Глава 21
ПОЕДИНОК У БРОДА

1. Боги потопа устрашились,
Поднялись, удалились «а небо Ану,
Прижались, как псы, растянулись снаружи.
Иштар кричит, как в муках родов,
Госпожа богов, чей прекрасен голос…
Ануннакийские боги с нею плачут,
Боги смирились, пребывают в плаче,
Теснятся друг к другу, пересохли их губы.

«О все видавшем», эпос о Гильгамеше, 11

2. И встал в ту ночь, и… перешел чрез Иаков вброд. И остался Иаков один. И боролся Некто с ним, до появления зари.

Бытие, 32, 22-24

Комната была незнакомая. Тут стояло еще две кровати, кроме той, на которой лежал Гил, и в них мирно спали Мирегал и Бхарг. «Уж не приснилось ли мне все это?» — подумал Гил. Но эйтлан, по-прежнему висящий у него на шее, доказывал обратное. Гил горько усмехнулся. «Значит, айрапин действительно в руках тунов. Дэвы, какой же я безмозглый болван! Как уверенно, шаг за шагом, мы с Ки-Энду толкали мир к гибели! И вот теперь я довел дело до конца! Почему, почему Халгат не убил меня? Как это жестоко! Что мне делать теперь со своей проклятой жизнью?»

Сейчас жизнь казалась Гилу ненужной, бессмысленной ношей, от которой лучше всего поскорее избавиться. Если бы он мог сейчас оказаться в бою и погибнуть, сражаясь! Но он лежал на кровати и смотрел в потолок, и солнце, проникнув через высокое

окно, било в глаза, и где-то жужжала муха. И Гил понял, что до поры до времени придется ему все-таки тащить свою никчемную ношу, а раз так, надо что-то делать. Например, попытаться понять, где он находится. Может, в плену? Нет, вряд ли. Большие окна, высокий потолок, мягкие кровати — этого не встретишь у нидхагов. Значит, у своих. Но каким образом — И тут страшная мысль пронзила его мозг дэвы ничего не знают! Они и представить не могут, что айрапин попал к тунам! Может быть, что-то еще можно сделать, как-то спасти положение… Может быть, еще не поздно…

Гил взялся за айрапин. Сначала он хотел вызвать Таргала, но вспомнил его суровый взгляд и не осмелился. Да и как его можно было вызвать, если на его имя откликается вот этот самый эйтлан… Наконец, обливаясь потом и мысленно проклиная Халгата за то, что тот оставил его в живых, Гил трижды назвал имя Хейм-Риэла.

— Я слушаю тебя, Гил, — отозвался из эйтлана мягкий голос. — Ты давно проснулся?

— Отдайте меня гуллам, господин Хейм-Риэл! Я погубил все, все! Я украл два железных яблока… А Халгат подмешал мне в еду сонного зелья и отнял их! Теперь они у тунов!

— Гил, я понял так, что два айрапин попали к тунам. Это верно? — очень спокойно переспросил Хейм-Риэл.

— Да, — всхлипнул Гил. Ему хотелось одного: провалиться под землю Гарму в пасть.

— Гил, не вини себя ни в чем, — сказал Хейм-Риэл, — в том, что произошло, повинно не столько твое безрассудство, сколько наши роковые ошибки. Это мы, дэвы, обрекли мир на гибель, ибо над нами тяготеет проклятие и черный дух вечно преследует нас, губя все светлое, что мы пытаемся сделать. Наш путь в этом мире завершен, но для людей еще осталась надежда. Слушай теперь мою трубу — Ха-ила-Хорн.

Эйтлан смолк. Гил встал, выглянул в окно и с удивлением обнаружил, что он в Меллнире. Здесь ничего не изменилось: землетрясение не повредило ни одного здания, а битва, по-видимому, так и не началась. Было раннее утро, значит, он проспал полдня и ночь. Как же он оказался в Меллнире?

Дверь отворилась, и в комнату вошел Кулайн.

— Проснулся, наконец, горе-воевода, — сказал он с улыбкой. — Ну, выкладывай, что вы делали в поле и кто вас так здорово опоил.

Но Гил не в силах был второй раз подряд рассказывать о своей безумной и роковой выходке; да еще с глазу на глаз, да еще самому могучему из дэвов, порывистому и грозному, чуть

насмешливому Кулайну. Поэтому Гил сделал вид, что не расслышал слов дэва, и поинтересовался, каким образом он сам, а также Мирегал и Бхарг, очутились здесь, в Меллнире. Кулайн ответил с легкой усмешкой:

— Нас призвали сюда, как ты, должно быть, знаешь, из Асор-Гира, и мы отчаянно спешили, ожидая увидеть полчища тунов, идущих на приступ, бурлящие потоки крови… Однако, подъехав, мы увидели картину несколько иного плана, а именно, верховного мелха, мирно почивающего в поле среди цветов и кузнечиков. И, заметь, никаких признаков вражеского нашествия. Я никогда не слышал раньше, чтобы ты напивался до бесчувствия, и все это показалось мне весьма странным. Признаться, увидев эйтлан у тебя на шее, я даже подумал, что полученное нами известие о нападении тунов было лишь очаровательной шуткой. Но когда мы, подхватив вас, беспробудных, как мешки с песком, приехали в крепость, нам сказали, что враги действительно появлялись и даже подошли довольно близко к стене.

— Куда же они делись? — растерянно пробормотал Гил.

— Это я думал у тебя узнать.

— Скажите, господин Кулайн, это правда, что Эллигат разрушен, Асор-Гир взят, а в Эн-Гел-а-Сине гуллы?

— Что за чушь! Какие нелепые слухи! Сейчас во всех трех южных странах нет ни одного нидхага или гулла. Послушай. Гил, я вижу, что тебе не хочется отвечать на мои вопросы. И все же ты должен это сделать.

Но Гилу так и не пришлось пересказывать Кулайну историю о похищении оружия, потому что в этот миг раздалась музыка. Она звучала с вершины магдела, из большого черного ящика, трубы Хейм-Риэла, называемой Ха-ила-Хорн. Точно такая же музыка раздавалась сейчас в горах Ио-Син, в Элоре, Эллигате и Асор-Гире, на севере — в Солагире, Альвен-Гире и Менигате, в Рагнаиме, Ойтре и Анугарде, и ее слышали все люди, живущие в подвластных дэвам странах. И музыка эта была слишком знакома Гилу: Хейм-Риэл трубил в свой серебряный рог, и стройный хор подпевал ему. Гил узнал эти полупонятные слова, услышанные впервые от Мирегал в трактире старого Балга. По всей земле раздавалась тревожная песня, предрекая миру скорую гибель:

Ом лайн аэр!..

Мирегал и Бхарг вскочили разом. Вытаращив глаза и испуганно озираясь, они пытались понять, что происходит. Гил смотрел на Кулайна — с его облике происходили странные перемены. Он как будто стал выше ростом, лицо задрожало, как-то расплылось и потемнело, глаза засветились желтоватым огнем… и вдруг он бросился вон из комнаты.

Ом лайн аэр!..

Гил, Мирегал и Бхарг, застыв в неподвижности, слушали грозную песню. Вот музыка смолкла, и зазвучал голос Хейм-Риала:

— Люди Земли! Дэвы взывают к вам! Великое горе постигло наш возлюбленный и прекрасный мир. Близка его гибель! Мы не сумели сохранить то, что создали, горе нам! Зло оказалось сильнее! Напрасно вы надеялись на наше всемогущество! Близок час, когда великаны-туны, воплощение черного духа, с которыми мы тщетно боролись четыреста лет, выпустят на волю подземный огонь, кровожадного Гарма, мерзостного тролля, пожирателя солнца. И тогда миру придет конец — пылающая бездна поглотит его. Но мы еще можем кое-что сделать для вас, и род человеческий не погибнет. Знайте: за океаном, что окружает наш мир, есть другие земли. Они ничем не хуже нашей, и вы сможете жить там в покое и счастье. Мы не в силах перенести туда всех людей, но часть будет спасена. Возлюбленные наши дети! Не спешите предаваться отчаянию! Не позволяйте безумию овладеть вами! Дух, который мы вложили в вас, да поможет вам достойно встретить крушение мира. Слушайте, мы укажем вам путь к спасению многих! Пусть те из вас, кто живет у моря, снаряжают корабли. Не забудьте взять с собой домашний скот и семена съедобных растений: ничего этого нет за океаном. Запасайтесь едой на три месяца. Пусть первыми поднимутся на корабли дети, молодые женщины и мужчины из числа тех, кто учился в наших школах в Асор-Гире, Рагнаиме, Альвен-Гире и Асгарде. Те, кому не хватит места на кораблях, пусть ждут на берегу: большие суда из Рагнаима пройдут вдоль побережья и заберут их. Выходящие в море! Плывите на восток или на запад, но не на север и не на юг. Не перегружайте корабли; лучше пусть спасутся немногие, чем погибнут все.

Пусть все мужчины, способные сражаться и живущие в пределах дня пути от Асгарда, спешат в столицу, ибо нам придется дать врагу последний бой. Мы ждем здесь также всех, кому Асгард ближе, чем море. Они улетят по воздуху на железных птицах.

Жители Эл-а-Дена! Вам не добраться ни до моря, ни до Асгарда. Ждите нас в Эллигате, и мы придем, чтобы спасти вас.

Не проклинайте нас! Мы не уберегли ваш прекрасный мир от гибели, так же, как когда-то не уберегли свой. И все же пусть память о нас будет доброй! Неужели все это наделали мы? — пробормотал Бхарг.

— Не печальтесь, — задумчиво сказала Мирегал. — Может быть, наш новый мир будет лучше прежнего?..

— Нового мира нет, — возразил Гил, — есть лишь голая земля где-то за океаном. Людям придется самим создавать его. Разве нам это по силам? Кто мы без дэвов?

— Я не верю, что все дэвы погибнут.

— Брось! Ты сама прекрасно понимаешь, что это конец. Пусть даже остатки людей долго еще будут влачить жалкую жизнь, питаясь травой и червями среди пустынных скал по ту сторону моря. Только я-то точно не попаду туда.

— Ты не веришь в этих… железных птиц?

— Я просто никуда не полечу отсюда. Пусть мое место достанется кому-нибудь поумней меня. Какое право мы, погубившие мир, имеем на спасение?

— Ну что ж… — проговорила Мирегал после долгого молчания. — Смерть не так уж страшна. Когда я засыпала там, в поле, я знала, что не проснусь, но мне не было грустно. Я знала, что так надо. Вот и сейчас — то, что я еще жива — пусть это будет сном — мимолетным, но добрым.

— Знаете, — сказал Бхарг, — Хейм-Риэл меня все-таки порадовал. Ведь Халгат обманул нас! Эллигат не разрушен. Значит, все наши друзья живы и могут еще спастись.

— И те, что в Эн-Гел-а-Сине гуллы — тоже вранье! — подхватил Гил.

— Вот видите, — улыбнулась Мирегал, — у нас даже есть повоя для радости.

— Одно только не дает мне покоя, — сказал Гил. — Как же могло так получиться, что мы толкали мир к гибели, а сами думали, что боремся со злом? Как мы старались! Сколько подвигов совершили! А вышло так, что своими благими намерениями мы вымостили миру прямую дорогу в бездну! Внезапно вернулся Кулайн. Вид у него был воинственный и грозный; тело заковано в сверкающую броню, меч на поясе, копье в руке. Желтые глаза смотрели сурово и жестко.

— Собирайтесь. Мы все едем в Асгард.

— Зачем? — спросил Гил сухо, едва взглянув на дэва.

— Для самообвинений у тебя еще будет время! — гневно воскликнул Кулайн. Если каждый, кто чувствует себя виноватым, сейчас откажется сражаться, отсюда не спасется никто! Шемай-Лох идет на Асгард, и нам придется дать ему великую битву, чтобы корабли успели отплыть до гибели мира.

— Ну, если так, пошли, — вздохнул Гил.

Армия покидала долину Меллнира. Длинная вереница всадников растянулась по дороге, что вела через горы на север к Асгарду. Кулайн ехал рядом с Гилом, Мирегал и Бхаргом; когда они подъезжали к выходу из долины, дэв сказал:

— Хотите попрощаться с Мидмиром? Это не задержит нас. Они свернули с дороги — три человека и дэв — и предстали перед черным кубом. Тихо журчала вода. Солнце блестело на поверхности озера и на стальном панцире Кулайна. Бронзовая голова Мидмира глядела на них так печально и мудро, что казалась живой.

— Я все знаю, — сказал Мидмир. — Я слышал рог Хейм-Риэла.

— Верно ли мы поступаем? — спросил Кулайн.

— Да. Одно лишь хочу посоветовать: во что бы то ни стало должны быть спасены Шем-ха-Гил и Мирегал.

— А Бхарг? — воскликнула Мирегал. — Вы забыли про Бхарга!

— Он заслужил спасения, но вам опасно брать его с собой за море. Его дети не будут настоящими людьми. Нельзя допустить, чтобы в ваш новый мир попали семена зла.

— Мидмир, скажи, сколько времени у нас еще осталось? — спросил Кулайн.

— Я не знаю точного ответа. Наиболее вероятно, что мир погибнет завтра.

— Почему ты так думаешь?

— Завтра в два часа пополудни произойдет полное солнечное затмение. Завтра же ожидается извержение Гефа и сильное землетрясение с центром в Гарм-а-Дене. В интересах Шемай-Лоха использовать оружие в это время.

— Спасибо тебе, Мидмир. Ты верно служил нам и людям. Хочешь, я усыплю тебя?

— Нет, я желаю видеть и слышать до самого конца и погибнуть вместе с миром. Прощайте!

Догнав уходящую армию в узком ущелье при выходе из долины, Кулайн обратился к своим спутникам:

— Вам необходимо знать, что имел в виду Мидмир, когда говорил о затмении, землетрясении и планах Шемай-Лоха. Туны не хотят, чтобы человеческий род продолжился за океаном, и они приложат все силы, чтобы помешать людям спастись. Те же, кто все-таки вырвется, пусть прежде всего потеряют рассудок, — так думает Шемай-Лох. Поэтому он хочет, чтобы катастрофа была как можно более ужасной. Согласитесь, что когда одновременно начнут извергаться вулканы, солнце померкнет среди бела дня, а земля задрожит, расколется и обрушится в бездну, многих людей может охватить безумие, даже если они успеют подняться в воздух на железных птицах. Ну а сумасшедшие не способны будут выжить и сохранить свой род на далеких берегах. Теперь, благодаря Мидмиру, мы можем предупредить людей, и они легче

перенесут все это. Хотя, признаться, даже мне не по себе, когда я думаю, какие странные совпадения происходят сейчас по воле судьбы. Помните, в песне Хейм-Риала говорится о Гарме — пожирателе солнца и луны. И вот пожалуйста — луна умерла сегодня на рассвете и не родится вновь до гибели мира; а солнце умрет завтра днем, заслоненное лунным диском. Мы же имели в виду совсем другое: тучи пепла и дыма, которые поднимутся в воздух и затмят светила.

— Какая разница! — с отчаянием сказала Мирегал. — И зачем говорить о затмениях и прочих пустяках, когда нас ждет такая страшная катастрофа…

— В этих пустяках, Мирегал, таится великая опасность. Я боюсь, что в сознании людей все смешается, и это может отбросить вас далеко назад, к дикой звериной жизни. Все мельчайшие детали, самые обычные вещи, которые будут сопровождать катастрофу, навеки впечатлеются в память спасшихся, и я не удивлюсь, если ваши потомки будут придавать огромное значение таким простым явлениям, как солнечное затмение, и даже новолуние будет казаться им зловещим. Не исключено, что в расположении светил вы начнете искать причины происходящего на земле…

— Ну, со мной-то ничего такого не случится, — уверенно заявила Мирегал. Я видела вещи пострашнее новолуния, честное слово!

— Да, ты не потеряешь рассудок, что бы ни случилось, — сказал Кулайн. — И Гил тоже. Потому-то Мидмир и велел нам во что бы то ни стало спасти вас обоих.

Около полуночи меллнирская армия достигла Асгарда. Глазам воинов открылось фантастическое зрелище: на фоне черного неба возвышалась гора огней, увенчанная светящимся голубым обручем. Он, казалось, висел прямо в воздухе. Магдала вовсе не было видно: черная пирамида сливалась с окружающим мраком, и только эликон одиноко парил во тьме, словно неведомое новое светило, явившееся заменить бездельницу луну.

В Асгарде уже собралось великое множество людей, в основном, вооруженных мужчин; постоянно прибывали новые отряды. Здесь были низкорослые молчаливые горцы, высокие, шумные, бородатые северяне из Сол-а-Дена и светловолосые, голубоглазые жители Альвена, говорившие на непонятном северном наречии. Вся эта пестрая многоязыкая толпа кольцом окружила подножие горы, так что когда встало солнце, спешащие в Асгард путники могли подумать, что город в осаде.

Почти никто из воинов не спал в эту ночь.

Сразу по прибытии Кулайн потащил Гила, Мирегал и Бхарга

наверх в магдел, где их ждали дэвы. Как не похоже было теперь их угрюмое общество на то весело-доброжелательное, окружающее гостя теплом и заботой, которое Гил видел здесь же, в этом зале, менее двух недель назад. Помрачнели лица, запали глаза, потускнели золотые кудри. Страх, тоска и смятение поселились в магделе.

Гил долго искал глазами Фенлин — юную, смешливую девушку, чем-то напоминавшую Мирегал. С трудом он узнал ее в статной, величественной женщине, невыразимо прекрасной, с затаенной болью в глазах: Гил подумал, что так, должно быть, выглядит королева, чье царство разрушено, а народ обращен в рабство.

— Ты удивлен? — спросила Фенлин, заметив взгляд Гила. Голос ее тоже изменился: потерял звонкость, но обрел силу. — Не пугайся! Меняется мир, меняются люди — и я меняюсь… В прошлый раз вы были юны и беспечны — и я была такая же. А сегодня…

Гил всем телом ощущал подавленность и напряженность, исходящую от дэвов. Ему было не по себе с ними, хотелось выйти на улицу, побродить по городу, взглянуть напоследок на небо, на горы…

— Расскажите, как случилось, что айрапин попали к тунам, — сказал Элиар.

— Сначала давайте зажжем огланы, — сказал Кулайн, — чтобы враг не подкрался незаметно.

— Оглан — «длинный глаз», то есть видит то, что вдали, — пояснил людям тихо подошедший Хейм-Риэл.

И вот на всех четырех стенах зала появились живые картины. На восточной стене был виден, словно с высокой горы, большой город на берегу бескрайнего моря. По небу неслись низкие тучи, волны разбивались о скалы, вздымаясь пенными шапками; в порту стояли корабли, а на берегу возле них бурлила огромная толпа. Туда-сюда сновали лодки — шла посадка. Один большой корабль уже снялся с якоря; паруса были опущены, гребцы отчаянно боролись с ветром. Судно тяжело раскачивалось на волнах и почти не двигалось с места. Гил понял, что это в Рагнаиме отчаливают корабли.

На южной стене застыло изображение покинутой долины Меллнира, на северной была видна незнакомая крепость с остроконечными башнями, одиноко стоящая в безлюдной голой степи. Гил подумал, что это, вероятно, Менигат, полночные врата, заслонявший собой северное царство, подобно Эллигату, вратам Эллила, на юге. Но дэвы смотрели на западную стену, где был виден Гарм-а-Ден, долина подземного огня, широкой полосой,

разделявшая горные хребты Ио-Рагн и Ио-Тун-Гир. Гарм подходил там совсем близко к поверхности земли. Потоки застывшей лавы, вырывающийся из трещин пар и горячие фонтаны гейзеров придавали долине зловещий облик. Там же, в Гарм-а-Деие, стояла несметная рать нидхагов. Но не она страшила дэвов — впереди войска шли туны, тридцать черных великанов с громадными палицами. Они тяжело ступали по горячим камням: казалось, они уже совсем близко — вот-вот сойдут со стены и окажутся здесь, в зале.

— Ну, готовьтесь, — встал Кулайн. — А я задержу их. Он бросился к выходу.

— Я с тобой! — Таргал рванулся за ним.

— Не надо! — крикнул Кулайн уже из передвижной комнаты. — Я и один справлюсь. Я остановлю их у брода, там узко, мне не потребуется помощь.

— Почему вы отпустили его? — спросила Мирегал, когда Кулайна скрыла скользящая дверь. — Он же погибнет!..

— Кулайн — сильнейший из нас, — сказал Элиар. — Он действительно сможет надолго задержать их у брода. А вскоре придет и наш черед. Многим из нас суждено погибнуть сегодня, а часом раньше или часом позже — какая разница?

— Среди этих тунов — Диафер, бывший друг Кулайна, — сказала Фенлин. Наверное, Кулайн надеется как-то сохранить ему жизнь, или, может быть, договориться с ним, переманить его на нашу сторону…

— Неужели вы верите, что тунов можно исправить?! — воскликнул Гил.

— Эта вера еще жива во многих, ее трудно вырвать из сердца, — Фенлин задумалась. — Ведь мы помним, какими они были раньше, за жуткими масками видим лица своих друзей и соратников, с которыми вместе создавали этот мир. Узы, связывающие нас, непросто порвать.

— Это правда, Гил, — сказал Бхарг. — Я отлично понимаю дэвов. Вот я стал человеком, но какая-то связь с моим народом у меня осталась, и мне до конца дней не удастся забыть, что я родился нидхагом. Если бы ты знал, как мне больно видеть несчастье своего народа, его обреченность, безысходность его судьбы! Ведь мы не виноваты, что нас сделали такими. Может быть, и туны не виноваты в том, что переродились, кто знает.

— Пора вам все же начать свой рассказ, — сказал Элиар. — Надо торопиться, ведь скоро все мы пойдем в бой.

И Гил, вздохнув, поведал дэвам историю похищения айрапин и предательства Халгата.

Никто не упрекнул его и не сказал ни слова, дэвы молча

стояли, опустив головы, только Таргал вдруг громко расхохотался.

— Мы с тобой, оказывается, похожи! Гляди, — и он протянул Гилу пару железных яблок, — я тоже не удержался! И правильно сделал, ведь туны думают, что мы у них в руках и беззащитны, а нам теперь есть чем ответить.

Дэвы удивленно зашумели, кто-то присвистнул-прищелкнул, но Элиар остановил его:

— Не надо, друзья, говорить по-нашему, уважайте гостей. А то, что ты сделал, Таргал, хоть и против наших обычаев, но обернулось благом.

— Добро бы ты был похож только на Таргала, — улыбнулся Хейм-Риал. — К несчастью, ты еще и на меня похож: такой же доверчивый. Оба мы знали, что Халгат предатель, и все же верили ему!

— А теперь, — сказал Элиар, — пора подняться в эликон. Завтра нам понадобится вся наша сила. Но кто-то должен остаться здесь, чтобы следить за событиями.

— Давайте мы останемся, — предложила Мирегал.

— Хорошо, — согласился Элиар. — У тебя, Гил, есть эйтлан, если увидишь что-нибудь примечательное, сразу сообщи мне.

Элиар передал Гилу железную пластинку с какими-то колесиками и кнопками.

— Это для управления огланами. Вот так, смотри, мы как бы углубляемся в Гарм-а-Ден. Вот-вот, ближе, ближе… Туны на стене стремительно росли.

— Это Диафер… И не узнать его — настоящий мертвец. А так — удаляемся…

Туны уменьшились, превратились в крошечные далекие фигурки, а на переднем плане появились скалы, дорога на дне ущелья и пересекающий ее мутный поток.

— Так и оставим. Здесь Кулайн их встретит… Держи.

Дэвы покинули зал, а люди остались ждать. Гил занялся управляющей пластинкой, пытаясь увидеть в южном оглане Эн-Гел-а-Син или хотя бы Эллигат, но изображение останавливалось, дойдя до опушки Ха-мерка.

Мирегал и Бхарг смотрели на Рагнаим. Там не утихала буря. Вдруг одна из шлюпок с людьми опрокинулась и исчезла в черной воде. Мирегал вскрикнула.

…Спустя час Гил достал эйтлан и вызвал Кулайна. Послышался стук копыт и металлический звон.

— Господин Кулайн, это я, Гил. Мы в магделе, смотрим на брод — Туны уже близко, вы успеваете?

— Да, конечно! Сейчас вы меня увидите. Дэвы в эликоне?

— Да.

— Жаль, не успел. Ну, смотрите, потом расскажете людям. Пожалуй, оставлю вам и звук.

Через минуту на стене появилось изображение Кулайна. Дэв стоял в колеснице, груженой оружием, с копьем в руке и в железном панцире. Белый конь мчался, как ветер, колеса гремели на каменных плитах. Туны уже вошли в ущелье и гуськом двигались к броду. Река Наг текла под самыми скалами, преграждая великанам путь наверх, к Асгарду.

Тяжелый низкий голос раздался из эйтлана — голос туна:

— Куда бежишь, пес?

Это была не брань, а намек на значение имени Кулайна, догадался Гил.

— Скоро ты подожмешь хвост, и бежать будет некуда, когда сорвется с привязи пес посильнее тебя, — грохотал великан.

— Тебя-то, Муспелль, я не испугаюсь, — сказал Кулайн, сходя на землю.

Они стояли друг напротив друга — громадина-тун с лицом трупа и маленький светлый дэв, ростом чуть повыше его колена, бурлящий поток шириной с сотню локтей разделял их.

Другие туны стояли позади — узкое ущелье позволяло им подходить к броду лишь поодиночке, почему Кулайн и выбрал это место для обороны. Муспелль шагнул в воду, вспенившуюся вокруг белесых ступней, и взмахнул палицей.

— Прочь с дороги, малявка, не то, клянусь, не придется тебе больше бегать и лаять, — будешь лежать здесь до гибели мира и обликом станешь подобен нам!

— Да, тебе это легче — не придется менять облик, труп ты ходячий…

Палица, кружась, пролетела над головой дэва; выпрямившись, Кулайн метнул копье. Столько силы было в этом броске, что его оружие, попав в грудь чудовищу, вошло в тело целиком, вместе с древком, и тун, взревев, упал вниз лицом в горячую воду. Запруженный Наг забурлил, вздыбился и перелился через мертвое тело.

Второй тун шагнул вперед, но не успел поднять палицу, как и его настигло метко пущенное копье. Когда четыре великана один за другим окунулись в поток, а Наг, широко разлившись, образовал небольшое озеро, туны отступили вглубь и стали совещаться.

— Вы меня слышите? — Кулайн, используя передышку, обратился к Гилу. Скажите Элиару, пусть поторопится… Боюсь, следующим моим противником будет Диафер. Только он один может одолеть меня в единоборстве.

Гил вызвал Элиара, узнал, что отряд дэвов уже скачет к броду, и передал эту весть Кулайну. Тот уже готовился к новому поединку. Из ущелья выступил пятый тун.

— Диафер, ты вышел против меня с оружием?.. — воскликнул Кулайн. — Я не желаю тебе смерти. Во имя нашей былой дружбы прошу тебя: отступись! С любым из вас я готов принять бой, но не с тобой!

— Зачем поминать старое, Кулайн? — прогремел Диафер.

— Я не хуже тебя помню, как мы дружили в юности. Мне тоже не по душе сражаться с тобой, но у меня есть долг, и моя воля скована клятвами, данными мной великому властелину.

— Вспомни, Диафер, как вместе мы мечтали о новом, прекрасном мире, где не будет места злу, и люди будут стремиться к сияющим вершинам светлого духа! Разве власть над миром и толпы коленопреклоненных рабов столь желанны для тебя? Чем прельстил тебя Шемай-Лох, что ты жаждешь смерти своего друга?

— Довольно слов, Кулайн! К бою! Сражайся за свою мечту. Воюй, светлый дух, с духом черным, и посмотрим, чья возьмет, о возлюбленный друг мой Кулайн-Милдориэл![2]

Диафер ступил в воду и по телам своих предшественников двинулся вперед. Дойдя до середины потока, он взмахнул палицей и нанес удар. Казалось, никто уже не спасет дэва, но в последний миг он подпрыгнул — подпрыгнул необычайно высоко, на два своих роста, и грозное оружие не задело его. Пока Диафер снова замахивался, Кулайн метнул подряд два копья, но первое тун поймал и сломал, как щепку, а второе отбил ударом палицы. Выхватив меч, Кулайн снова прыгнул — и прыжок этот был еще выше, еще чудеснее первого, и, вскочив, словно цепкий котенок, на грудь великана, глубоко вонзил лезвие в его тело ниже сердца. Тун взревел и сбросил с себя врага; черная кровь, дымясь, хлестала из раны. Кулайн упал в воду, и в тот же миг удар палицы настиг его. Гил зажмурился: все, конец, погиб отважный дэв! Но хриплый рев Диафера заставил его снова открыть глаза:

— Теперь ты охромел, друг мой Кулайн! Дэв, прихрамывая, выбрался на берег и подбежал к колеснице. Диафер, заливаясь кровью, снова поднял палицу.

— Прости меня, Диафер! — Кулайн держал в руке огненное копье Ха-Бул. — Я не могу пропустить тебя в Асгард!

Облик Кулайна неуловимо изменился, черты его исказились — это уже не был человек, а неведомое существо, охваченное яростью боя, огненный демон, пылающий лютым красным огнем. Сбросив сандалию, Кулайн — если это все еще был Кулайн! —

самым невероятным образом захватил Ха-Бул двумя пальцами ноги и метнул его движением, требовавшим необычайной гибкости суставов либо полного их отсутствия. Вспыхнуло пламя, и тысячи огненных стрел пронзили черного великана и разбежались по его телу испепеляющими лоскутами; и вот вся громадная туша распалась и рухнула облаком праха, тут же унесенного бурной рекой.

Кулайн вернул себе человеческий облик, подобрал Ху-Бул и скорбно опустился на прибрежный камень, закрыв лицо руками.

— Горе мне! — воскликнул он. — Погиб мой любимый друг, отважный Диафер!

Шестой тун уже стоял по ту сторону брода.

— Нечестно ты воюешь, презренный пес! Будь у нас такое оружие, мы бы давно правили миром. Удар за удар — брось мне свое копье!

— Никто не посмеет сказать, что Кулайн воюет нечестно!

— воскликнул дэв. — Что ж, держи, если поймаешь! — И он метнул копье вперед рукояткой с такой силой, что железная трубка глубоко воткнулась в грудь великана, как если бы она была остро заточена. Тун упал навзничь, но подбежавший к нему товарищ выдернул из него смертоносный Ха-Бул и навел на дэва.

— Торопись, жалкая тварь! — произнес Кулайн. — Посмотри, вон уже скачут дэвы!..

Из огненного копья вырвалась ослепительная молния… И тут Мирегал, не выдержав, протянула руку к железной пластинке и погасила изображение. А потом упала лицом на ковер и разрыдалась. Эйтлан отчаянно затрещал и замолк. Лишь через полчаса раздался голос Элиара:

— Мы возвращаемся. Теперь ваш черед сразиться с нидхагами.

— А туны… где? — пролепетал Гил.

— Вы что же, не смотрите? Они отступили, мы прогнали их. Слава Кулайну, он устрашил врагов, дал нам время набраться сил. Теперь наступают нидхаги. Гил, объяви людям, пусть спускаются в Гарм-а-Ден и сдерживают их натиск; мы же побережем силы для боя с более страшным противником.

— Кулайн… погиб?

— Зачем ты спрашиваешь?.. Зажги оглан и посмотри. Гил повернул рукоятку. У брода не было никого, только пять мертвых тунов лежали в воде, сдерживая ее бег. И Кулайна не было. Только оплавленный, почерневший камень, на котором он сидел в момент вспышки, безмолвно свидетельствовал о его судьбе.

Глава 22
ХА РЕК

Блеск зыбей, средь которых ты находишься,
Белизна моря, по которому плывешь ты,
Это — расцвеченная желтым и голубым
Земля, она не сурова…
Вдоль вершин леса проплыла
Твоя ладья через рифы.
Лес с прекрасными плодами
Под кормой твоего кораблика.

Плавание Брана

На рассвете войско спустилось с гор и вступило в бой с нидхагами. Гил сражался в первых рядах. Разя асгардским мечом, отбивая щитом удары, он был счастлив, что сумел вырваться, ускользнуть не только от дэвов, пытавшихся первым посадить его в улетавшую железную птицу, но даже от Мирегал, куда более бдительной, и от хитрого Бхарга, — и вот он здесь и наконец-то может хоть как-то искупить свою великую вину перед миром. Должно быть, Гил и вправду излучал какую-то невидимую энергию — «светился», по выражению Таргала, — во всяком случае, нидхаги явно избегали с ним встречи, а те, кого он настигал, защищались слабо и все норовили пуститься наутек.

Обе армии были велики; битва затянулась и широким пятном расползлась по долине, и все же преимущество с самого начала было на стороне людей: судя по всему, труба Хейм-Риэла отбила у нидхагов всякое желание воевать. Они сражались вяло и неохотно, тревожно думая лишь атом, как бы раздобыть себе место в Шемай-Лоховых подводных змеях — тех таинственных кораблях, на которых, по слухам, собирались спасаться туны в случае гибели мира…

Земля задрожала и поползла трещинами; она открывалась широкими проемами и обрушивалась, обнажая черные бездонные колодцы.

Оттуда, из бездны и мрака, зловонными толпами поднимались гуллы. Тысячи их в считанные секунды наводнили долину. Безмолвные плосколицые мертвецы бросались на людей

и нидхагов; раздирали ногтями их плоть, впивались в тело длинными плоскими губами. Гарм-а-Ден наполнился воплями, стонами и хрустом костей. Гуллам не было числа; никто не в силах был сопротивляться им. Одни воины, окаменев, стояли в ожидании неминуемой смерти, другие безумно метались по полю, теряя оружие и проваливаясь в черные ямы.

Лишь один человек сохранил рассудок и волю в этом чудовищном, бредовом кошмаре. Это был Шем-ха-Гил. Он давно ожидал появления гуллов; единственное, чего он не ожидал, это их появления из-под земли. Смерть его не страшила, он был готов к ней и собирался встретить с достоинством.

Какой-то гулл, вырвавшись из трещины, глубоко прокусил ему ногу. Но Гил взмахнул мечом и отсек эту жадную голову, которая, впрочем, не разжала челюстей, и Гилу пришлось повозиться, прежде чем он избавился от мерзкого, обтянутого сухими мышцами черепа, повисшего у него на лодыжке. Хромая, он пошел на восток, к горам. Битвы уже не было — был великий гуллъский пир. Остатки нидхагов и людей разбегались во все стороны. Мертвецы-победители пожирали останки. Гил шел, отбиваясь от бросающихся на него гуллов. Он делал это с легкостью, ведь у них не было иного оружия, кроме страха. Он зарубил их уже не меньше десятка. До гор оставалось совсем немного. «Не судьба мне умереть в бою, — подумал Гил, прикончив очередного гулла. — Ну что ж, пойду в Асгард, может, там найдется для меня какая-нибудь работа. А за океан не полечу, дудки. Сыт по горло своей дурацкой жизнью».

В этот момент Гил был уверен, что в мире уже не может произойти ничего такого, что его поразило бы, потрясло. Но зло неистощимо на выдумки!..

… Мерзкий гулл с прилипшими к черепу седыми космами и с грубым толстым шрамом поперек шеи встал перед Гилом и протянул к нему тощие жадные руки. Ледяной ужас сковал сердце Гила. Он остановился, задрожал, ноги его подкосились, оружие выпало из рук…

Мертвец приоткрыл сухую пасть и прошелестел:

— Я так долго искал тебя, сынок!

Гил рухнул на землю, все его тело свело судорогой.

— Отец, — прошептал он, — сжалься, сжалься надо мной!

— Сжалься ты надо мной, сынок, — прохрипел гулл. — Мое нутро горит неутолимым огнем. Дай мне насытиться твоей плотью, она моя по праву! Только твоя кровь зальет пожирающее меня лютое пламя, только тобой я утолю свой нестерпимый голод!

Зубы лязгнули над самым ухом Гила.

— Я люблю тебя, сын мой, люблю безумно, страстно, — шипело чудовище. Только о тебе я мечтал все это время! Я не причиню тебе боли…

Гил потерял сознание.

И снова он очнулся, отказываясь верить, что жив.

— Дэвы, дэвы, когда же я наконец-то умру? — пробормотал он, не открывая глаз.

— Ты не умрешь, Гил, ты не имеешь на это права, — услышал он мягкий голос Хейм-Риэла. — Тебе суждена долгая жизнь. Встань, смотри! Солнце еще светит. Асгард стоит. Мы еще боремся.

— Как я здесь очутился?.. — Гил, оглядевшись, узнал зал асгардского магдела. Огланы светились на стенах. В помещении, кроме него и Хейм-Риэла, никого не было. Гил глянул на западную стену. Он увидел поле, заваленное трупами и обрубками гуллов, изрытую трещинами землю и стелющийся дым. На белых конях скакали дэвы, полторы сотни светлых всадников — почти все, сколько их было на свете. Они добивали шныряющих среди трупов гуллов, и эта работа была уже почти закончена. Вдалеке ползли страшные быки и шагали черные великаны. Земля колыхалась. Из трещин били в небо фонтаны горячей грязи.

— Я спас тебя в последний момент, — сказал Хейм-Риэл, — когда гулл уже собирался вонзить зубы тебе в горло. Я сгреб тебя в охапку и привез в Асгард, и теперь ты будешь сидеть здесь, сбежать тебе больше не удастся. Хочешь ты этого или нет, но тебе придется полететь за море.

— А что, армия наша погибла? Кто еще спасся, кроме меня?

— Спаслись сотни две из восьмидесяти тысяч, — сказал Хейм-Риэл со вздохом. — Но все они погибли не зря: за это время мы успели приготовиться к отлету, загрузить железных птиц всем необходимым и выбрать людей, которые будут вывезены. Ну, смотри, запоминай, — дэв указал на западную стену, теперь недолго осталось. Солнце уже меркнет.

Солнце, видимое на южной стене зала, где оно стояло прямо над меллнирским магделом, уже потеряло правый край своего диска. Черная тень быстро надвигалась.

— Сейчас, Гил, на улице наступит тьма. Мы здесь этого не увидим: огланы устроены так, что видят одинаково и ночью, и днем.

Гил видел, как дэвы, расправившись с мертвецами, помчались на запад, навстречу тунам. Подземные толчки усиливались. Теперь они ощущались даже здесь, в магделе, несмотря на упругий фундамент. Одна из гор в далекой гряде Ио-Тун-Гира, по

ту сторону долины Гарма, исторгла тучу пепла, и нижний край ее озарился кровавым светом…

— Началось, — сказал Хейм-Риэл. — Смотри внимательно, Гил, теперь туны пустят в ход похищенное оружие.

Туны, прежде двигавшиеся навстречу дэвам, внезапно повернули на север. Только один железный бык продолжал ползти вперед. Хейм-Риэл до предела приблизил его изображение.

— Вот оно, — прошептал он, — сейчас…

Солнце померкло. Мир погрузился во мрак. Дэвы повернули вспять: теперь они стремительно убегали от железного быка, рассыпавшись по полю. Грозная машина деловито проползла еще с полмили на восток и остановилась. Бык вращал головой, уставив свой рог прямо Гилу в глаза, и плюнул огнем. Это маленькое пламя в один миг разрослось во всю стену и стало ослепительно ярким, потом стена почернела…

Хейм-Риэл начал вращать рукоятку, удаляя изображение, но ничего нового не появлялось. Наконец по краям стены возникли светлые пятна; вот выступили скалы, ущелье и брод с мертвыми тунами. Посреди Гарм-а-Дена росла, раздувалась чудовищная черная гора дыма и пепла. Три или четыре дэва, мелькнув, как яркие искры, с невероятной скоростью промчались к Асгарду. Вслед за этим могучие скалы обрушились и завалили проход.

Хейм-Риэл направил взгляд оглана чуть повыше, так что поверх каменных обломков снова стал виден Гарм-а-Ден. Туча, оторвавшись от земли, поднималась, расползаясь над долиной. На том месте, где стоял железный бык, теперь зияла громадная оплавленная воронка диаметром не меньше полумили.

Гил почувствовал, как дрогнул пол, закачались стены. Магдел угрожающе накренился.

— Пора! — встал Хейм-Риэл. — Идем, Гил. Птицы ждут нас.

Последнее, что увидел Гил, входя в передвижную комнату, была длинная, извилистая трещина, пересекшая Гарм-а-Ден с севера на юг. Края ее медленно раздвигались, и оттуда, из недр, рвалось к небу бешеное подземное пламя.

Гарм дождался своего часа.

Снаружи творилось нечто неописуемое. Земля ходила ходуном; рушились дома, громадные глыбы с грохотом катились по горным склонам. К югу от Асгарда вулкан Геф бросал в небо красные камни, трескался и истекал лавой; внезапно с грохотом раскололась его вершина — ее сорвало, как крышку с котла, и огненные потоки устремились в долины. Гарм-а-Дена не было видно, но с той стороны доносился странный звук, подобный реву водопада, и наползала зловещая туча.

Хейм-Риэл, взяв Гила за руку, тащил его к железной птице. Она стояла на искусственной террасе у подножия магдела — длинное блестящее тело на смешных лапках, раскинутые плоские крылья, опущенный клюв, вздернутый треугольный хвост. От постоянных толчков птица подпрыгивала, мягко пружиня на гибких ногах. В брюхе была открыта дверь, к ней приставлена лесенка. Гил, оглядевшись, не увидел вокруг ни одной живой души, кому бы он мог уступить свое место, вздохнув, поднялся по ступенькам и вошел в круглое брюхо.

Внутри было полно народу; все жались друг к другу и озирались испуганно, словно затравленные зверьки. Какая-то женщина билась в истерике; где-то надрывно блеяла коза; жутко выли собаки.

Хейм-Риэл провел Гила к железной двери и втащил его в стеклянный клюв птицы.

— Ну, наконец-то!.. — Мирегал перевела дух и бессильно опустилась в кресло. — Я так боялась, что вы опоздаете!

Хейм-Риэл устроился перед столиком с рукоятками, похожим на увеличенную пластинку для управления огланами. Гил сел рядом с Мирегал.

— Постой-ка, а где Бхарг? — вдруг встрепенулась она. Хейм-Риэл повернулся к ней с выражением страдания на лице.

— Мы не можем взять его, Мирегал. В вашем новом мире не нужна кровь нидхагов…

— Ну-ка, подождите, — Мирегал сорвалась с места и бросилась вон из клюва.

Хейм-Риэл не успел удержать ее. Схватившись за рукоятки, он тихонько присвистнул, и Гил, сидевший за его спиной, увидел, как столик осветился ярко-зеленым светом.

Между тем трясло все сильнее. Уже обрушилось в пропасть несколько нижних террас Асгарда. Черная туча, налетевшая со стороны Гарм-а-Дена, заволокла все небо и снова скрыла солнце, только что показавшееся из-за лунного диска, и опять стало темно… Все громче становился грозный рев воды… С другой стороны магдела взмыла в небо и унеслась прочь железная птица, ведомая Таргалом. Сначала она летела на запад, потом взяла правее и скрылась в дыму.

Наконец Мирегал с победной улыбкой вернулась в стеклянный клюв, и Хейм-Риэл потянул какую-то рукоятку. Послышался гул, птица подпрыгнула и сорвалась с террасы, клюнула носом, выровнялась и пошла вверх…

У Гила перехватило дыхание. Глянув вниз, он увидел Асгард у себя под ногами, накренившийся магдел и голубое кольцо эликона. Затем все это уплыло куда-то назад; теперь они летели

над трясущимися в бешеной пляске горами. Какой-то миг — и они уже над Гарм-а-Деном…

Но что это? Гил не удержался и вскрикнул, второй раз за день убедившись, что был не прав, думая, что нет на свете ничего, что его взволновало бы. Та узкая огненная трещина, которую он увидел из магдела, разрослась, расширилась неимоверно, как глубокая рана на теле земли, достигшая самого ее раскаленного сердца. Она протянулась с севера на юг от моря до моря, громадные куски земли, целые поля вместе с многочисленными нидхагирами обрушивались в пылающую бездну. И с двух концов, с севера и с юга, неудержимо рвалось в этот жуткий провал кипящее море. Два громадных вала неслись друг другу навстречу, заливая красную бездонную глубь, разверстую пасть вырвавшегося Гарма. Вода бурлила, взрываясь огромными пузырями, выпуская клубы пара и дыма. И вот валы сошлись, вздыбились горой и разбежались кольцами волн к тонущим берегам. Море поглотило Гарм-а-Ден, мир раскололся на два острова, и острова эти тряслись в предсмертных судорогах…

— Не смотри вниз, Гил, — сказал Хейм-Риэл. — Видишь впереди серебряную точку? Это птица Таргала. Он хочет преподнести Шемай-Лоху прощальный подарок. Полетим следом, может быть, ему понадобится помощь.

Они пересекли широкий, бурный пролив, недавно бывший долиной Гарма-а-Дена. Теперь под ними в дыму и пламени рушились горы Ио-Тун-Гир. Вулкан Тах плевался огненными глыбами, сгущая тучи над гибнущим миром. Впереди показалось темное, глубокое ущелье, из которого опасливо высунулась вершина притаившегося во мраке магдела, увенчанного черным колесом. Это был Хатт, столица Шемай-Лоха.

Железная птица Таргала нырнула, пронеслась над магделом, выбросив искорку — айрап, и взвилась вертикально вверх. Через несколько мгновений магдел и ущелье исчезли в ослепительном пламени. Таргал, повернув, стремительно мчался на северо-восток, обратно к новорожденному морю. Хейм-Риэл, не долетев до Хатта, повернул в ту же сторону, что и Таргал. И вот снова под ними бушуют горячие волны. Гил, обернувшись, успел заметить, как просел, подобно гигантской чаше, Ио-Тун-Гир, и как вслед за потоками лавы устремился в провал ревущий океан.

Тучи пепла носились над водой. Впереди, распластав крылья, летела железная птица Таргала. Вдруг внизу, в бушующих волнах, блеснуло длинное змееподобное тело.

— Змея Шемай-Лоха! — воскликнул Хейм-Риэл. — Скорей, Таргал!

Опять крошечная яркая искра, выпав из туловища Таргаловой

птицы, понеслась вниз, и в тот же миг навстречу ей из змеи взлетела другая такая же. Две ослепительные вспышки последовали одна за другой, на воде и в небе, и Хейм-Риэл круто развернул летучую машину. Теперь они мчались назад, на юг. Гил посмотрел направо и с ужасом увидел одно лишь бескрайнее море на месте гор Ио-Тун-Гир.

— Что произошло? Что с Таргалом? Куда мы летим? — крикнул он.

— Таргалу не понадобилась наша помощь, — глухо сказал Хейм-Риэл. — Мы летим в Эллигат, забрать тех, кто там остался.

Вскоре впереди показалась суша, и птица начала снижаться. Гил не узнавал эту землю, покрывшуюся сетью кровавых трещин, дрожащую, исторгающую пламя и пепел.

Птица опустилась в поле возле Эллигата. Толчки продолжались; птица, едва опустившись, стала подпрыгивать, тыкаясь в землю то клювом, то крыльями. Мирегал вылетела из кресла и упала Гилу на колени.

Хейм-Риэл вышел и отсутствовал полчаса. Вернувшись, он сразу сел за рукоятки и поднял машину в воздух.

— Больше нельзя было ждать, — сказал он. — Эл-а-Ден просел очень сильно, мы сейчас находимся на добрых триста локтей ниже уровня моря. Через несколько минут сюда хлынет вода.

— Кого-нибудь удалось спасти? — спросила Мирегал. Она не вернулась в свое кресло, так и оставшись у Гила на коленях.

— Да… двадцать человек. Остальные либо погибли под обломками, либо, обезумев, разбежались. Среди спасшихся пятеро друзей и близких: Эалин, Балг, Энар, Ган-а-Ру и Хайр. Все они обезумели от ужаса, но рассудок еще вернется к ним. Ну, вот и все. Нам нечего больше здесь делать…

— Я хочу в последний раз посмотреть на нашу долину, — сказал Гил.

Хейм-Риэл кивнул и повернул птицу клювом на юг. Внизу снова мелькнули руины Эллигата. Вот сейчас должны показаться горы Ио-Син… но их не было, всюду плескалось море.

— Ваша долина уже под водой, Гил, — сказал Хейм-Риэл. — Полетим теперь на север, я должен взглянуть на асгардский магдел.

Мирегал рыдала, крепко обняв Гила. Сзади, за дверью, слышался многоголосый вой обезумевших людей; женщины кричали в голос, мужчины стонали, припав к круглым окнам, за которыми неистовый Гарм разрывал на части и обрушивал в бездну, в темную морскую пучину их землю, их прекрасный мир. Никогда его благоуханные долины, ставшие обиталищем

подводных чудищ, не огласятся детским смехом, никогда больше не проскачут на белых конях по высокой траве ясноокие дэвы…

— Дэвы… — прошептал Гил, прижимая к груди пушистую голову Мирегал. Дэвы погибли?..

Хейм-Риэл не ответил. Они летели над Ио-Рагном — море ревело у самых его подножий, и пылающие горы одна за другой скрывались в пучине. Вот показался Асгард — магдел, накренившийся и треснувший, еще цеплялся за гранитную вершину; последние остатки разрушенных домов лепились по склонам.

— Я увидел то, что хотел, — сказал Хейм-Риэл. — Люди, храните надежду! Вершина магдела пуста.

… Не сейчас, через много дней дошел до Гила смысл этих слов, и они потом долго не давали ему покоя, заставляя часами вглядываться в серое небо и высматривать там долгожданное многоглазое колесо…

Хейм-Риэл вел птицу на восток, и одно лишь бурное море расстилалось под ними.

Через час показалась земля. Правду сказал Хейм-Риэл! Их мир не был единственным островком суши в бескрайнем океане. Вот они, неведомые заморские земли. Здесь тоже были горы, леса и реки, и здесь, должно быть, так же рос хлеб на полях и так же пели птицы и журчали ручьи. Часа два или три они продолжали лететь на восток, море и суша успели несколько раз сменить друг друга, когда, наконец, птица начала снижаться.

Внизу была незнакомая страна, полная сочной зелени. Гил успел разглядеть две могучие широкие реки, бежавшие на юг, к морскому заливу.

Хейм-Риэл посадил машину на самом берегу волнующегося моря, в нескольких милях от устья великой реки. И все, кто, дрожа и воя от страха, прижимались друг к другу в длинном теле железной птицы, сошли на землю и стали безмолвной толпой в зарослях тростника. Жалок был вид этих людей; пять сотен безумных, круглых от ужаса, беспомощных глаз с мольбой и страхом взирали на тех, кто последними спускались из блестящей небесной машины.

— Вот народ твой! — сказал Гилу Хейм-Риэл, простирая руку к кучке безумцев. — Возлюби его и будь ему вместо нас. Возвысив голос. Хейм-Риэл обратился ко всем спасенным.

— Внимайте мне, о люди! Наш долгий путь завершен. Нет больше мира, созданного нами на прекрасном острове, ныне канувшем в бездну. Гарм разорвал его, и океан поглотил его навеки. Вместе с этим погибшим миром уходим и мы, дэвы. Вам отныне придется самим делать все то, что раньше делали мы.

Наше время истекло, у вас же впереди великий простор и великая слава. Мы дали вам все, что могли. Мы наделили вас беспредельной способностью к развитию. Для вас нет ничего невозможного. Придет день, и вы станете во всем как мы, и устремитесь дальше навстречу сиянию великого духа.

Какая-то женщина вырвалась из толпы и с воплем упала на землю у ног Хейм-Риэла.

— Смилуйтесь, господин! — взвыла она. — Не покидай нас! О, сжалься, не уходи!

Хейм-Риэл помог ей подняться, ласково утешая ее и прося не отчаиваться. Гил с болью узнал в этой безумной женщине свою сестру Эалин.

— Мне незачем оставаться, — сказал дэв. — Я один не в силах облегчить вашу участь; без своих товарищей и без светлого эликона я — ничто. Последнее, что я могу для вас сделать — это научить вас, как строить вашу жизнь здесь, в этом незнакомом мире. Слушайте! Эту страну я нашел давно, еще когда мы, только появившись на Земле, летали повсюду, выбирая место для поселения. Две великие реки текут здесь с севера на юг, и почва по их берегам плодородна. Вы должны будете усмирить крутой нрав этих рек, бурно и широко разливающихся время от времени. Как это сделать, какие копать каналы и где строить дамбы, я не буду объяснять — много подробных сведений содержится в ученых книгах, взятых нами перед отлетом из асгардской библиотеки, а того, чего нет в книгах, вы способны достичь собственным умом. Не отчаивайтесь, думайте и трудитесь — и вы будете вознаграждены…

Вы встретите в этой стране дикие племена, не знающие ни металлов, ни письменности, ни искусства; не умеющие выращивать хлеб и разводить скот, живущие в жалких тростниковых шалашах или пещерах. Они охотятся на диких зверей с камнями и палками. Вам не избежать встреч с этими существами. Учите их языку, ремеслам, земледелию; не враждуйте с ними. Из таких же, как они, мы создали вас. Сделайте и вы теперь людей из этих животных! Но остерегайтесь сразу смешаться с ними, чтобы ваша кровь, кровь дэвов, не растворилась в их звериной крови, чтобы вы не исчезли бесследно! В первое время я советую вам избегать смешанных браков. Пусть лучше братья женятся на сестрах» воистину так! Сберегите себя; лишь потом, когда дикари станут разумны и начнут отличать добро от зла, можете понемногу принимать их в свою общину. Жить вы должны все вместе, не расходитесь далеко: эта земля бескрайняя, наш погибший мир был ничтожно мал по сравнению с ней. Пройдут века, прежде чем ваши потомки

заселят всю эту землю…

Вам придется самим управлять своей страной, и вот вам мой совет: пусть Шем-ха-Гил будет вашим верховным мелхом до самой смерти, ибо он, могуществом своего духа, из всех вас наиболее близок к дэвам. Он и его жена Мирегал, — а после их смерти их дети и внуки — пусть правят этой страной!

Теперь мне осталось лишь сказать, что ждет вас в будущем — насколько это можно предвидеть. Первые несколько лет будут самыми трудными — не только потому, что все будет внове, но и потому, что скоро великие тучи, поднявшиеся во время гибели нашего острова, затмят все небо, солнце померкнет на годы, и его тепло перестанет согревать землю. Будет долгая ночь и долгая лютая зима. Но не отчаивайтесь: солнце снова засияет на небе. Я знаю, вам не скоро удастся сразу сделать свою жизнь такой, какой она была раньше. Но никакие беды, никакие трудности не сломят тот дух, который мы в вас вселили…

И, наконец, последнее, что я хочу сказать вам на прощанье. Помните нас! Помните о безродных пришельцах, явившихся на землю из глубин черного неба, о тех, кто навеки утратил свой мир, как и вы теперь, и, как и вы, поселился в неведомой, чужой земле, храня, как святыню, в сердце наивную, смешную мечту о бессмертии. И наша мечта осуществилась! Труд дэвов не пропал даром: заброшенные волей жестокой судьбы в чуждый нам мир, обреченные на гибель, мы все же сумели найти выход, сумели спасти свой род, — мы породили вас, смешав свою кровь с кровью диких местных племен. Дэвы, мои братья, павшие в последней войне, не исчезли бесследно. Вдыхая полной грудью прохладный морской воздух, вы вдыхаете нас! Глядя на снежные вершины, золотые в лучах рассвета, вы впитываете глазами нашу плоть! Наслаждаясь музыкой и пением птиц, вы чувствуете, как наша кровь проникает в вас и наполняет тело блаженством!.. Поэтому не плачьте, расставаясь со мной. Мы не покинем вас. Уходит наша телесная оболочка, но светлый дух наш останется с вами навек! Хейм-Риэл, опустив голову, быстро поднялся по ступенькам и исчез в блестящем птичьем теле. Загудев, машина подпрыгнула, взмыла вертикально вверх и понеслась на запад. Горстка людей на берегу стояла молча и неподвижно; все долго смотрели вслед удаляющейся серебряной точке, и им казалось, что они все еще видят ее, хотя она уже давно исчезла. А, может, они и вправду видели бы ее, если бы не слезы, такие горькие и такие светлые…

Глава 23
ВОЗНЕСЕНИЕ

Я видел сон — не все в нем было сном.
Погасло солнце светлое, и звезды
Скиталися без цели, без лучей
В пространстве вечном; льдистая земля
Носилась слепо в воздухе безлунном…

Байрон

Старый мелх сидел на соломенном коврике, скрестив ноги, и задумчиво покусывал конец тростниковой палочки. На коленях его лежала влажная, мягкая глиняная табличка, почти целиком покрытая рисунками-письменами. Такие же таблички, только уже твердые и обожженные, исписанные с обеих сторон, лежали стопками и просто валялись во множестве на полу по всей комнате. Это Бхарг, хитрюга, придумал писать на глине, честь ему и слава. Кожа! Кто бы сейчас посмел использовать для записей кожу, которой и на сандалии-то не хватало! Нет, даже сам мелх не мог себе этого позволить…

Гил рассеянно начертал на табличке несколько завершающих слов, подумал немного и, отступив, поставил в самом низу: «Написано мелхом Шем-ха-Гилом. Годы 46–51 после потопа».

Отложив табличку, он глубоко вздохнул. Да, теперь можно расслабиться. Труд долгих лет, наконец, закончен. Он спешил, он отчаянно спешил, чувствуя, как неумолимо надвигается старость, безжалостно стирая из памяти имена, лица и события. Как жаль, что не было возможности раньше заняться книгой, все приходилось решать какие-то сиюминутные вопросы, захлестывающие их маленькую страну подобно нерегулярным, но безудержным разливам не укрощенной до сих пор великой реки. Конечно, труднее всего было в первые годы. Перед глазами Гила проносились мрачные картины тех лет — страшных, холодных лет, без солнца и звезд, прозванных в народе Зимой Великанов. Сколько пришлось им пережить, его несчастным подданным, этим двум с половиной сотням полубезумных людей! Но они выстояли, не пали духом даже тогда, когда земля семь лет подряд из года в год не давала хлеба, птицы и звери замерзали в степи,

оголодавшие дикари совершали опустошительные набеги на людские поселения, отбирая последние, с трудом добытые крохи, когда люди перестали отличать день от ночи, не отходили от огня и все равно не могли согреться; когда мужчины с пустыми руками возвращались с охоты, а женщины рожали чудовищ. Все-таки они выстояли, дождались возвращения солнца и в конце концов даже построили из глины и тростника бледное подобие старого мира…

Гил вышел на улицу и посмотрел вокруг. Конечно, гордиться было особенно нечем; это поселение, плод беспримерных усилий, больше всего напоминало самый что ни на есть захудалый нидхагир, но все же в домах можно было жить и растить детей, а глинобитная стена худо-бедно защищала от диких зверей. Теперь уже не повторится кровавое побоище, учиненное здесь обезумевшим от голода львом во второй год после потопа. У Гила до сих пор иногда еще ныли раны, оставленные когтями этого зверя, которого он победил в жаркой схватке, подтвердив тем свое право на власть.

Вот и теперь они заныли, должно быть от воспоминаний, и старый мелх, кряхтя, присел на ступеньку. Он снова подумал о своей книге. Счастье великое, что он успел ее закончить! Кто бы еще, кроме него, мог оставить потомкам столь подробное описание последних дней старого мира! Они должны быть благодарны ему, но он-то знал, что многие посмеиваются над ним, стариком, думают, что их мелх совсем спятил на старости лет, вот и принялся записывать нелепые сказки. Они, молодые, не видевшие ни того мира, ни дэвов, ни гуллов, почему-то уверены, что лучше него знают, как все случилось! Послушаешь некоторых, так смешно станет. Впрочем, тут не молодежь виновата. Родители их несчастные, ошалевшие от страха беженцы, с них-то все и началось. Кто из них сохранил рассудок после потопа, кроме него, Мирегал да еще Бхарга? Никто. Уже на следующий день после того, как Хейм-Риэл высадил их возле устья реки, кто-то, кажется, Энар, заявил, что, дескать, это дэвы ниспослали нам потоп за грехи наши. И пошло, и пошло… Эалин, бедняжка, вылепила из глины статую Таргала. Ну, добро бы вылепила и поставила на видном месте, статуя была хорошая. Так она стала утверждать, что дух Таргала теперь не носится больше в воздухе неприкаянным, а поселился в этой глиняной фигуре! И пошел народ на поклон к статуе, разговаривали с ней, как с живой, да еще и выпрашивали у нее всяких благ. Таргал, заостри наши мечи! Таргал, даруй нам победу! Научили этому и дикарей. Те и говорить-то еще толком не умели, а уже ползали на брюхе перед истуканом и выли, коверкая слова, как только можно: Торгал, Нергал, Маргал! Укрепи десницу царя Гил-га-Шема! А какой-то

умник придумал, что, мол, дух Таргала разделился, и часть его обитает в статуе, часть рассеяна в воздухе, а часть улетела на небо и стала там звездой. Все поверили, и никто не хотел слушать, что эта красная звезда — четвертая планета и светила она в небе за миллионы лет до рождения Таргала. Потом развилась целая безумная система: Фенлин поселилась на второй планете, и Ашт почему-то оказалась там же, да еще и слились обе воедино, так что их уже не различить. Элиар, как главный дэв, полетел на пятую, Хейм-Риэла забросили на первую, небо ожило, светила обрели великую власть. Шемай-Лох стал царем подземного мира, полного гуллов и призраков, а его железная змея кольцом опоясала землю, грозя новым потопом. Как-то раз выше по течению, где сейчас северное поселение, упал метеорит. Так его разыскали, привезли и вмуровали в голову очередного идола, статуи Ану, утверждая, что это священный небесный камень дэвов. А ведь это был кусок отличного железа, как бы он мог пригодиться!..

Гил тяжело вздохнул. Никто из беженцев, увы, не знал, как добывать металл. Он искал эти сведения в книгах, но книг было много, а времени мало. Может быть, потомки, когда поумнеют, найдут утерянный секрет. Не вечно же будет длиться это потопное безумие! Тогда, быть может, люди снова станут учиться читать и писать — ведь теперь и это забыто! Кроме стариков, что прилетели сюда уже грамотными, да двух-трех молодых из числа так называемых жрецов, никто из людей не понимает ни букв, ни рисунков-слов. Зато как они любят болтать о том, чего не знали и не знают! Когда тучи, наконец, пролились дождями, когда в первый раз выглянуло солнце и в небе засияла радуга, как они спорили, чуть не до драки, что это такое — посланный дэвами знак, говорящий о том, что потопов больше не будет, или воздушный мост, связывающий землю с Асгардом небесным…

Но Гил не держал гнева на свой народ. В конце концов, люди не были виновны в своем безумии. Да и сам он… Ведь это он поведал людям, что перед гибелью мира вершина асгардского магдела была пуста, и, значит, часть дэвов спаслась в эликоне. Хейм-Риэл улетел на запад, чтобы разыскать их. «Из этого следует, — сказал тогда Гил, — что мы можем рассчитывать на возвращение дэвов, если не сейчас, то когда-нибудь в будущем».

Что тут началось!.. Нужно срочно строить магдел! Место для него указано самими дэвами — как раз там, куда упал злополучный метеорит. Начался великий и, бесполезный труд. Гил был вынужден начать очередную, на редкость длительную и тяжелую войну с низенькими, круглоголовыми местными дикарями, чем-то похожими на нидхагов, чтобы захватить

побольше рабов, необходимых для строительства. Нелепое ступенчатое сооружение, не имевшее с магделом ничего общего, кроме внешней формы, было построено, а вокруг него выросло северное поселение, где жило теперь большинство жрецов. Эта новая каста почитала смыслом своей жизни служение дэвам и ожидание их прихода. Дэвы, однако, все не являлись, и тогда Зуэн, сын Балга, верховный жрец, стал утверждать, будто знает причину этой задержки. «До потопа, — проповедовал он, — существовал обычай первенцев всех стад отправлять в Асгард, а самых одаренных детей отдавать дэвам на обучение. Но Асгард теперь на небе, и попасть туда нам нельзя из-за тяжести бренного тела. Давайте же будем здесь, у подножия магдела, лишать жизни тех, кого сочтем достойными, и пусть их освобожденный дух возносится в Асгард небесный. Тогда дэвы вспомнят о нас и вернутся на землю».

Безумие спасшихся неудержимо приобретало кровавый оттенок. Силой своей власти Гил запретил человеческие жертвоприношения, и это дорого обошлось ему, едва не став причиной раскола страны. Жрецы ополчились против мелха. Часть их ушла еще дальше на север и основала там свое поселение, неподвластное Гилу. Одним дэвам ведомо, что они теперь там творят — должно быть, обагряют жертвенные камни человеческой кровью и пожирают, подобно гуллам, собственных детей…

Раздоры возникали и по более земным причинам. Гил до сих пор не мог без содрогания вспомнить кровавую распрю, вспыхнувшую среди его сыновей из-за дочери Бхарга, красавицы Нуам. Дело кончилось тем, что брат убил брата; убийца Кам был проклят и изгнан, и с ним ушли на запад его друзья и его любимая Нуам… О судьбе их долго ничего не было известно, но потом почтовый голубь принес весть об изгнанниках. Гил и Мирегал могли больше не беспокоиться о своем преступном сыне: Кам вместе со своими спутниками пересек пустыню и достиг прекрасной плодородной страны далеко на западе, где величайшая из рек, Хапи, что течет с юга на север, ежегодно разливается, оставляя по берегам слой жирного ила. Там, в благодатной стране Кеме, изгнанники основали поселение и живут безбедно.

Гил долго сидел на ступеньке своего царского дома — жалкой глиняной хижины с крышей из тростника — и вспоминал бурные события своей жизни. Больше всего он жалел о том, что почти не помнит своей молодости, тех безоблачных двадцати лет, что он провел в Эн-Гел-а-Сине, на хуторе Белые Камни, среди родных и друзей. Великое горе и тяжкий труд стерли из его

памяти это счастливое время. Что ж, может, оно и к лучшему, думал Гил, а то бы я прежде времени сошел в могилу от горя, постоянно сравнивая то, что было, с тем, что есть. И я бы тогда не дождался… Я не дождался бы…

Гил вскочил, в волнении прижав руку к груди, и воскликнул, обращаясь к глиняным стенам домов:

— Скоро я покину тебя навсегда, о жалкий мир, плод безумия и великих усилий! Я сделал для тебя все, что мог, и теперь счастлив, что могу наконец уйти и получить то, что мной заслужено! Дверь открылась, и на крыльцо вышла Мирегал. Она и в старости сохранила свою милую улыбку и независимый вид.

— С кем ты говорил, Гилли?

— Ни с кем, любимая, сам с собой. С кем еще можно говорить в этот час, когда все, кроме нас с тобой, беснуются в капище распроклятой государыни Ашт! Мирегал усмехнулась.

— Представляю, что было бы, скажи я им, что в свое время влепила ей пощечину. Они разорвали бы меня, просто разорвали! — Мирегал… — Гил загадочно посмотрел на жену, поглаживая седую курчавую бороду. — Скажи, если бы мы могли сейчас уйти отсюда навсегда — ты пошла бы со мной?

— Нам же некуда идти! Или ты задумал переселиться к сыну в страну Кеме?

— Дальше, Мирегал, дальше. Слушай, я поведаю тебе великую тайну.

— Гилли, что с тобой! У тебя горят глаза, как у Кулайна во гневе! Уж не заболел ли ты?

— О нет! Я здоров, как никогда. Слушай. Сегодня ночью случилось то, чего я ждал все эти годы. Эйтлан ожил.

— О-о! — простонала Мирегал. — Опять туны какие-нибудь?..

Давно, еще в первый год после потопа, эйтлан однажды заговорил, донося из какого-то неведомого мира глухие проклятия на дэвинмоле. Гил и Мирегал решили, что это был голос туна. Судя по тем словам, что удалось разобрать, тун умирал и перед смертью проклинал Таргала, затопившего железную змею Шемай-Лоха. С тех пор прошло полвека, и за все это время из эйтлана не донеслось ни звука.

— Нет, это были не туны. Я говорил сегодня ночью с Хейм-Риэлом.

Мирегал широко раскрыла глаза, все такие же большие и черные, и дрожащим голосом спросила:

— Это правда?! Что же он сказал?..

— Они вернулись из дальнего путешествия… Эликон долго странствовал в просторах Вселенной, преодолел многие миллиарды миль, и в конце концов они нашли то, что искали.

— Что?

— Он не сказал. Что-то очень, очень важное. Открыли какую-то великую тайну. Мы скоро узнаем, что именно. Потому что они прилетели за нами.

— За нами?! — Да, через три дня, в ночь полнолуния, эликон опустится на вершину нашего злополучного магдела. Мы будем ждать его там. Дэвы возьмут нас с собой, потому что мы уже сами, как сказал Хейм-Риэл, давно стали дэвами, и нам осталось только немного подучиться…

— Мы войдем в эликон, куда не входил ни один человек?

— Да. И полетим в неведомый мир. И узнаем великую тайну. Быть может, это секрет бессмертия…

— Но, Гил, мы же все-таки люди, и родились среди людей. Не жалко тебе покидать свой народ? Своих детей и внуков? Эту несчастную страну, наше нищее детище? Они же совсем одичают без нас, потеряют последние остатки рассудка!

— Этого мы уже не в силах предотвратить. Безумие надолго воцарилось здесь. Нам не дождаться победы разума, хоть я и верю, что светлый дух, вложенный в людей дэвами, в конце концов выведет их на верный путь. И когда-нибудь, спустя века, мы вернемся… А пока мы не нужны здесь… Собирайся же, Мирегал, путь неблизкий.

Все население глиняного городка отравилось проводить Гила и Мирегал на север, в верхнее поселение, где находился магдел. Слова мелха о том, что он желает улететь с дэвами в эликоне, по-своему преобразились в искаженном сознании людей. Они решили, что мелх захотел умереть на жертвенном камне, и с восторгом предвкушали невиданное зрелище.

Зуэн, верховный жрец и служитель магдела, вышел навстречу мелху с ржавым, зазубренным ножом в руке — одним из последних оставшихся еще у людей металлическим предметом — и радостно скалясь, предложил Гилу и Мирегал сейчас же отправиться на небо с его помощью.

— Великая радость для всего народа видеть, что ты, о мелх, наконец признал истинность нашей веры и правильность наших поступков, — сказал Зуэн, сын Балга. — Принеся тебя и Мирегал в жертву, мы наверняка обретем благосклонность дэвов, и они даруют нам мир, хорошие урожаи и смирную воду. Своим благоденствием народ будет обязан вам. Мы воздадим вам великие почести, и будем поклоняться вам, как дэвам! Ложитесь же на этот камень и примите смерть с радостью — и, живя на небе, не забывайте о нас!

— Пропади ты!.. — отмахнулся от него Шем-ха-Гил. — Да возьмут тебя гуллы со всей твоей бредовой мудростью и

кровавыми обычаями! Чем без толку лить на камни овечью кровь, лучше занялся бы делом! Не надо просить дэвов о милости. Учите дикарей уму-разуму, вместо того, чтобы нападать на них и обращать в рабство, — и будет мир. Прочитайте книги по земледелию, работайте умно — и будут хорошие урожаи. Прокопайте каналы, как я многократно объяснял вам, — и вы усмирите Евфрат! А теперь — прочь с дороги! Мне не нужен твои нож, Зуэн, чтобы попасть к дэвам! — Горе! — воскликнул жрец.

— Твой разум опять помутился!.. Придется нам помочь тебе довести до конца то, что ты хотел совершить, но в последний момент отступился!

Зуэн махнул рукой, и десяток воинов-полукровок, детей от смешанных браков людей и дикарей, вооруженных заостренными палками, двинулись к Гилу и Мирегал.

— Стойте! — кричал мелх, обнажая меч, ослепительно сверкнувший на солнце. — Убирайтесь! Этот меч я получил от дэвов в Асгарде для того, чтобы разить нидхагов и гуллов. И поскольку ты, Зуэн, не видел ни тех, ни других, я поясню: это злобные твари, похожие на тебя и твоих приспешников. В моих руках еще достаточно сил, чтобы изрубить вас всех в куски! Толпа обступила старого мелха и его жену. Сквозь плотные ряды людей протиснулся старик и присоединился к окруженным.

— Я с вами! — шепнул он. — Не бойтесь. Это трусы и ничтожества, они сразу же разбегутся, отведав асгардских мечей.

— Бхарг, милый! Я знала, что ты не оставишь нас! — По лицу Мирегал текли слезы.

— Пропустите их, — хмуро сказал Зуэн. — Пусть идут, куда хотят, безумные.

— Идем с нами, Бхарг, — сказал Гил.

И они втроем молча пошли вперед, к пирамиде, и начали долгий подъем по каменным ступеням. С первого уступа Гил швырнул вниз, в безмолвную толпу, свой эйтлан на золотой цепочке.

— Сохраните эту вещь! — крикнул он. — Когда дэвы захотят говорить с вами, вы услышите их голоса в этой коробочке. И прощайте!.. Да, в своем доме я оставил для вас книгу о днях до потопа. Прочтите ее и запомните, там все до единого слова

— правда… Не молитесь звездам и идолам, не проливайте человеческой крови, не воруйте! Не допускайте в свое сердце зависть; перестаньте творить разврат в капищах Ашт — ведь это была злобная, мерзкая ведьма!.. Все мои прощальные советы я начертал на камнях, которые вы найдете в моем доме. Но главную заповедь я скажу вам сейчас. Помните, кто вас создал! Помните, кто вы! Люди, кровь дэвов течет в вас! Идите по пути

добра, ибо черный дух не дремлет! Вы созданы, чтобы стать дэвами, — дэвами, а не тунами!

Поднявшись на следующую ступень, Гил снова обратился к людям:

— Прощайте, братья мои! Возлюбленные мои безумцы, гуллы бы вас забрали! Я любил вас, и не моя вина, что потоп помутил ваш рассудок. Прощайте!..

Гил, Мирегал и Бхарг поднимались все выше и выше по крутым ступеням и вскоре скрылись из виду.

Толпа внизу, постояв какое-то время, наконец в безмолвии разошлась.

Рано утром юноша Ушумгал, сын дикарки и Абирана, сына Хайра, вбежал в глиняное жилище жреца Зуэна. Мальчик был возбужден до крайности, колени его тряслись, а глаза постоянно закатывались, выворачиваясь белками наружу, как у припадочного.

— Я видел, видел! — лепетал он дрожа. — Я своими глазами это видел! О, великий жрец, дозволь мне сказать, что я видел!

— Сядь и говори спокойно, — приказал Зуэн. — Я слушаю тебя.

— Сегодня ночью я гулял возле магдела, о великий жрец, со своей подругой Гештинаей. Вдруг мы услышали шум, идущий с неба. Я поднял голову и увидел молю, верь мне, это правда! — сияющее голубое колесо с глазами по краю. Оно летело, вращаясь вот так, и светило сильнее, чем сам великий Син! И колесо это опустилось на вершину магдела, и в нем отворилась дверь, и оттуда вышли трое — о жрец, я не могу описать их! Великий страх охватил меня, когда я их увидел; я окаменел и не мог шевельнуться… Их лица сияли, золотой ореол обрамлял их головы, и от них исходила неведомая грозная сила! Я увидел, как к этим трем светлым фигурам — а это были дэвы, о великий жрец, воистину это были дэвы! — подошли три темные фигуры. Я узнал их — это были мелх Шем-ха-Гил, жена его Мирегал и Бхарг аби Нуам. Дэвы взяли их за руки и повели туда, в светящееся колесо. И когда эти люди один за другим входили в дверь, они преображались, о великий жрец, да, да, они преображались, пересекая порог чудесного колеса. Их волосы вспыхивали золотым огнем, они становились выше, стройнее, их тела наливались светом, они становились дэвами! Пусть лопнут мои глаза, если я лгу! Все это продолжалось один краткий миг, и небесное колесо полетело вверх, все выше, выше, пока не превратилось в маленькую голубую звездочку. Тоща я упал на землю, и всю ночь пролежал там в великом страхе, и молился государыне Ашт, чтобы она смилостивилась надо мной!.. Все, что

я сказал, правда, и моя подруга Гештиная может подтвердить каждое мое слово, о великий жрец! — Хорошо, Ушумгал. Благую весть ты принес нам. Дэвы вернулись! Мелх Шем-ха-Гил, Мирегал и Бхарг живыми вошли в эликон! Это великий праздник для нашего народа, и мы должны достойно встретить его. Я пойду оповестить народ. Ты же, Ушумгал, беги, приведи свою подругу к магделу и жди меня!

Весь день продолжался праздник. Во славу великих дэвов неугасимо пылал жертвенный огонь, на священные камни рекой лилась кровь овец и коз. Ушумгал и Гештиная поведали всем собравшимся о том, что видели ночью; народ ликовал. Нинул, дочь Эалин и Аги, по приказу Зуэна за два часа с помощью десятка рабов вылепила гигантскую статую Шем-ха-Гила, в самую середину которой был вмурован священный эйтлан.

— Пусть же сегодня вслед за Шем-ха-Гилом отправятся к дэвам все, кто этого достоин! — вскричал Зуэн под ликующие вопли толпы.

И вновь полилась кровь на жертвенные камни. Дымясь, капала она на топкую землю, и была она красней и горячей, чем кровь скота, ибо это была кровь дэвов…

Первыми были принесены в жертву Ушумгал и Гештиная; взявшись за руки, радостно устремились их освобожденные души к небу туда, где в сияющей вышине раскинулся Асгард, небесная столица дэвов. И за этими двумя последовали многие, многие другие…

Но кровавое празднество было прервано внезапно и страшно: могучий Евфрат, грозно разлившись, хлынул в поселок, смыл кровь с жертвенных камней, смыл и самые камни, и глиняные хижины, и даже грандиозный, но, увы, тоже глиняный магдел. Люди в страхе бежали на запад, многие были сметены потоком и соединились с дэвами, миновав ножа Зуэна. Те же, кто выжил, вернулись спустя месяц, чтобы найти лишь толстый слой ила и обломки своих жилищ.

Но люди не пали духом и отстроили все заново, еще хуже и уродливее, чем раньше, но отстроили; и так много, много раз они уходили и возвращались, находя развалины, и строили, строили, строили… Дома становились все меньше, делаясь похожими на звериные норы, но люди не отчаивались и знай себе работали.

Дайте им время, о великие дэвы! Дайте им время! Они поумнеют, они еще вспомнят, они научатся! Не надо их торопить. Смотрите, вот прошло каких-то пять-шесть тысяч лет, и — кто бы мог подумать? Они уже возрождаются! Вот поднялись из праха шумерские города. Вот и потомки Кама в Египте, пообвыкнув, начали вспоминать: а как это мы строили магделы?..

Пусть время идет своим чередом. У них еще все впереди. Ведь это — люди.

notes

Примечания

1

Апсу — по-древнеегипетски: бездна, беспредельность.

2

Милдориэл — Дух-Ведет-Войну (дэвинмол).